

№ 2(44).2021

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Апрель 2021 № 2 (44)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 20 мая 2021 года. Тираж: 80 экз. Заказ № 3759

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики» Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчеркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Проза

Вячеслав Куприянов. Сырая рукопись. <i>Сочинение времён застоя. Часть 3. Завершение.</i> <i>Начало в № 6(42)-2020, в № 1(43)-2021</i>	5
Валерий Шелегов. Кузины лужки. <i>Очерк</i>	18
Татьяна Грибанова. Серафима. <i>Повесть</i>	26
Олег Черницын. Лёшкина завалинка. <i>Рассказ</i>	33
Вера Скоробогатова. Студёное море. <i>Отрывок из повести «Скала»</i>	39

Поэзия

Владимир Тыцких. Вечное время. <i>Стихи</i>	44
Александр Орлов. Только лишь Бог и ветер... <i>Стихи</i>	49
Валерий Мухин. В земном многоголосном храме. <i>Стихи</i>	52
Сергей Алиханов. Искусство говорить о незаметном... <i>Стихи</i>	54
Юрий Щербаков. До чего же мне любо корнями гордиться... <i>Стихи</i>	57
Андрей Галамага. Любить – до дна, не зная меры... <i>Стихи</i>	61
Владимир Макаренков. Путеводная звезда. <i>Стихи</i>	66
Сергей Пахомов. Обозы звёзд мерещатся реке... <i>Стихи</i>	69

Берега Поволжья

Юрий Семендер. Волжский сонет. <i>Стихи</i>	72
Галина Матвеева. Много ль счастья нам с тобой нужно... <i>Стихи</i>	76
Станислав Садур. Родной очаг, своё тепло. <i>Стихи</i>	78

Берега юбилеев

Владимир Захаров. Сибирская Пасха Достоевского. <i>К 200-летию Ф. М. Достоевского</i>	80
Григорий Блехман. Слово Николая Гумилёва. <i>К 135-летию со дня рождения Н. Гумилёва</i> ...	86

Берега искусства и культуры

Кира Головки-Иванова. Светлана Аллилуева. Одиночество в наследство. <i>Воспоминания – в редакции Михаила Головки</i>	95
Елена Канеева. Тарковский	101

Берега любомудрия

Алексей Малинов. Поэтическая историософия Алексея Хомякова	103
Виталий Даренский. Духовный смысл русской истории и русское возрождение Донбасса ...	124

Берега истории

Екатерина Фёдорова. Из эпохи в эпоху. Кулинарное путешествие прабабушки Анны С. Вырубовой	133
---	-----

Берега Крыма

Анатолий Таврический. Нина Грин	137
--	-----

Берега прочтения

Вячеслав Лютый. Неотвратимость бытия. <i>Внешнее и затаённое в поэзии</i> <i>Дмитрия Мизгулина</i>	140
Виктор Богданов. Высокие долги поэта. <i>О сборнике стихов Владимира Тыцких</i> <i>«Всё остаётся другим»</i>	146

Русский мир без границ

Золотая книга Центральной Азии. К 580-летию Алишера Навои

Жолдошбек Монолдоров. Учителю народов Алишеру Навои посвящается	149
Павел Глоба. В ближайшие 20 лет нас ждёт удача	151
Нурлан Калыбеков. Белый путь	152
Элен Дорис. Заметки о Навои	152
Светлана Савицкая. Четыре дня на Каспии. Поэма о маме и море	153
Балканы. <i>Отрывки из романа</i>	165
Мусуми Гхош (Индия). Алишер Навои – певец Средней Азии	167
Май Ван Фан (Вьетнам). Ветер, носящий имя Алишер Навои	168
Светлана Дион. (Испания). Посланник из будущего. <i>Посвящается Алишеру Навои</i>	168
Атанас Ванчев де Траси (Франция). Посвящение Алишеру Навои	169
Людмила Менаже (Франция). В дорогу с Навои	169
Ирина Анастасиади (Греция). О мудрости	170
Анна Барсегян (Армения). Слово поэта – алмаз	170
Юсуф Аслан (Турция). В честь учителя Алишера Навои	171
Вера Болдычева. Великий гений Навои	171
Василина Нарышкина (Чехия). Великая Кровь	172
Татьяна Домбровская (Польша). Майский снег	173
Марко Долаш (Сербия). Алишеру Навои	173
Хасан Гаюбов (Таджикистан). Беседа с образом Навои	174
Людмила Крыжановская (Украина). Талисман поэзии Алишера Навои	174
Вера Хамидуллина (Республика Татарстан). О, восточной поэзии светлые дни!	175
Олег Воловик (Венгрия). Основоположник современного узбекского языка	175

Берега Лондона, Парижа, России

Открытое письмо Президенту Российской Федерации В. В. Путину о незаконных претензиях со стороны части потомков Российского Императорского Дома М. В. Романовой и её сына Г. Прусского	177
--	-----

Берега Литвы

Анна Тураносова-Абрас. Верю я. <i>Стихи</i>	180
--	-----

Берега Австралии

Юрий Мазковой. Спутницы жизни. Другой мужчина. Два друга. <i>Рассказы</i>	182
--	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	188
---	-----

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Куприянов – родился в 1939 году в Новосибирске. Учился в Высшем военно-морском училище в Ленинграде. Окончил Московский институт иностранных языков. Член Союза писателей России и Сербии. Поэт, прозаик, переводчик. Литературные премии: фестиваль поэзии в Гонезе (Италия, 1986), Европейская литературная премия (Югославия, 1987), Македонский жезл поэзии (Скопье, 1999), премия им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), премия министерства образования Австрии (2007), «Моравский свиток» (Сербия, 2008), Бунинская премия (2010), им. Маяковского (2011), Почётная грамота президента Республики Саха (Якутия, 2016), премия Союза писателей Сербской Республики (2017), «Европейский атлас поэзии» (Сербия, 2017), Felix Romulana (Сербия, 2017), «Сердце связующая нить» (СП России, 2018), «Югра» (Ханты-Мансийск, 2018), Naji Naaman's Literary Prize (Япония, 2018).

СЫРАЯ РУКОПИСЬ

Сочинение времён застоя

Часть 3. Завершение. Начало в № 6(42)-2020, № 1(43)-2021

ЧЕТВЁРТАЯ СКРЕПА

Что-то тянуло меня наружу, воздух, что ли, стал вокруг памятника разреженным, я легко выдавил пробку и вышел. Всё было чёрным, словно вода и воздух исчезли, и сплошные массы твёрдого тела надвинулись на меня. Было очень жарко. Я боялся сдвинуться с места и стоял, вцепившись в памятник.

В отчаянье я прижался лбом к памятнику, и тут впервые что-то забрезжило, я потёрся лбом сильнее, и стало ясно; стекло моего шлема было покрыто копотью, сквозь которую я и увидел проблески света.

Я огляделся и оторопел: окружающий меня свет оказался не белым, а красным! Ещё оседала тончайшая копоть на вещи, они тускло светились, и сам я словно попал из уютного чрева памятника в урчащее чрево кита, на котором держится Земля.

Осторожно, стараясь не раздражать шагами моё подножье, я медленно стал продвигаться в красном свете. Почва не прогибалась, значит, вряд ли это гладкая мышца желудка. И всё-таки страх не покидал меня, хотя я как материалист понимал, что если бы это был желудок, то был бы и желудочный сок... А как идеалист я понимал, что если это всё-таки чрево, то всё должно кончиться благополучно согласно преданию. А вот и след, который остаётся за мной, отчётливые следы ботинок – в желудке бы не было следов.

Небо зияло зловещим зевом, оно заболело ангиной. Пунцовое солнце застыло в нём, а памятник выглядел издали красным пасхальным яйцом.

Но никого не было видно. Ни одного непотомственного на земле. Ни одного потомственного в небесах и под землёй. Где они? Где их красные кровяные тельца? Или они здравствуют где-нибудь в ином свете – в свете своих последних решений?

Я слышу пульс опустевшего мира, бьётся его неопустевшее сердце, я зажимаю уши и слышу шум собственной крови.

Перед глазами печальное марево, дразнящий своей пустотою пейзаж, где нет ни одной живой души. Я закрываю глаза и вижу цвет крови. Своей.

Я кричу, но мой крик – крик вопиющего в пустыне, я закусываю губы и чувствую вкус крови.

Кроваво-красные розы расцветают в воображении. Я заблудился в ночном лабиринте розы.

Ночь, как бутон, смыкается над моей головой. В меня впиваются шипы звёздного света. Я боюсь аромата, я боюсь потерять в нём моё дыхание.

Я боюсь, что моя дорога тоже может увянуть. Вот оно, чудовищное смыкание тех лепестков, между которыми я когда-то проскользнул в этот лабиринт.

Я действительно шёл в лабиринте. Это был лес, состоящий из высоковольтных вышек, возможно, здесь находились электроды, управлявшие реакцией, которая выжгла все прочие цвета. Сплошная электрификация плюс полное исчезновение пейзажей!

Я шёл долго, наконец я дошёл до края купола, он полыхал, но просвета в нём не было.

Так я шёл, пока не вступил в оранжевый свет. «Зрящий имеет своим объектом себя». Подняв глаза, я увидел над собой раскрытый купол оранжевого космического парашюта, и мне опять почудилось, что я лечу вместе со всей окрестностью. И я тоже оранжевый, и, когда я приземлюсь, меня легко разыщут, как и всё оранжевое, бросающееся в глаза.

Здесь впервые меня осенило, что надо как-то дать знать о себе. Проще всего поступить традиционно – найти бутылку и запечатать в неё рукопись.

Но, как назло, бутылки если попадались, то уже разбитые, как будто их потребители боялись не только проникновения рукописей в сосуды, но и прочтения надписей на сосудах, говорящих об их составе.

Свет был ярким и сильным, глаза стали уставать, я прикрыл их ладонью, потом вовсе закрыл и пошёл, держась за край купола. Он был прохладен и влажен, а это было приятно, я думал о влаге, сквозь которую мне пришлось пройти.

Я снова открыл глаза и увидел, что я не лечу, что оранжевое пожелтело, а часть колпака, за которую я держусь, имеет очертания жёлтого дома, с нарисованными неуверенной, видимо детской, рукой окошками и дверями. Ладонь, которой я касался стены, стала чёрной, она прочертила за собой ясный след. То ли копоть, то ли вода, которой смывали художества, была такой мутной? Скорее второе, ведь в ней должны быть частицы земли, взвешенные после труда водолазов, а также масса смутных слухов. Я попробовал протереть нарисованное окно, и стали проявляться буквы, скоро я смог различить слова, затем предложения. Письмена были записаны столбиком. Я стал их разбирать по порядку, протирая окно. Первым было следующее:

Вначале был хаос. Перемешаны были
Соль и свинец, золото, медь,
Камень, свет и вода. Человека
Ещё не было. В хаос
Из хаоса пришёл человек.
Из хаоса своего подножья
Он добывал железо,
Золото, медь, соль и свинец.
Так исчезло подножье.
Но с этой добычей
Человек устремился за светом
Туда, где скрывался
Хаос новых подножий.
Вокруг
Создавался железный порядок:
Не было земли,
Возникали пыль, песок и зола.
Не было моря,
Возникали соль, и вода, и подводные камни,
Не было звёзд,
Возникали огонь, свет и зола.
И лишь в человеке

Совмещались ещё
Соль и свинец, золото, медь,
Камень, свет и вода. Но Человека
Уже
Не было.

Это было похоже на мотто, на эпитафию, так как было написано иным почерком, чем другие надписи. Почерк был каллиграфический, что было особенно удивительно при письме на таком древнем языке, древнем для этого Арела, а для меня, по крайней мере, старинном.

Я перешёл к написанному дальше:

В одном
некогда бывшем Ареле
взрослые
расхватывали все детские игрушки, –
потому что дети
не доросли до прилавка.

Протезы для безногих
расхватывали двуногие,
пока безногие ковыляли на костылях.
«МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЕЗДЕ ВПЕРЕДИ!» –
шутили двуногие,
выбегая из магазинов
на четырёх ногах.

Протезы для безруких
расхватывали двурукие,
потому что безруким
нечем было на них заработать деньги.
«СВОЯ РУКА – ВЛАДЫКА!» –
шутили двурукие,
расталкивая очередь при выходе
четырьмя руками.

Радио сообщило:
«Поступили в продажу слуховые приборы».
И те, кто прослышал,
расхватывали со скоростью звука
усилители слуха и говорили при этом:
«ИМЕЮЩИИ УШИ ДА СЛЫШАТ».

Известили светорекламы:
«Появились глазные протезы».
Увидели зрячие,
расхватывали
стеклянные очи
и говорили при этом
бестолковым слепым:
«ЗА ВАМИ ГЛАЗ ДА ГЛАЗ НУЖЕН!»

И пока
до безголовых дошло, головастые всё схватывали
и говорили при этом:
«ХОРОШО,
КОГДА ГОЛОВА СВОЯ НА ПЛЕЧАХ,
НО ОДИН УМ ХОРОШО,
А ДВА – ЛУЧШЕ,

к тому же
будет на кого что свалить:
С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ!»

Наконец, написали во всех газетах:
«Да имейте же СОВЕСТЬ!»
И пока
бессовестные рассуждали:
на черта нам эта совесть,
имущие совесть
всё расхватали
и говорили при этом:
«У НАС ЖЕ СВОБОДА СОВЕСТИ,
так что теперь у нас
БУДЕТ СОВЕСТЬ И ДЛЯ ПРОДАЖИ!»

А всё началось с того, что в одном
некогда бывшем Ареале
взрослые расхватали
все детские игрушки,
потому что дети
не доросли до прилавка.

Меня удивило упоминание о газетах. Неужели они до меня не доходили только потому, что на памятник нельзя было прикрепить почтовый ящик? Но что меня обрадовало, это предположение, что, если есть запись, значит есть надежда на встречу с кем-то владеющим общим со мною языком. Я стал читать дальше:

В одном
некогда бывшем Ареале
запретили
питаться чем-либо иным,
кроме птичьего молока.

И покорные вымерли.

В живых остались
лишь власти,
утвердившие этот запрет,
но тайком потреблявшие мясо.

И сосланные
в отдалённые места
враги запрета,
посаженные
на грубую пищу.

Это сообщение ещё более обрадовало, поскольку вселяло надежду на то, что есть ещё где-то отдалённые места. Кстати, и грубая пища мне бы сейчас не помешала. Следующий, сквозь смазанную копоть проступивший текст гласил:

В одном
некогда бывшем Ареале
жили-были два брата –
песенник
и ремесленник.

Один сочинял
популярные песни,
другой
изобрёл
велосипед.
И в школах учили:
«БУДЬТЕ КАК ЭТИ БРАТЯ!»

Но однажды,
когда все повторяли
всем привычное «А»,
оба брата сказали
никому не привычное «Б».

И их тотчас изгнали
из некогда бывшего Ареала
и всем запретили
петь песни первого брата.
За исполнением запрета
следили сыщики
на велосипедах.

Этот текст подтверждал надежду, что есть ещё где-то место, куда можно сослать и изгнать, значит, где-то ещё продолжается жизнь. Что до песен, то, как и газеты, они до сих пор до меня не доходили, видимо, потому что внутри моего памятника была очень хорошая звукоизоляция. Тем не менее новые строки тоже касались песенного искусства:

В одном
некогда бывшем Ареале
у Одних была песня,
но её отняли
Другие.
И сложили Одни
Другую песню,
и с этой песней
пошли на Других.
И отняли Одни у Других
свою песню,
и так исчезли без песни
Другие.
Но Одни не знали теперь,
что им дороже:
песня, за которую они боролись
с Другими, или песня,
с которой они боролись с Другими?
От сомненья, от несогласья
исчезли Одни
вслед за Другими.
В одном некогда
бывшем Ареале.

Я думал, что хаос есть хаос, я старался найти в нём что-то закономерное, длительное, достойное памяти, но всё время склонялся к тому, что всё достойное творится либо внизу, под водой, либо вверху, на колпаке. Но песни снизу не поднимались до меня, а песни сверху не опускались до меня. Это было печально, – одни сложили, другие отняли, а мы так и не услышали этих песен. А ведь кто-то ещё и плясал под эти песни... Вот что было написано дальше:

В одном
некогда бывшем Ареале
почитали
людоедов превыше всего.

Прогресс бытия
люди видели в производстве
заменителей самих себя
на благо
людоедов.
Но людоеды любили людей,
а потомственных роботов не сочли за благо.

Люди
видели своё благо
в процветании людоедов,
поскольку вырождение людоедов
могло лишь свидетельствовать
о разложении людей.

Людоеды утверждали,
что человек незаменим,
и потому люди
для утверждения
своей незаменимости
видели свою задачу
в создании совершенного
робота –
людоеда

В одном
некогда бывшем Ареале.

Эта тема была мне хорошо знакома, её могли занести в эти края бывшие несъедобные, а в постановке вопроса (конструирование Нового человека) есть отголоски замысла ципроночелов. Но ведь всё это были благие замыслы, и если они не удались, то вовсе не потому, что желали лучшего при наличии хорошего. И какое всё это имеет отношение к проблемам внутри Ареала? Мне опять показалось, что меня хотят околпачить, но ведь не ради меня одного оставляли все эти странные надписи! Каковы же были те письма, которые так рьяно стирали и смывали с «лица» купола? Что там такое могло быть изложено, из-за чего последовательно «смылись» сначала усердные непромокаемые, а затем водолазы и околпачиватели, творцы рукотворной утопии? Нет ли ответа на сей вопрос в последующих письменах?

На развалинах
некогда бывшего Ареала
обнаружены были

картины,
на которых
развалин не обнаружено,

книги,
где говорилось, что всё вокруг
хорошо,

и газеты,
где утверждалось –
как много

хороших картин и книг
в одном
некогда бывшем Ареале.

Новое упоминание о газетах и книгах, существовавших якобы в Ареале, меня окончательно смутило. Я провёл несколько раз ладонью уже не по копоти, под которой обнаружил эти письма, а по самим письмам, чтобы определить, чем это написано. Тщетно. Я поскрёб ногтем. Так оно и есть! Написано с обратной стороны! Снаружи! Я оглядел ещё раз жёлтый домик, жёлтые окрестности, и до меня дошло – это же настоящая жёлтая пресса, причём явно заколпачная! Каковы злодеи! Это меня снова расстроило, подорвав надежду встретить внутри собрата по перу. Я протёр ещё одно подзрительное окошко и обнаружил любопытное свидетельство об источниках взглядов анонимного автора:

Темнота
порождает
слухи,

Слухи
вливают на вкусы,

Вкусы
вливают
на взгляды.

В свете таких взглядов
каков
свет?

Да, что-то похожее преследовало меня всю мою сознательную жизнь. Менялась только среда хождения слухов. Конечно, хорошо бы, если бы все тёмные места прояснились простым протиранием прозрачного пространства! А то ещё пытаешься выудить слово из мрака и в итоге улавливаешь только название, само имя мрака: чёрным по белому – мрак! Проступили ещё буквы, словно на старинном пожелтевшем манускрипте:

хочу
сказать
не могу

рад бы
подумать
не смею

написал бы
нарисовал бы
боюсь

сверхискусственное
отражение
сверхъестественных
явлений

подавляется
потусторонними
вооружёнными
силами

Видимо, много воды утекло с тех пор, когда одни творили, а прочие так или иначе искореняли всякое творчество.

Я ещё немного постоял у жёлтого домика, но больше ничего не обнаружил. Наверное, писатель в самом деле чего-то очень испугался, и в результате всё на этом закончилось.

Жёлтый лист упал к моим ногам. Осень. А должна быть весна. Всё перепуталось в жёлтом доме.

Я поник головой и пошёл дальше. Жёлтая роща стояла на моём пути. Свет был ярок, хотелось его отряхнуть с рук, с веток, сбросить с лица. И стволы тоже были желты. Я закрыл лицо руками, чтобы не видеть этого медицински-бутылочного цвета, и стал перебирать в уме доводы в пользу того, что всё-таки должна быть весна.

Когда я снова открыл глаза, по ним резанула зелень. Я шёл среди деревьев с зелёными листьями, по зелёной траве, под зелёным небом... Зелёное небо – опять бутылочное стекло!

Но и здесь под ногами попадались только разбитые бутылки.

Зато появился растительный мир, а значит, должен быть и животный, а от него и до человека – в буквальном смысле слова – рукой подать!

Здесь я не могу не вспомнить о человеке, который когда-то привил мне любовь к растительному миру, не просто к зелени, это сделали до него милые домохозяйки и огородницы, он же, пожалуй, был единственной личностью, до Фазтона конечно, которую я запомнил ещё с детских лет и надолго.

Звали его Прохоров, и он был направлен по распределению в наш город ботаником; так как не во всех городах был растительный мир, то хотя бы ботаники должны были быть в каждом.

Он приехал, снял комнату с большим окном и увешал стены гербариями, поставил в угол чемодан с атласами, лёг на пустую кровать и уснул на ней до утра. Я это запомнил, это была наша большая комната, а он стал нашим квартирантом.

Днём он впервые ушёл на службу, справился с ней, а вечером снова вернулся в комнату с большим окном и глядел в него, а за ним на другой стороне улицы светила витрина Ателье мод.

Так было несколько дней, и, наконец, Прохоров не ограничился наблюдением из окна, вышел на улицу и приблизился к светлой витрине. За стеклом стояли три женщины: брюнетка, блондинка и шатенка. Блондинка стояла посередине с разведёнными руками, лицо её было невыразительным и безмятежным, но где-то в его глубине, почти сдвинутая к затылку, таилась – Прохоров это заметил – свёрнутая в спираль улыбка.

И это корень лица. Надо знать законы роста, чтобы это заметить. Обычно думают, что улыбка – это цветок. И это верно, потому что у людей, в отличие от растений, цветок и корень почти совпадают.

Прохоров вернулся в комнату с гербариями и долго рассматривал какой-то окостеневший цветок. Вскоре и в нём возникла улыбка, он оставил цветок в бокале и вышел.

Он зашёл теперь в дверь Ателье, долго не выходил, а потом вышел вместе с мастером, который держался очень натянуто, и они прошли вместе до пивного бара, где стали пить пиво. Они пили и говорили, и натянутость мастера постепенно смягчалась, в конце концов они удовлетворённо подали друг другу руки и расстались.

На следующий день ботаник Прохоров, взволнованный против обычного, поспешил со службы, чтобы переодеться в выходной костюм, а он у него был, и, переодетый, он вышел на улицу, где встретился с тонкой блондинкой, лицо которой уже не было неподвижным, когда он поклонился и подал ей руку.

Они пошли по улице, знакомых у них ещё не было, тем не менее прохожие оборачивались, а некоторые заговаривали с ними, и те отвечали, особенно сам Прохоров, который не ограничивался жестами, но охотно говорил и знакомился со всеми.

Так скоро к ним привыкли, и у них почти не осталось незнакомых, а на вечерних прогулках им часто приходилось беседовать со многими, которые, зная уже назначение Прохорова, расспрашивали его о растениях, могут ли какие из них прижиться на Луне, или проще, как взрастить в нынешних домашних условиях аспарагус или рододендрон, и ещё много всяких вопросов к нему, хотя притягивала всех именно его спутница, которая не вмешивалась в разговор, что делало её ещё более привлекательной.

Прохоров объяснял обстоятельно и мудро, и все прислушивались к нему. Да, эти растения зовут нас ввысь, ибо, не доставая до неба, они мечтали о нём и передавали эту высокую грусть

ещё нашим далёким предкам, обитавшим на них, а потом под ними. Под ними приходили нашим предкам самые высокие мысли. А лист предвосхищает форму сердца, и, когда он опадает, дерево переживает удар, цепенеет до новых листьев, и любой лист – это сердце, которое бьётся один раз в жизни. А корень – это то общее, что сближает растения с людьми и человеческими словами, со всем родом людским, отличие в том, что у растения один корень и тянется он в одну сторону, сторону света, отделённую всей землёй, тогда как само растение тянется к открытому свету, старательно минуя мрак. У человека по-разному. Род человека может тянуться к ещё не обрётённому корню или, уже обрета его, ветвиться из единого имени. Имя, однажды возникнув в роду, становится точкой отсчёта, корнем. Те, кто его взрастили, постепенно теряются во мраке, в почве времени, а те, кто выросли из него, постепенно растворяются в свете, их жизнь открыта для всех взоров, и так они увядают.

Глядя на местную архитектуру, Прохоров тоже сбивался на близкую себе ботанику, утверждая, что и бирманские пагоды и готические соборы суть порождение культа растений, и это самый величественный из культов когда-либо существовавших в животном мире. Животным миром Прохоров именовал всё, не относящееся к растениям, а к растениям относил звёзды, планеты и близких ему людей, обладающих, как он полагал, душой, для которой хотелось быть хотя бы тенью, говорят же так: он следовал за ней как тень. А чтобы иметь тень, надо иметь ясные очертания и собственное светило, чтобы не зависеть от внешнего света. Всё это было непонятно, но все слушали, согласно кивая, и думали про себя, что именно эта его необыкновенная скучность и говорливость привязала к нему его безмолвную спутницу.

Когда же иссякла прозаическая речь, а слушатели не расходились, чтобы ещё побыть рядом с его подругой, он давал им повод для этого, переходя на стихотворную речь.

И среди людей стихи звучали привлекательно, многие терпеливо выслушивали их не перебивая, а Прохоров чуть раскачивался при чтении, словно дерево, голос его играл ударными гласными, и было бы грубым пересечь это течение звуков обычными интонациями, так же как прервать певца неумелым голосом или музыканта неискусными руками.

О музыке Прохоров говорил, что под неё растения растут быстрее, особенно под музыку ладовую, а если музыка сопровождается пением и словом, то они лучше плодоносят, и в этом благотворное действие человеческих хороводов на природу; детские хороводы пробуждают цветы в траве, женские хороводы завязывают плоды на деревьях, а мужские зрелые голоса дают ветвям большую силу для удержания этих плодов. Деревья, вокруг которых водят хороводы, живут дольше, так же и те деревья, на которых вьют гнёзда певчие птицы, дольше не увядают и раньше пробуждаются весной.

Всё это всерьёз заставило многих мужчин заняться ботаникой, они носили в петлицах пиджаков разноцветные бутоны, учились различать запахи цветов, их действие на настроение, изучали вкус трав, их целебные свойства.

Что касается музыки, то её стали с большим вниманием слушать, правда, местное радио не давало возможности отличить ладовую от неладной, а та музыка, которую носили с собой обладатели портативных приборов, как-то не влияла на рост носителей, мало того, если они входили с этой музыкой в лес, то она побуждала к вскарабкиванию на деревья, что при некоторой неловкости носителя отрицательно влияло на состояние растений. Но многие старые деревья всё-таки держались при этом стойко, видимо, за счёт памяти о хороводах, оставивших здоровую сердцевину.

Женщины нашего города подражали спутнице ботаника, они старались быть безмятежными и приучались подолгу молчать, что давалось непросто, так как помолчать было не с кем, немногие понимали молчание, особенно мужчины, требующие музыки прежде всего. А музыка, так им казалось, всегда должна быть вслух.

Так шла окружающая жизнь, Прохоров был всегда в центре общего интереса, как и его подруга, но время шло, и наиболее проницательные уже предвидели с некоторым сожалением, что он должен покинуть их город, и случится это тогда, как только ботаник отслужит положенный срок.

Между тем Прохоров получил несколько писем, по-видимому, официальных, написал сам и отправил письмо, скорее личного характера, затем снял со стены большой комнаты гербарии и сложил в чемодан ботанические атласы. Мумию цветка, которую он всё время сохранял в бокале с водой, он освободил и долго рассматривал её, расправляя пальцами, прежде чем спрятать в одну из больших книг.

Потом он купил билет на поезд и перед дорогой посидел на чемодане с ботаническими атласами.

За окном всё так же виднелось Ателье мод. За день до отъезда Прохоров встретился с мастером оттуда, и они опять пили пиво, и мастер, сначала вполне отзывчивый и гибкий, становился всё более хмурым и натянутым. Наконец, он выровнялся и заостенел, они молча пожали друг другу руки и разошлись.

Перед отбытием Прохоров постоял перед витриной, где были три женщины, две из них по краям были запылены, а невыразительное лицо блондинки посередине оставалось безмятежным, и только где-то в глубине, видимая немногим, таилась свёрнутая в спираль улыбка.

Всё это я запомнил смутно, так как был очень мал, потом это смешалось с чужими воспоминаниями, и сейчас, вместе с загадочной женской улыбкой, брезжило в какой-то красивой голубизне, сменившей броскую зелень.

Я шёл уже вдоль реки, берег отличался от воды только очертаниями лазуритовой породы, менее текучей, чем волны, а небо неизвестно где начиналось и где кончалось. От воды рябило в глазах, глядя на узенький стрежень, я видел плывущую лунную дорожку, хотя луны не было, и переливы волн читались как голубое письмо, бегущий по зыбкости почерк.

Я не был настолько надуманным, как Робинзон, чтобы в своём островном одиночестве не думать о женщине. Тем более что я до сих пор не имею достаточно достоверных внешних свидетельств того, что род человеческий ещё где-то процветает. И для меня мука мечты о продлении рода усиливалась предположением, что эта мечта касается продления не личного, но всего человеческого рода.

Я не чувствовал мизантропических приступов Гулливера, падавшего в обморок от прикосновения жены. Я не понимал самозабвенного ригоризма Шерлока Холмса, который весь был в раскрытии преступления. Я ещё не был настолько немощен, как Дон Кихот, чтобы думать о Даме Сердца только для того, чтобы вдохновляться на подвиги. Мне скорей по душе здоровое отношение к жизни, исходя из которого андерсеновская жаба предлагает Дюймовочке свою лапу и сердце. Я сознаю себя ещё зелёным перед ботаническим могуществом Прохорова, способного в любом городе раздобыть блондинку. Я ловил себя на зависти к бывшим водолазам и околпачивателям, имевшим возможность стать потомственными. Я был бы рад снова очутиться среди непотомственных, которых как-то объединяла свободная любовь и погубила, к сожалению, вытекающая из неё слишком свободная ненависть. Я готов был превратиться в любого карлика, чтобы отбить возлюбленную у первого встречного великана, я был согласен назваться ослом, лишь бы иметь свою половину в дихотомическом процессе, я даже пошёл бы на то, чтобы мне наставили рога, сделав козлом, лишь бы было кому это сделать. А уж влезть в шкуру медведя – это уже голубая мечта, слишком голубая даже в этой блаженной голубизне. Я ощупал свою грудную клетку, она была достаточно крепка, я был готов из каждого своего ребра сотворить по женщине, но я не был Адамом, хотя мне казалось, что мы сделаны из одного и того же сырого материала.

Но мне оставалось только мечтать, следя за почерком голубых речных струй. И перед взором возникали не то слова, не то живые текущие видения:

я снова встретил ту девушку
и сказал что я помню всё
словно это было вчера
и оттого так отратно
любое моё сегодня
она же ответила
что-то было когда-то
но потом было то и это
и потому так странно

что я ещё что-то помню
я же сказал
моя память
одевает встреченных мною
в некий неяркий негаснущий свет
в голубизну среди любых туч

и без этой голубизны
 никого уже больше не встретишь
 ни ещё ни впервые
 и всё прошлое должно быть настоящим
 чтобы настоящее стало стоящим
 чтобы у него появлялось будущее
 и так у меня
 так у тебя и у нас
 и я не знаю как
 должно быть иначе
 ведь мы это время
 сами показываем
 сами идём
 сами заводим друг друга
 она ответила и улыбнулась
 да да я кажется вспоминаю
 ты был всегда
 несколько странным
 но я расслышал в её ответе
 только вот это
 ты был всегда

Перелистнуть течение невозможно, можно оторвать взгляд от потока и дать ему отдохнуть от памяти, но в голубой дали горизонта над утонувшим воспоминанием висело марево воображения, голубой мираж, – я поднял руку, словно хотел коснуться невидимого полотна.

Я опускаю руку, закрываю глаза, открываю снова, делаю шаг вперёд и вижу море, попадаю из высокой голубизны в глубокую синеву. И мне становится легче. Я уже не думаю о голоде и жажде. Я не удивился даже, откуда здесь неожиданно возникло море, похожее сразу на озеро Байкал и на Великий Тихий океан.

Но я догадывался: сгущение голубизны даёт синь, как сгущение любви переносит нас в детство, уже не золотое, а синее, вечернее, когда зарождается неугасимая духовная жажда, всё ещё лёгкая, не отягощённая жаждой плоти. Детство – колодец вечности.

Я прошёл сквозь твердь былого купола, огромная расселина вывела меня к бескрайнему морю. Что произошло? Быть может, купол треснул от реакции разложения воды? Или это очередная причуда Арела Независимости, случившаяся независимо от всех замыслов и планов? Я вдруг увидел солнце в синем небе, и это ошеломило меня больше, чем зияние расселины. Не взлетел ли я на иную планету?

Но не стоит заходить так далеко. Легко удостовериться, что моя земля – это наша Земля! Я вдыхаю воздух – настоящий морской воздух, и в то же время земной. Море тоже земное, оно не хочет откатываться от своего берега, каждая волна затягивает мгновение, уходит назад уже не целиком, часть её остаётся, впитанная берегом, она процеживается песком, плотной почвой, подбирается, уже обессоленная, к недалёким корням прибрежных деревьев, сосен и кедров, которые выдыхают море уже по-своему, от этого мне было легко дышать ещё вдали от побережья.

Я входил в море на ощупь, в синеве мне казалось, что есть лишь две среды, разделённые за счёт плотности: синее небо, с синим солнцем внутри, и синее море, в которое я спешил погрузиться, потому что моя собственная синева меня слишком смущала.

Меня тянуло в глубину, которой так не хватает словам. Я верил, что в слове должна быть вода, утоляющая духовную жажду. Она должна переливаться в нём, разливаться на её перепутьях, в ожидании шума крыльев шестикрылого Серафима. Она умывает лицо, но ею нельзя умыться руки. Погружение в неё для неискусного небезопасно. Захлебнувшийся словом – нежизнеспособен. А искусный живёт под водой тем дольше, чем больше набирает в лёгкие свежего воздуха жизни. Без него можно и не вернуться из древних письмен в своё настоящее время. Эта вода не течёт под лежащий камень. И дважды нельзя войти в одну и ту же воду. И поздно вздыхать – сколько воды утекло. И не надо в рот набирать воды. Надо пить, чувствовать вкус и помнить: в слове – вода, утоляющая духовную жажду.

Вода расступалась подо мной, но воздух кончался в лёгких, а дна всё не было видно, только где-то внизу что-то мерцало, подобно гигантской жемчужине. Я рванулся вверх, вынырнул и втянул с силой в себя фиолетовый воздух. Всё вокруг было фиолетовым. Берег тонул в этой фиолетовости, и я, что есть сил, поплыл к нему. Ведь он мог быть плавучим островом, должен быть, как я не подумал об этом! И как всегда в таких случаях, нет никого рядом, кто бы мог надоумить – не рисковать! Я попробовал плыть баттерфляем, но быстро сбил дыхание и лёг на спину, стараясь не терять скорости и направления. В поле зрения маячил огромный купол, фиолетовый бутон, возле которого цвело марганцевое солнце, бесформенный колпак злого шута, панцирь гигантской черепахи, и я, подобно зеноновскому Ахиллу, не мог эту черепаху догнать.

Но вот уже форма стала отчётливой. Купол, если судить по пределам видимости, здесь имел форму сердца. Как раз в его расселину я и стремился, между его губами.

Я вышел на землю. Хорошо, что не было ветра, иначе только фиолетовый парус маячил бы на моём горизонте. Я вышел на землю, она была тёплая и сырая, и фиолетовые тени травинки, и подвижные стремительные тени прибрежных птиц писали на ней свои бесхитростные письма. Я пережил страх и сейчас чувствовал в себе только гордость за свою силу, позволившую мне преодолеть страх. Я оглянулся на море, и оно мне показалось всего лишь огромной школьной чернильницей, прозрачной непроливашкой, а я стоял здесь, на берегу, весь в кляксах, как торопливый ученик той эпохи, когда ещё не было вечных перьев, когда писали медленно, а время обмакивания пера в чернильницу было долгим, позволяло отвлекаться и задумываться, терять нить и находить слова, но плести что-то своё.

Небо было небывало красивое, но мне оно показалось обыкновенной промокашкой, весьма необходимой над этой землёй, застроенной сооружениями, продуманными, но сделанными так, что всё продуманное испарялось в процессе созидания и на каждой вещи оставались следы потери мысли, поворота мысли, наслоения случайностей, творческие ошибки, взлёты фантазии, провалы памяти, но, в конце концов, появляется вещь, здание, город. И видно, как спешили те, кто полагал, что жизнь их меньше времени, нужного для воплощения замысла. Другие же полагали, что другие завершат и исправят любое начинание. Иные жили тем, что накапливали время для чужой жизни, втайне надеясь, что и для своей. И оставляли следы, уходили в песок, если строили на песке, в глину, если верили, что земля – это гончарный круг, а солнце предназначено для обжига сырого материала: иные становились то камнями преткновения, то краугольными камнями, но все цеплялись за свою землю.

Тысячеликий ваятель, что ты вымесишь из этой земли: руками, ногами, с головой и без головы – глиняный горшок? медную монету? бронзовый бюст? Сырая рукопись земли... Всюду след человека: на земле и на море – на море! Я вдруг разглядел в фиолетовых волнах то, что мне нужно, скорее даже учуял, чем разглядел. Я вернулся в воду, уже более осмотрительно, чем в первый раз, – дно ушло тотчас – доплыл до необходимого мне предмета, и вот он уже – я не успел подумать – у меня в руках, поскольку меня накрыло внезапной волной, но я не выпустил горлышка бутылки, я вынырнул и чуть не ослеп от белого света.

Почему-то мне захотелось смеяться, хотя толчок был так силен, что, не бросься я вовремя за бутылкой, меня бы наверняка швырнуло на землю и разбило о камни. Но волна тут же укатилась дальше, а белый свет продолжал дразнить меня со всей первобытной яростью, я так и выскочил на берег, содрогаясь от смеха.

Удивительный день, да и день ли это был, или целая радужная неделя? Я, наверное, долго шёл в свете гигантской радуги. Вначале я думал, что это эффект купола, изменившего очертания после огненного исхода воды. Но длилось это слишком долго, дольше, чем обычный световой день, и тогда я подумал, что радугу порождала гигантская струя, бывшая где-то очень далеко и очень высоко, – как раз первый толчок я пережил благополучно, находясь внутри своего памятника, – это забила первая скважина, выводящая воду и газ, причём её реактивная сила изменила скорость вращения планеты вокруг оси, и день задержался здесь развёрткой радуги, а где-то там, в антиподных местах, к обитателям которых я взываю, там задержалась ночь. Всё встало на свои места после второго толчка – иссяк реактивный фонтан. Надо ждать восстановления равновесия...

Я обследовал долгожданную бутылку, в ней что-то было, я разбил сургуч и вынул пробку, а затем единственный сырой лист бумаги, на котором можно было прочесть:

Человек
изобрёл клетку
прежде
чем крылья

В клетках
поют крылатые
о свободе
полёта

Перед клетками
поют бескрылые
о справедливости
клеток

Почерк показался мне знакомым. Разве не той же самой рукой было исписано бутылочное стекло купола? Ведь этот кто-то успел побывать внутри клетки, вырвался из неё и оставил о жизни в ней своё свидетельство, которое я так и не понял до конца, но это не значит, что кто-то уразумеет больше. Но вот наконец-то и я смогу послать весть кому-то.

Я нашёл цветочное поле и долго наблюдал пчёл. Цветы цвели, как идеальная вселенная – разноцветная, уравновесившая в себе свет и тепло. Пчёлы разрушали это равновесие, внося подвижность в движение семени, пчёлы были языком, на котором переговаривались цветы. Немота для них была бы смертью, новым беспорядком, в который бы их поверг случайный ветер.

Я нашёл дикий улей и достал воск. Сейчас я запечатаю воском бутылку и пушу её в открытое море.

Конец Четвёртой скрепки

* * *

...Погода постепенно установилась, и все забыли о природных неурядицах. Мы с внуком блаженно сидели в цирке. Жонглёр отжонглировал своими шарами, эквилибристы отбалансировали на своих шарах, так что всё ещё крутилось и вращалось в ликующих глазах зрителей, когда в конце программы на арену выкатили огромный шар и оставили его одиноко сиять.

Ждали, что вот-вот выбегут акробаты и начнут перекатывать этот шар и перекатываться через него, клоун будет высмеивать в нём своё отраженье, или выйдет фокусник и заставит его взлететь под купол, или он вдруг раскроется, и из него выйдет сияющая циркачка.

Но шар сиял, и никто не появлялся.

Так, наверное, блестит Луна, если смотреть в сильный телескоп, думал школьник, сидящий на самом вершине. В средних рядах размышлял инженер о материале этой шаровой поверхности: протравленное плавиковой кислотой стекло или новый пластик? Рассеянный портной слева от пожарного выхода считал – сколько можно выточить перламутровых пуговиц из этого шара? – «А он вряд ли полый внутри, – судил кто-то в первом ряду, – судя по тому, как вдавились под ним опилки».

А это был самый обыкновенный жемчуг, настоящая жемчужина, добытая не то в морях чужой планеты, не то в глубинах души человеческой; жемчужина, но такая непомерная, что никто бы не поверил, если объявить, что она настоящая. А какова тогда раковина? Каково море? Кто ловец?

И просто был объявлен конец представления, публика, расходясь, оглядывалась на неразгаданный или никчемный сияющий шар, и во многих умах играло поверхностное сравненье: «Как жемчуг, как настоящий жемчуг!»

Проза

Валерий Шелегов

Валерий Николаевич Шелегов – родился 13 декабря 1953 года в городе Канске. После окончания средней школы № 6 в 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. В 1996-м вернулся на родину в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька – добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг: «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский Меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» в 2008 году отмечена Союзом писателей России национальной премией «Имперская культура» имени Э. Володина. Член Союза писателей СССР. Живёт и работает в городе Канске Красноярского края.

КУЗИНЫ ЛУЖКИ

Очерк

1. Курлыканье журавля

В сумерках за рекой на болоте приглушённо курлычет одинокий журавль. Ждёт любимую журавушку с хлебных полей. И курлыканье это тревожное одинокого журавля слышат все псеки, расположенные вдоль соснового бора над Каном.

Пасека Таптуна поднята далеко над долиной реки. Зелёные и жёлтые ульи на высоких поддонах установлены по краю бора на кулижке, чистой от травы. Вольное поле из трав и полевых цветов долгим и крутым зелёным яром стелется прямо от ульев покато вниз до самого берега Кана. Там черёмуха, ольха и лоза густо заступают подход к реке.

Стояла в советское время в этих местах колхозная пасека. Пасечник Кузьма хозяйничал. С тех лет и зовётся это место «Кузины лужки». В наше время на месте омшаника глубокая траншея, заросшая кустарником и ковылём, на месте дома и сараев лысая пустошь да сосны вековые сохранились.

В апреле пчеловоды приезжают в Кузины лужки. Едут на «внедорожниках» по лесным прогалинам, когда лежит ещё снег в берёзовых лесах, а береговые луга уже оголились под жарким апрельским солнцем. Хозяева летних пасек сжигают прошлогоднюю траву, расчищают и готовят чистые места для ульев. Огневой пал уничтожает клещей, которые расплодились и на пригородных дачах. После весеннего огневого пала, в мае, луговой склон зеленеет, оживает жёлтенькими одуванчиками! Самое время ставить пасеку в Кузиных лужках. Ульи с пчёлами привозятся ночью. За сутки до 9 мая. Традиция такая: отмечать День Победы на пасеке.

Зреет летний день. Несут пчёлы майский мёд, жёлтую и коричневую «обножку» – пыльцу с одуванчиков и вербы. В июне поднимается в рост иван-чай. Во множестве то там то здесь торчат головками над рослыми травами в июле фиолетовые пучки репейника. Любит медовый репейник мохнатый шмель. Его в лугах много. Сиренево розовеет на стеблях душица в августе, золотится на солнце ковыль. Дни в июне стоят чистые от облаков, бездонное голубое небо от края и до края дышит покоем и зноем. Гудит пасека от восхода и до заката солнца, трудятся пчёлы. Хвойная прохлада бора, эфирные запахи полевых цветов становятся хмельными и зримыми, и черпай этот воздушный горячий мёд горстями, и пей эту волшебную медовуху.

В завершение июля полевые травы сорят зрелым семенем. В лугах и вдоль полевых дорог, в пшеничных полях, в хлебах, тяжёлых уже колосом, в овсах сорняком поднимается и дружно начинает цвести жёлтым цветом молочай. Мёд с разнотравья – истинное золото, тяжёлый, звенит в медогонке

при качке. Дают взятку таёжные медоносы, донник и люцерна в полях давно скошены. Медосбор в Кузиных лужках до Ильина дня – 2 августа.

Кузины лужки тесноваты для большого колхоза. Пасечники живут хуторами вдоль соснового бора. Передвижные вагончики на колёсах ставят напротив ульев, теснясь к сосновому бору. Рядом обустроены крытые навесы летних кухонь. Дымокуры от гнуса и комаров в мангалах. Гнус редкий в сосновом бору, плодятся комары у реки, в заболоченных низинах, в густой траве. Там от гнуса дышать нечем. В тихую погоду комары прилетают от реки до пасеки на яру. Без дымокура из сосновых шишек в мангале синим вечером особенно не обойтись. Кострами давно на пасеках не пользуются. В дождливые ночи пасечники печурки железные в вагончиках топят.

В этом году Таптун впервые пристроил к своему вагончику летнюю кухню. Для отдыха. В знойный день можно полежать. В вагончике духота. Комары в летней кухне не достают. Обедать удобно. Чай пить с душицей и мёдом. Пристройка летней кухни обтянута москитной сеткой, потолки накрыты чёрным целлофаном, армейская кровать с ватным матрасом прибрана для красоты светлореховым покрывалом. В летней кухне пол земляной, стол, лавка, пара железных стульев для гостей. Вагончик поставлен под столетней сосной. В тени рослой сосны в летней кухне прохладно. День яркий стоит, на небе ни облачка. Утром Таптун приезжал в Канск заправлять бензином «Ниву». Забрал из города и меня на пасеку. Час уже у мангала топчется Таптун, варит борщ на свиных рёбрышках, которые купил утром на городском рынке.

В День Победы жарим шашлыки. Лето отодвинулось от весны далеко, середка июля, сегодня решили сварить борщ. Берёзовые сухие полешки в мангале горят весело, облизывая языкастым жёлтым пламенем чугунный казан с мясом, вода вот-вот забулькает. Дым от огня в мангале тянется редкой куделью, растворяясь над пасекой в голубеющую прозрачную дымку. Таптун складывает в казан нарезанную картошку, свёклу, мелко крошит на доске морковь, в банке квашеная домашняя капуста.

Я сижу в холодке под сосной, наблюдаю за пасекой. Ульи стоят на солнцепёке, в паре шагов от сосны. Пчёлы летают и плавно садятся к леткам ульев. Наслаждаюсь таёжными гривами за Каном, любуюсь холмистыми лесными отрогами Восточных Саян. Река Кан является природной границей с лесостепью. Порубежье.

Рядом пасека Володи Лебедева. У Адмирала на точке трещит оранжевая немецкая переносная электростанция. Работает двигатель на бензине, выдаёт электричество, в вагончике медогонка с электроприводом. Два вагончика ставит Адмирал каждое лето на чистой пустоши, под огромными старыми соснами в тени, на месте дома колхозного пасечника Кузьмы. Один вагончик для проживания, второй вагончик – для медогонки. Уже неделю до темноты Адмирал качает мёд. Живёт в человеке морская душа, как первая любовь. В советское время служил Володя Лебедев на подводной лодке «слухачом». Полюбил океан. Поэтому он для товарищей «Адмирал». 9 мая, День Победы, Адмирал встречает с Андреевским флагом над жилым вагончиком.

Таптун служил в армии авиационным механиком, при самолётах, на военном аэродроме. С Адмиралом они друзья детства. Крепкие друзья, каких поискать. У Таптуна над вагончиком 9 мая крепится вымпел военно-воздушных сил. А между адмиральским хутором и летней кухней Таптуна, где-то в середке Кузиных лужков, привязан к ёлке длинный сухой сосновый шест, на конце которого в поднебесье гордо реет Красное знамя Победы.

2. Пасечники

Одиноким хутором ныне стоять с пасекой за городом не принято. Опасно. Многолетняя дружба объединяет мужиков в артели, ставят пасеки рядом, на виду друг друга. Коммерсант Лёха Болганюк, владелец продуктового магазина в селе Бражное, Володя Лебедев из села Бражное, как и сам Таптун. Из года в год мужики-пасечники стоят вместе. Старик Мавлютов прибил к ним из деревеньки Анцырь, что за Канском на правобережье. Давным-давно работал Мавлютов начальником газозаправочной станции. Таптун в советские годы был директором «Агроэнерго» Канского района; бывшие директора предприятий, добрые знакомцы четверть века. Поэтому старик Мавлютов не случайно прибил к бражинским пасечникам.

Мавлютов для своих семидесяти годов бегучий дед, говорливый. Одет он в спортивный немецкий костюм золотистого цвета, на босых ногах просторные резиновые боты. Серебристый ёжик стрижен

коротко, лицом старик Мавлютов чёрен от загара и внешностью смахивает на грека; ни минуты не сидит на месте: то полешки топориком колет, то стол прибирает на летней кухне, чай с душицей готовит. Пока Таптун управляется с борщом у мангала, на столе в летней кухне закуска появилась: свежие огурцы, копчёное сало. Рыбу и сало коптит старик Мавлютов здесь, на пасеке, он и коптилку соорудил в низине между вагончиком и сосновым бором. Племянница Мавлютова живёт в Австралии, прошлое лето гостила с мужем в Канске. Мавлютов привёз на пасеку ораву гостей с переводчиком. Июль жаркий стоял. Арбуз в летней кухне на столе, мёд первой качки. Что тут было. Размаху и щедрости сибирских пасечников далёкие гости надивиться не могли. Впервые попробовали огурец с мёдом, арбуз с мёдом. Пили медовуху кружками и похваливали, накормили мы гостей и шашлыком до сытой отрыжки.

Костры в лесах на пасеках не разводят. На Енисее сушь стоит два месяца, таёжные пожары в крае на Севере, рождённые сухими грозами, для тушения пожары не доступные МЧС из-за отдалённости. Эти таёжные пожары на Севере выжгли животный мир в медвежьих углах Красноярского края.

Пока борщ не готов на огне у Таптуна, решили закусить. Пришёл Адмирал. Мавлютов расслабился и притих после чарки самогонки, настоянной на прополисе: лекарство! Смотрю с тоской в дали дальние за Каном, слушаю тихий говор мужиков в застолье. Что ещё человеку надо для счастья?

Душа не принимает современную жизнь. И идёт эта жизнь параллельно той, которая продолжается в моём сознании. Маётся душа, изнывает от безысходности и опрятной бедности. Многие годы рвётся душа в Магадан, блазнится ночью проехаться в кабине «Урала» пыльной гравийной Колымской трассой до посёлка Усть-Нера на Индигирке, где прожита молодость и зрелые годы. Ах, как желается провести короткое лето, северное жаркое лето на вольных речках, впадающих хрустальными водами в Индигирку; рыбачить на этих речках, жить в таёжном зимовье, спать на бревенчатых нарах, ставить бражку – гнать вольно самогон в тайге; шугать зайцев и сохатых, которых в Якутии больше, чем таксистов в Москве. И топить в зимовье жестяную печку; сладко спать в тёплой таёжной избушке; сладко вдыхать во сне запахи сухих смолистых брёвен, наслаждаться отдыхом и влажной прохладой земляного пола человеческого жилья.

Борщ сварен, снят и поставлен на холодный второй мангал, который стоит рядом, накрыт железной решёткой и служит для поставки посуды, кастрюль и сковородок. Обедать никто не торопится. Солнце ещё высокое. Перекусили. Работа с пчёлами в ульях идёт. Адмирал вынимает из верхних корпусов на ульях медовые рамки для откачки зрелого мёда, на освободившиеся места ставит в корпуса сушь, рамки с чистыми от мёда сотами, пчёлы заполнят эту сушь товарным мёдом. Адмирал громко кричит издалика, зовёт от своих ульев старика Мавлютова.

– Александрыч! Ты матку хотел поменять. Иди, дам матку в клеточке – вышла из маточника.

Непосвящённому не понять, о чём толкует Адмирал старику Мавлютову.

У Мавлютова одна пчелиная семья с весны плохая. Матка оказалась трутнем: весь посев «трутневый». Чтобы не погибла пчелиная семья без расплода пчёл, Мавлютов изымал рамки с однодневным посевом из других ульев и подставлял в эту семью. Пчёлы трудились, заливали молоком, запечатывали ячейки воском. Таким образом поддерживался расплод семьи при трутневой матке. Менять «трутневку» надо было, конечно, раньше, но всё как-то полноценной пчелиной матки не было для подсадки в улей. Так случается, когда пчелиная матка не оплодотворяется с трутнями при облёте, могла матка и не выйти из улья на облёт из-за случайного увечья, нанесённого пасечником при осмотре пчёл. Трутни в улье живут недолго, нужны они для спаривания с пчелиными матками, происходит это при облёте пчёл весной и когда пчёлы роятся с молодой маткой. После спаривания пчёлы выгоняют трутней из улья, их не кормят, поэтому вокруг улья подмор из трутней.

Мавлютов принёс сеточную клеточку с пчелиной маткой в летнюю кухню, где на столе пластиковая баночка с мёдом, прикрытая крышкой от вороватых пчёл. Пчелиной матке необходима еда в клеточке на то время, пока другая пчелиная семья не привыкнет к её запаху и пчёлы начнут кормить матку в клеточке. Концом ножа старик Мавлютов, капля за каплей, наполнил мёдом кормушку в клеточке с маткой. После чего прошёл к своим ульям, которые близко расставлены напротив его жилого вагончика. Снял с крайнего улья крышку, отвернул уголок полочка из белой бязи, втиснул клеточку с маткой в промежность между медовыми рамками. Дней через пять станет ясно – приняли пчёлы или нет матку в клеточке. Если приняли, клеточка будет обсижена плотно пчёлами, кормящими матку. Можно матку выпускать, трутневку она сама убьёт. Но лучше, если сам пасечник выловит её, что сделать непросто. Непросто, но можно.

3. Рыбалка

Отдыхаю душой на пасеке. И трёх жизней не хватит насытиться окружающим миром. Места дивные. Далеко в долине блестит стеклом протока Рахманиха. Таптун и старик Мавлютов там рыбачат, ставят сети, шумят вёслами по воде, гоняют рыбу в сетку. На уху всегда ведро наловят щук и окуней, не переводится в протоке и плотва с ладонь, ленок и хариус. И невольно вспоминается Крайний Север.

В далёком теперь 1983 году сплавлился я в августе на байдарке по Индигирке. Выше посёлка Дружины ежегодно рыбачат бригадами якуты и эвенки. В завершение светлого времени причалил к песчаному острову, заросшему чозенией – северной ивой, стояла там поодаль от берега и шестиместная брезентовая палатка. «Казанка» далеко выволочена носом на прибрежный песок. Пару деревянных ящиков от консервов поставлены на попа у притухшего костра, дымок сизый вьётся редкой куделькой из подёрнутых белым пеплом угольков. Одиноким старик сгорбился, сидит на ящике, сложив крупные смуглые руки на колени, одет в телогрейку и ватные штаны, на ногах резиновые боты. Северное лето прохладное. Рядом с кострищем полное ведро ухи из омуля. Гостя ждёт. Не говорит на русском старик, но речь мою понимает. К ночи приплыл к старику на «Крыме» его сын Димка из Белой Горы, за рыбой приплыл. Димка попросил меня утром помочь старику проверить сети, работая на вёслах в лодке «Казанке». Звался старик Лукой Соломой. Сын его не стал ночевать, загрузил лодку мешками с омулем и ушёл по ночной Индигирке вниз на Белую Гору. Утром поплыли с Лукой на моторе вверх по реке к сетям. Добывал Лука омуля для рыбозавода, чебака крупного, размером с ладонь взрослого мужика, торчало в сетях много, старик чебака выкидывал, как сорную рыбу, попросил я чебака для себя, раз такое дело, Лука согласно кивнул. Сняли мы в то утро и две нельмы, рыба красивая, серебристая чешуёй, тяжёлая на вес, приподнял за жабры – размером мне до плеча, касаясь хвостом прибрежной гальки.

Жил я на острове у старика Луки неделю. Сын его приплывал за рыбой каждые сутки, стал просить меня остаться и рыбачить со стариком, шибко я деду понравился понятливостью, рыбацкой умелостью и смекалкой. Но у меня была цель дойти до бара Индигирки. Баром зовутся устья северных рек. Август уже стряхивал жёлтую хвою с северных лиственниц. Сусальной фольгой звенели на ветру уже и листья ольхи и чозении. Я спешил сплавиться на байдарке до Белой Горы. В Белой Горе речной флот Индигирского пароходства, до бара на байдарке не дойдёшь – река, что «симбир-море», а на сухогрузе «Сибирский» добраться до бара Индигирки можно. Там древнее русское поселение Русское Устье.

Двести чебаков я присолил, и они вялились на жердях рядом с юколой из распластанного по хребту омуля, юкола жирно ершилась мясом от ножевых разрезов на дольки. Лука заготавливал юколу в большом количестве, вялилась юкола неделями на открытом ветру на жердях, которые он высоко расположил на подпорках вдоль песчаной косы острова. Жил я у Луки на острове и ломал голову, как вяленого чебака сбересть у Димки Соломы в Белой Горе до моего возвращения на обратном пути в Усть-Неру.

В один из дней подсел на косу острова вертолёт Ми-8 из Усть-Неры. Геологи Верхне-Индигирской экспедиции работали в районе Белой Горы, от геологов возвращались вертолётчики домой, подсели за рыбой. Бежит в лётной рубашонке на холодном ветру знакомый механик Володя Воробьёв, в кабине при галстук и в наушниках – командиром Валера Зедгенизов; радостно смеётся, приветливо машет рукой; отдал пилотам всего вяленого чебака.

В октябре возвращался из Чокурдаха грузовыми вертолётами до Момы, откуда летали Ан-2 в Усть-Неру. Местные рыбаки в Чокурдахе подарили мне «рыбу» – так зовут уважительно нельму в низовьях северных рек. Стояли уже холода, пришлось распилить рыбу ножовкой на куски и упаковать в мешок. И была отличная строганина из нельмы и омуля на моё тридцатилетие и к Новому, 1984 году к столу.

4. Дядя Ваня

Жилой двухосный вагончик на колёсах старика Мавлютова поставлен в десяти шагах от одноосного военного кунга Таптуна. Вагончики в лесу на зиму не оставляют. После вывозки ульев в конце сентября – в первых числах октября Таптун тянет трактором «Беларусь» старый военный кунг в деревню. Трактор у Таптуна свой. Ставит Таптун кунг на огороде после копки картошки. В огороде стоят и ульи с пчёлами до первых морозов, зимуют пчёлы в омшанике. В своё время ходить за пчёлами учился Таптун у дяди Вани Плющикова. Был тогда дядя Ваня в таких же годах, как ныне старик Мавлютов, фронтовик, слепой на левый глаз от ранения осколком при штурме немец-

кого укрепрайона нынешнего Калининграда. Крупный в кости и грузный в старости дядя Ваня куда старше семидесяти лет тогда смотрелся. После войны дядя Ваня работал до самой пенсии в лесхозе. Кордон, где жил лесник Иван Плющиков в пятидесятых в прошлом столетии, был расположен в Копайгороде, неподалёку от речки Амонашки. Добрый дом, омшаник для пчёл, надворные постройки в связке. Удобное и прелестное жильё на кордоне дядя Ваня Плющиков построил своими руками.

В те далёкие теперь уже годы дорога из Канска до деревни Тарая не была ещё отсыпана гравием. В дождливую погоду ЗИСы и «полуторки» едва выползали из широкого и долгого на подъём лога, вязли в грязи, лопатами копать приходилось под колёсами, сыпать песок, так и прозвали шофёры это гиблое место «Копайгородом». Тракт от Канска до Тарая пробит просёлком в 1812 году, пробит в лесах просекой осуждёнными за разные провинности солдатами царской армии, пленными французами после войны с Наполеоном. Тарай строился на берегу Кана военным поселением, таким он и был долгое время: с казачьими урядниками, с осуждёнными солдатами на поселении.

Ныне от кордона лесника в Копайгороде осталась едва заметная пустошь. Пчёл дядя Ваня по-прежнему держал и с конца апреля до первого снега жил рядом с ульями на летних пасеках. В советское время «Агроэнерго» сотрудничало со всеми сельхозпредприятиями. Таптун, будучи директором, знал всех руководителей. Не сидел он в кабинете, ездил с электриками-монтажниками, которые делали электропроводку в новые фермы и коровники. Нередко сгорали в хозяйствах электродвигатели на насосах, приходилось снимать эти двигатели – ставить на их место рабочие, а сгоревшие электродвигатели увозились в цеха «Агроэнерго» на «перемотку». Июльским горячим днём и свернул Таптуна свой «жигулёнок» чернильного цвета с гравийного большака на просёлок, ведущий на летнюю пасеку к дяде Ване Плющикову. Дядя Ваня качал мёд, только закончил, пил чай с душицей в своём «скворечнике», так фронтовик звал укрытие от дождей.

Шибко понравилось Таптуну хозяйство дяди Вани в Копайгороде. Пасека поставлена высоко подле соснового бора, который стеной стоит по краю пологого лога Копайгородка на западной стороне. Пасека на солнышке. Рядом с ульями на солнцепёке лесок из десятка тенистых берёз, под которыми Таптуна рассмотрел рыжеватые плетни из речной лозы. В закутках, разделённых между собой всё теми же плетнями из лозы, хрюкал кабанчик, рядом тянул к человеку свой мокрый нос пегий пятнистый бычок. Ещё дальше паслась на длинной верёвке стреноженная гнедая кобыла; в отдельном закутке клевали зерно куры-несушки. В тени раскидистых старых берёз стоял и трактор «Беларусь», рядом двухосная тележка – площадка для перевозки ульев. А в поле за пасекой огород с огурцами на земле, грядки с луком и чесноком, росли здесь и редиска, и укроп. Тут же и капуста, уже набравшая силу, кочанов пятьдесят в рядах. Цистерна с водой четыре куба.

Под высокой ветвистой берёзой дядя Ваня поставил в тень жилой вагончик. В распахнутый дверной проём видны ульи. В вагончике прохладно, в жаркие полуденные часы приляжет дядя Ваня на топчан и наблюдает одним глазом за пчёлами. Кипрейные медоносы – шестнадцать гектаров – лежат сиреневой скатертью до гравийного тракта, до моста над речкой Амонашкой на дне лога. На другой стороне речки, за логом, на покатых холмах в совхозных полях дышит в такое время мёдом золотистый донник, который со дня на день должны скосить. Зрелое лето. Управляющий совхозным отделением «Степняки» всегда предупреждал дядю Ваню, когда начнут косить донник. Чтобы пчёлки не погибали массово в мотовиле комбайнов во время косьбы донника, ещё вечером в темноте дядя Ваня закрывал летки ульев. Запирал в ульях пчёл. Утром наблюдал за комбайнами на доннике, держал пчёл взаперти, пока комбайны косят. Ждал, когда комбайны уйдут с полей. После чего пасечник открывал летки ульев. И становилось темно над ульями в воздухе от гудящих пчёл, выпущенных из запертых ульев.

– А ты купи у меня пару колодок с семьями, – однажды предложил дядя Ваня Таптуну. Будешь приезжать на выходные ко мне на пасеку, научу работать с пчёлами, разведёшь пасеку, – убедил он Таптуна.

Таптуна давно подумывал о дальнейшей жизни при «капитализме». Столетие завершилось «перестройкой» жизни в СССР. Совхозы и колхозы «капитализм» начал разорять. Работать стало не с кем. Купил Таптуна у дяди Вани десять ульев с крепкими пчелосемьями. Купил он у дяди Вани и трактор «Беларусь».

И повелась у Таптуна пасека. На своей усадьбе в селе Бражное Таптуна построил омшаник. Предприятие «Агроэнерго» не закрывал в Канске до последнего вздоха. За пчёлами на летней пасеке в Копайгороде смотрел дядя Ваня, на выходные дни приезжал Таптуна. Зимой дядя Ваня жил

в благоустроенной квартире в Канске в районе гидролизного завода. Старуха его умерла. Решил он переселиться в село Бражное, ближе к Таптуну. Купили дом дяде Ване на краю села у реки. Стояла эта рубленая из брёвен изба обособленно от улицы. Красивый сибирский дом на высоком фундаменте, с четырёхскатной шиферной крышей. Выбор пал на эту усадьбу из-за крепких на-дворных построек для домашнего скота: есть катух овечкам и козам, зимний свинарник, хлев для кобылы с жеребёнком.

5. Курящий козёл Гена

Козла Гену купил дядя Ваня в октябре на пару с козой Зойкой. Белые как снег мастью, не старые для развода козлят. Коза была дойная. Молоко дядя Ваня любил, но корову содержать на усадьбе сил нет, стар стал. Коза, решил он, самая подходящая для молока скотина. Поехали они с Таптуном в Канск на «блошиный» рынок, где в выходные дни торгуют живностью крестьяне из окрестных деревень. Козёл Гена сразу привлёк внимание Таптуна: хозяин прикурил сигарету и сунул козлу в зубы. Козёл привычно зажал сигаретный фильтр передними крупными зубами, жёлтыми от никотина, и стал попыхивать дымом от сигареты, как заядлый курильщик.

– А вон и коза, – заметил дядя Ваня привязанную к заднему бамперу УАЗика и беленькую козу Зойку. Не думали они покупать козла Гену, но хозяин упёрся и козу Зойку без козла не отдавал, семья, мол. Не стали разлучать козу Зойку с козлом Геной. Купили.

Коза Зойка оказалась с норовом, позволяла выдоить молоко из вымени только дяде Ване. Доить на коленях козу дядя Ваня уже не мог. Построил из сосновых досок «станок», куда заводил козу Зойку и где было удобно доставать козье вымя во время дойки. На усадьбе дядя Ваня дал волю козлу Гене, вольно обходила огород к зароду с сеном и коза Зойка. Днём вольно гулял и бычок на огороде, кобыла вольно ходила по огороду, куда на зиму затащили гусеничным трактором зарод сена на поваленной берёзе. Одним курицам воли не было, старик откармливал куриц до ноябрьских праздников и отрубал курам головы. Всю зиму ел куриные супы. Кобылу дядя Ваня держал для развода жеребят на мясо, бычок набирал вес на откорме, тоже на мясо. Продавал мёд, жил старик без нужды, имея пенсию фронтовика. Помогал дочери в Абакан, брату и племянникам в Канске. Но роднее всех всё же стал ему Валерий Семёнович Таптун.

В сумерках за рекой подал голос журавль. Курлыкал он надрывно, отчаянно звал свою подругу, и от этого курлыканья журавлиного становилось тревожно на душе, и возникало желание подняться на крыло и лететь клином журавлиным в неведомые края. Банальные мысли, а чувство от этого журавлиного курлыканья щемящее, важное и тревожное, как сама жизнь.

– Это к дождю, – определил Таптун.

Ливень случится на рассвете. А пока держалось парное тепло, тихий, приглашенный свет вечерней зари тонул в кронах высоченных сосен над пасекой и жилыми вагончиками.

– Ужин готов, – напомнил старик Мавлютов.

Таптун стал наливать черпаком из казана борщ в алюминиевые чашки, я относить эти чашки с борщом на стол в летнюю кухню. Мавлютов ушёл к себе в вагончик, вернулся он с неполной бутылкой самогона, настоящего на прополисе. Таптун налил в своём вагончике литровую кружку медовухи. Пасечник Таптун, мой давний и любимый друг, знает, что крепкий самогон на прополисе я не пью, на пасеке только медовуху. В этот приезд я привёз и подарил Таптуну гармонь-хромку Шуйского горпромкомбината. Дома у меня собрались, в добрый час, три гармошки. Одну решил подарить другу. Пасека Таптуна без гармошки – это не пасека. И он это знал, и мы тянулись на пасеку к Таптуну отогреть душу русскими песнями под гармонь.

В сумерках откурлыкал уже и журавль, когда в бору обозначился шум мотора. На пасеках держат собак редко на привязи. Сука Муха жила при пасеке уже четыре года. Белая шерстью без помарки, умная сука не залаяла на «Ниву», идущую к пасеке по лесной дороге между сосен.

– Кто-то свой, раз Муха не лает, – сделал вывод Таптун. Мы уже выпили и закусили борщом и копчёным салом. Поднялись от стола, вышли встречать позднего гостя.

«Нива» Валеры Короля с удлиненной рамой, с двумя дверцами, новая машина тёмно-синего цвета, в районе чуть ли не единственная такая. Народ покупает дорогие иномарки, годные лишь для асфальта. Король служит егерем в Тафаларском заказнике, который в Саянах. Перевалочная база

заказника в селе Ашкаул. Там и «Бураны», и катера, склады с имуществом. Круглый год Король с сыном Димкой хозяйничают на этой базе. Заказник в верховьях Агула в Саянах охраняется егерями из Иркутской области. Хозяйственной перевалочной базой Тафаларского заказника в Ашкауле заведует Димка Король. Парню нет и тридцати, после пединститута успел поработать в школе учителем истории. Помогал отцу на базе, в конце концов ушёл из школы и устроился простым егерем в заказник. Поступил учиться на заочное отделение в Иркутский сельхозинститут на факультет охотоведения. Короля мы не ждали в такое время, знали, вчера он ещё был в верховьях Агула, на озере Медвежье. Король благодарен Таптуну по гроб жизни. За помощь в лихие девяностые, когда Таптун взял Короля на работу в «Агроэнерго» токарем. Там и появилась возможность клепать из моторных лодок водомёты. Король механик-самоучка. Между собой мы зовём Короля Кулибиным.

Муха кинулась лапами на грудь Короля. Обняли по очереди друга и мы. В Канске у Короля два гаражных тёплых бокса, это его мастерские. Король поставил там немецкий самогонный аппарат и выгоняет из браги по своему рецепту отменной очистки самогон. Много народу нынче занимается самогоноварением. Вынудила к этому даже не дороговизна водки, а её «палёность», частые отравления людей от «палёнки», а на пасеке без медовухи и «прополисной» самогонки никто не живёт. Король снабжал друзей. Мне он всегда говорил выпивши:

– Николаич, люблю тебя. Ты нам нужен.

Король принёс к столу агульского тёмного солёного хариуса, бутылку самогона на прополисе. Любит Король гармонь. Но пока до гармошки не дозрели, захлёбываясь от восторга, Король рассказал, как он управлял частным гидросамолётом, когда его вывозил с озера Медвежьего его друг пилот «Боинга», у которого целая коллекция самолётов на частном аэродроме под Красноярском. Весь день и вечер, до приезда Короля, рядом по соседству стучал немецкий движок. Адмирал до позднего часа качал мёд медогонкой с электроприводом в специальном для этого вагончике. У Адмирала большая пасека. И каждый раз, бывая на больших пасеках, на ум приходит каторжный труд старателей на золотодобыче. Заработает старатель пятьсот тысяч за промывочный сезон, дорога на материк с Колымы обходится туда и обратно в сотню тысяч. На пасеке – числом за пятьдесят колодок, занимаясь любимым делом, рядом с семьёй, пасечник получает мёду на миллион рублей. Мёд всегда востребован. Адмирал прекратил качать мёд, собрался ехать домой в село Бражное на кузовном «жигулёнке». Не отъехал, пришёл поздороваться с Королём, увёл его к себе в вагончик. Вернулся Король с трёхлитровой банкой мёда, поставил банку в «Ниву».

Помянули добрым словом дядю Ваню, терапевта Владимира Николаевича Парфёнова, который долгие годы держал у дяди Вани свои два улья пчёл, доктор бывал на пасеке каждые выходные. Доктора мы любили. Построил Таптун и баню с парилкой на пасеке у дяди Вани. И при яркой луне сидели мужики возле бани, распаренные, на брёвнышке, рядом с кипрейным полем. Пели под гармонь сильные мужики песни, расслаблялись медовухой. Парились и отдыхали до рассвета. Прошло двадцать лет, годы и время смяли и дядю Ваню, и Парфёнова. Земля им пухом, помянули чаркой молча.

6. Земная слава

Курящего козла Гену я не видел. Не так часто мы общались с Таптуном последние десять лет. Дядя Ваня, больной диабетом, лишился обеих ног. Дом в селе Бражное пришлось продать вместе с хозяйством. Дядя Ваня вернулся в городскую однокомнатную квартиру в районе гидролизного завода. Таптун купил для него кресло-каталку, помогал выживать, как мог, но дядя Ваня начал пить. Пенсия у фронтовика была высокая, пьющая соседка носила ему водку, сама с ним пила. Умер от водки.

Доктор Парфёнов к семидесяти пяти годам умом стал простоват. Пил доктор всю жизнь много и постоянно. Встречая иногда Парфёнова в городе, я всегда давал ему сто рублей, он и выбегал на площадь Коростелёва в поисках денег на похмельку. Но двадцать лет назад, когда не верилось, что гибнет СССР, мы были сильными, у каждого по сорок пять лет жизни за плечами. И какой жизни! Замечательной. Таптун имел два высших образования. Меня в 38 лет приняли в Союз писателей СССР ещё студентом третьего курса в Литературном институте. В те годы я жил и работал в Якутии на Индигирке. Парфёнов был известным терапевтом в Канске, которого уважали люди. Талантливый механик-самоучка Валера Король прибился в те годы в нашу компанию. И года не прошло, сделал

по своим чертежам первый водомёт с «волговским» двигателем. И мы, кто выжили в лихие годы на рубеже времён, храним дружбу четверть века.

– Семёныч! Расскажи про курящего козла, – смеётся Валера Король. Козла этого он видел, давал ему и покурить.

– Не поверишь, Николаевич, – повернулся ко мне Таптун. – Козёл настолько обнаглел, что стал наводить свои порядки на усадьбе у дяди Вани. То бычка отожмёт к забору, угрожая рогами, то кобылу в огород загонит. На Зойкин «станок» запрыгнет, шею дугой выгнет, рога выставит, глаза кровью наливаются. А борода у козла Гены, как у старика Хоттабыча. К тому времени уже и пара козлят от козла Гены у козы Зойки на дворе росли. Баловали козла Гену. Пока дядя Ваня не видит, давали ему сигарету курить, – смеётся Таптун.

– Однажды капот моего «жигулёнка» копытами помял. Загнал я машину во двор, закрываю ворота. А козёл Гена прыг на передний капот! Я и воротину бросил, кинулся его сгонять. Согнал, закрыл ворота. Ходит следом, не отстаёт. Опять запрыгнул на передний капот. А зла уже нет на козла. Смеюсь. Козёл рогами машет вверх-вниз. Прикурил сигарету, сунул козлу Гене между зубов. Представляешь, картина: белый козёл с сигаретой в зубах дымит на капоте фиолетовой «копейки»?!

Мы все дружно ржём. Представили.

– И ведь курил козёл, как заправский мужик. Одного дядю Ваню козёл Гена и боялся.

В те далёкие годы Таптун постоянно ездил на «копейке» «Жигулях» фиолетовой окраски, которая числилась за предприятием «Агроэнерго». В грязь Таптун заводил для поездки на пасеку свою личную белую «Ниву».

Таптун сочно рассказывал о курящем козле. Однажды дядя Ваня поменял гнедую кобылу на молодого белого жеребца. Не объезженный ещё жеребец-двухлеток. Дядя Ваня планировал сдать жеребца на Канский мясокомбинат. Бартером на колбасу. Жеребец признал дядю Ваню. Но изумился наглости козла Гены, который стал наступать, угрожая острыми рогами вспороть брюхо жеребцу. Жеребец хватил козла Гену зубами за загривок, да как мотнёт его в броске к забору. Козёл Гена вскочил и прыжками поскакал к козе Зойке в огород к зароду сена. Коза Зойка своего козла-деспота по-своему усмирила, боднув его слегка в бочину. Присмирел козёл Гена.

– Так и проходит земная слава! – подвёл черту под рассказом Таптун.

Он видел эту сцену с жеребцом и козлом Геной.

До гармошки-хромки руки всё-таки дошли. Удивительной нежности звуки – две с половиной октавы в умелых руках Таптуна – не позволили нам и рот открыть. Обошлось без частушек. Музыка звучала грустной и душевной мелодией. Рождалась эта музыка и лилась из души человека, рождалась талантом гармониста и гармонью! И не было желания нарушать этот божественный звук фронтовой «хромки». И слышно было в сумерках за рекой, далеко за Каном в предгорьях Саян, эхом гуляет русская гармонь. Гуляет широко, по-русски. И вольно, раскатисто возвращается одинокая гармонь эхом по воде к пасеке над рекой.

На соседних пасеках перестали брехать собаки. Повеяло осенней прохладой из сумеречных тяжёлых грив. На землю незаметно опустилась тёмная ночь. В летней кухне, пристроенной к кунгу, светло от светодиодной ленты, подключенной к автомобильному аккумулятору. Приглушённо гомонят за столом хмельные мужики. Гомонят каждый о своём. Гомонят о жизни. Я ушёл в вагончик Таптуна, в боковое окно видна пристройка летней кухни, мужики за столом. Звук из кухни не проникает в вагончик. Я топлю берёзовыми полешками железную печурку. На рассвете часто и дробно застучал дождь крупными каплями о железную крышу кунга.

Спят мои товарищи-пасечники мертвецким сном в своих домиках на колёсах. В вагончике жарко от печурки. Таптун спит на своём диванчике, раскинувшись, на спине, дверь распахнута, за тюлевой шторкой угадывается рассвет.

Не сплю, просто лежу, слушаю шум дождя. Жизнь.

Канск. 1 марта 2021 г.

Проза

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова – автор поэтических книг: «Апрель», «Прощёный день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль»; книг деревенских рассказов: «Лесковка», «От Рождества до Покрова»; «Не трын-трава», «Настёнины “антарктики”»; книги лирических очерков «Колыбель моя посреди земли», книги коротких рассказов и миниатюр «Узелки на память»; песенного сборника «Просёлочной дорогой»; сборника прозы о ВОВ «Всего дорожке»; сборника поэзии и художественной прозы «Осеннее причастие». Член Творческого совета по защите родной природы при Правлении СПР. Руководитель поэтической студии «Слово» и областного клуба творческой интеллигенции «Светлица» г. Орла.

Лауреат Губернаторской премии (г. Орёл) в номинации «Художественная проза», Всероссийской литературной премии «Вешние воды», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина, конкурса «Книга Года литературы» (г. Орёл). Лауреат журнала «Берега» (2017, 2020), Всероссийской премии им. А. А. Фета, премии «Соловьи, соловьи» Алексея Фатьянова. Отмечена Почётным знаком Союза писателей России, Дипломом Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества», Золотой Шукшинской медалью, Дипломом VII Всероссийского фестиваля русской словесности и культуры «Во славу Бориса и Глеба» и множеством других наград.

СЕРАФИМА

Повесть

Ныряет солнце в лопухи,
Закат сочится сквозь плетень.
В селеньях нашенских, глухих,
Без потрясений и стихий
Опять ко сну отходит день.
И серебрится молодой,
Затеплив в небеси светец.
И в ожерельях повилик,
Главою к росстаням приник,
По ком-то стонет крест-голбец.
Соседка, проглядев глаза,
Бесцельно кружит у ворот.
И не согласишь, рассказать...
Но мать, она – до гроба мать –
Всё из Афгана сына ждёт...

Паслёновским дворам, беспорядочно разбросанным вдоль двух супротив друг дружки возлежащих холмов, неказистой деревушке этой, сбегавшей под изволок к самой пойме реки, и сейчас не повезло: бетонный большак ошмыгнулся, пролёг в стороне верстах в двадцати пяти. Так и то, как полегчало, раньше ведь в райцентр с ночёвкой ходили. Одним днём, хоть как старайся, не обернуться.

Хотя... на мой взгляд, именно в таком месте не обидно и жизнь прожить, и умереть.

Может, по причине глухоманного расположения этой деревеньки, кроме прилаженной на божнице справа от Георгия Победоносца, напрочь прожелтившейся карточки, в избе больше ни одного фото и не видать? Хотя... в деревнях-то как раз их обычно уйма по стенам. Скорее всего, где-то прибраны другие снимки, просто эта карточка у воском закапанного Евангелия, у намоленных, окружённых розоватыми бумажными цветами образов для хозяйки особо дорога.

Тётка Серафима рада случайной гостье. Под Покрова будет год, как она осталась во всей Паслёновке одна-одинёшенька. Последняя товарка её, бабка Лукьяновна, с миром отошла ещё по первопутку, и Серафиме теперь не с кем ни словечком перекинуться, ни складницу дров под навесом сложить, ни сны не с кем поразгадывать.

Старушка знает, что время так подпортило хранимый на пахнущей вечностью Божничке снимок, что издали уже и не разглядеть на нём её Митюшу. Она допинается до полочки, бережно вынимает из-под обливного, когда-то расшитого алым убористым крестиком полотенца вставленную в самодельную рамку карточку сына. С нежностью дышит на отливающее нездешним светом стекольшко, протирает его краем выбеленной до синевы скатерти и, зачиная рассказ о единственной своей кровиночке, протягивает мне бесценный портрет.

Со мной всегда так. Если приходится смотреть на фотокарточку человека, дожившего до своего века, душа при думах, навеянных снимком, затепливается светлой грустью. А тут... К горлу подкатил такой давкий ком – не проглотить. И сердце ожгла невыносимая жалость к этому, с сержантскими погонами, задорно улыбающемуся вихрастому парню, к неотвратимой безнадёжности его судьбы.

– Э-эх! Коли знал бы кто, как мне Митенька достался, какими слёзными слезьми вымоленный!.. Хоть фильму сымай. Тока разишь теперя всего упомнишь? Память стала – трушляк трушляком. Так и надо думать! Столько, как положил мне Господь, и вовсе не живут... Особливо с таким неизбывным горем... Ить разъедин он у меня был, сыночек-то... позднушок. В былые годы, скажу я тебе, в Паслёновке детворы в каждой избе, что мурашей, водилось... А он мне, как есть, один даденый... Но я и тем довольная – и мне, пушай крохотный кусочек материнского счастья, а всё ж таки отвесился.

День жаворонистый, апрель перебрел холодами, и сейчас, на его исходе, погоды стоят на загляденье. Небеса расколоколились волновым заплеском, воздух можно кружкой пить. Скоро земля совсем пропитается солнцем. В заоконье вот-вот брызнут, разазбазаривают цветами бубенчики вишен. На задворках попёрла глухая крапива, полынь, всякий-разный дурнопьян. В палисадовых кустах боярки хором голоса птиц. Вовсю закурчалась по прогалинам мать-и-мачеха. Куры-несушки на подворье с кококаньем моют лапы в засолненной луже, где, видать, после драки плавают сине-золотистые петушки перья.

Завтра Радоница. Пойдём с тёткой Серафимой по первому одуванчиковому разливу в светло-русую рощицу, на погост.

По привычке тётка Серафима усаживается на лавку так, чтобы свет падал справа. Хоть почти и выровняла, одинаково изжевала долгая и многотяжкая судьбина и лоб её, и обе впалые, тряпицами повислые щеки, всё одно и сейчас ещё отчётливо сквозь паутину морщин просматривается крупное, сливового цвета родимое пятно, заляпавшее почти всю левую часть её угаслого лица.

Чёрносморозинные, когда-то бывшие праздничной одеждой души, а нынче запавшие, вдавненные временем, выеденные до бесцветья солью бессонных ночей Серафимины глаза при мысли о сыне затепливаются. И в ту же минуту сама по себе начинает лучиться из них безмерная ласка. В уголках скукоженных, словно два прошлогодних фасолевых стручка, губ даже проявляется, как отблеск прошлого счастья, лёгкая улыбка. И старушка, научившаяся за горькие годы забываться, уходя с головой в это былое счастье, заметно оживает.

– Ни от кого не секрет, сама, поди, видишь, – уже не стесняюсь своего уродства, вдруг поворачивает разговор на смущающую меня тему тётка Серафима, – ягодкой боровой я никогда не слыла. Дак и время, оно тожить кого хочешь согнёт... Чтобы самой от себя не шараться, зеркалов в избе ни в жисть не держала... Без них всё ж таки полегшей... Да и за работой забываешься...

Хотя как тут забудешься?.. Не надясь узнала – неманкая, и смолоду, бывало, ни один парень в мою сторону не взглянет. Годки-товарки, подоспело время, замуж повыскакивали, ребятишки у них как грибы после дождя каждый год высypают... Пойду на речку кой-что располоскать, бабы мужнины рубахи, детские рубашонки по воде распускают. Угнусь, пральником по камню со всей мочи луплю, луплю – боль эту проклятушую, громаднищую из себя выколачиваю. По деревне иду – шум, гам дитячий звенит, а у меня на дворе – тишина гробовая.

Кого в своём уродстве винить? Мамыньку-покойницу ли, тот Кашеев час, в котором по наущенью сатаны угораздило мне с порчей народиться? Кто ж знает?.. Я по метрикам-то осенская,

с девятнадцатого году. Как чуток возросла, знамо дело, на дворе ребяшня дражит, ну, и стала я, значит, мамыньку-то пытаться: мол, отчего такая беда могла со мною, невинным младенцем, приключиться?

Правда ли, нет, один Господь знает, стало ли то причиной, только рассказала мне рódная о жутком своём испуге, от которого она мной раньше сроку разродилась.

Тётка Серафима пододвигает колченогую свою табуретку ко мне поближе, налаживается на долгий разговор. Знать, время ему пришло. И я стараюсь старушку не перебивать, помня, как дорог для неё любой человек, заглянувший в это одинокое жильё, а уж коли гость окажется хорошим собеседником или хотя бы слушателем, так на всю оставшуюся Серафимину жизнь станет для неё родным. Да и потом: перед чужим не вот-то распахнёшься, наболевшим, сокровенным не вот-то поделишься.

– А дело было так. Отец мой, вернувшись с Мировой с подтраченными газами нутром, ни за какие коврижки уже не захотел затёсываться ни в белые, ни в красные, ни в какие зелёные. Обженившись, надеялся жить своим семейством, кормясь с небольшого по нынешним меркам клина, прирабатывая, как исстари у нас велось, отходом. Сказывают: шубники шил – игрушки, а не шубники!

Но где там! Как закрути-илась Гражданская, как запуржи-ила! Хошь не хошь, виноватым окажешься. Не перед одними, так перед другими. Так и вышло. Осенью девятнадцатого, как посыпались с деревьев в речку краснопёрками листья, со стороны Кром на нашу округу двинулся Деникин. Мужики-то здешние, деревенские, в основном – по фронтам, а отец мой – дома. Вошли, значит, белые в Паслёновку и давай всех на сход собирать. Так, мол, и так: коней сдать, фураж для них поставить, а самое главное – мужиков, кто оружие держать способен, – под запись и в строй.

Отец, знамо дело, засупротивился: коня, мол, не дам, фуражу – и так нема, и сам не пойду, навоевался по самые некуда. Война... все озлоблены до предела! Доложили фицеру, мол, мужик в крайней хате, хоть ты что хошь, фордыбачит: коня спрятал, сам в войско не йдёт. Уж не красный ли он? А командёр-то ихний, недолго думая, безо всяких разбирательств возьми да прикажи папаньку вздёрнуть. Для острастки, значит, чтоб другим неповадно было.

Покуль мамынька со мною во чреве до Хручихиной хаты напрямки по татарнику-мордовнику доколтыхала – тамotka папку собирались порешить – уж всё и случилось... Не успела, значит, рódная, вымолить его у фицера. Обхватила она уже остывающие мужнины босые ноги, повисла на них и так-то голосила, так-то выла, что еле оттащили. А она уж – и словно не она, словно умом трехнулася. Не расторопились её до избы довести, на полпути в ржаной копне мною и разрешилась.

С перепугу ли мамынькиной кровь прилила мне к лицу, так ли спервоначалу было предначертано – чего уж теперя гадать? Только врагу не пожелаю с таким обличем народиться, – задумчиво вздохнула тётка Серафима, подняла с колен изробленные руки, утёрла уголком подшалка вызревшую слезу.

– Так и возрастала... всё больше в одиночку да с краешку, не на свету. А как Отечественная-то подросла, как немец попёр, я уже по нашенским меркам перестаркой была – на двадцать втором годе. Сколько мóлодёжи паслёновской поугнал тада антихрист к себе в Германию энту, будь она трижды неладна, в работы!.. А вот мной даже он побрезговал.

Мамынька померла на другой год, как осел в Паслёновке немец. Под Роштво. Январюга, скажу я тебе, в сорок втором выпал редкостной, наскрость ошпарили земь морозы, даже в феврале, на Тимофея Полузимника, отродясь такой леденящей хрупки не видывали. Застудилась, значит, и померла сердешная... Ну, дак какая одёжа-обутка по ту пору? Всю как есть подчистую хриц повыскреб и ношеным не погнушался... Голдовали, конечно. Картошечные лущайки за счастье почитались.

Об том же, как бедовали и в послевоенные годы, сказывать не стану, небось, без мово сказу насылана: курочка ещё в гнезде, а мы уж полдня со сковородкой. Добавлю лишь, что каждый раз, как вспоминаю ту-то пору, диву даюсь: разишь такое может обнакновенный человек сдюжить?.. А вот, поди ж ты: значит, может! Самое главное, я так думаю, чтобы душа не запаршивела, коростой не покрылась.

Серафима спохватывается, на удивление проворно поднимается, шаркает потрёпанными бурками к печи, рядом с которой, «под рукой», с гвоздика свешиваются изрядно обобранные за зиму низки золотистых луковок, бледно-розового чеснока и скукоженные хвостики жгучего перца.

Отодвинув с устья заслонку, старушка ловко, словно молодуха, опершись на рифлённый каток, подтягивает рогачом чугуночек, выкатывает «на продых» взопревшую гречу. Тут же по привычке обметаёт гусиным крылышком от сора загнетку и возвращается на насиженное место.

Медленно капает день, слово за слово, не спеша ведёт свой сказ о сыне, о своём житье-бытье тётка Серафима.

– А жила я по-прежнему одна. Куды деваться-то: попала в колесо собака – слезьми захлёбывается, пищит, а бежит. Так и я... Два года до конца войны в землянке: немец-то, отступая, Паслёновку наушшал пожар, ни избёнки не оставил, одне трубы на погорелье торчали. Ну и вот, значит... Потом, попервоначалу, саманкой обзавелась... обнадёживаться-то разу не на кого было. Это уж когда-когда колхоз помог отстроиться. Дай Бог председателю нашему, Митрипальчу, здоровья. Пожалел сударик мою сиротскую немочь.

И всё в работе, в работе... Разной выделки, замесу бывают люди, а я уж, видно, из самого наипростецкого теста. Дак ведь без труда, знамо дело, приходит тока грех. Обжилась я, значит, завился худо-бедно, а всё ж таки и в моей новой избе дымок. Дажить в палисаде, как у людей: всё лето порхал мотыльками мак-самосейка, к августу завивались царские кудри.

В пятьдесят девятом надумала и я, как другие, провести в новую избу свою радио. По ту пору уже в каждой паслёновской избе под гимн вставали и ложились. Стыдно как-то за такую промашку супротив других. Порешила и порешила... Договорилась с Николаем – он у нас этим делом по деревням в очерёдку уже два месяца занимался. Сам-то проживал в районе, но по своему ремеслу приходилось ему ездить по округе, проводить радио. Район у нас просторный, обыденкой зачастую у него не получалось, зачастую уезжал от семьи с ночёвкой.

В тот день работал он в нескольких дворах и только к вечеру допьялся до мово. Дело было в конце лета, вечера короче, темнеет раньше. Вот и сговорились мы, потому как уже стемнело, что заночует Николай у меня на сеновале – август на исходе, но духота, дажить ночами, – а уже с утра примется за работу.

Повечерили, значит, мы. Сама знаешь, хочь какие там разносолы в деревне, а всё ж таки в эту пору на столе новины вдосталь: и огурцы тебе, и помидоры, и картошечка с развару. Постелила я гостю в сеннике, и он отправился спать.

Серафима запнулась, словно принялась всматриваться в тот вечер, припоминать ту, невероятно важную для неё минуту, так неожиданно изменившую её жизнь.

– Прибралась я на столе, смотрю: у рукомоиника на гвоздочке клетчатая зеленоватая Николаева рубаха. И так-то крепко от неё пахнет мужиком... Вот и пришло мне в голову... Дай, думаю, хочь разок в жизни постираю, пусть и чужую, но всё ж таки мужицкую рубаху. А как принялась за постирушку, глядь – в нагрудном кармане карточка. Парнишка на ней – вылитый Николай, годков десяти. И такой милovidный, глазки востренькие... папкины глазки. И статью, по всему видать, в отца выладнится.

Серафима даже прищурилась, словно держала в руках и рассматривала мальчишкину карточку.

– Закончила я со стиркой, воду с крыльца выплеснула, и надумалось мне сбегать к омутку, распустить Николаеву рубаху по воде, как обычно полоскают мужнины подштанники да рубахи наши паслёновские бабы. А заодно искупнуться.

...Вернулась на подворье, уж деревня угомонилась, развесила на тёплом ветерке рубаху. Села на крылечный порожек, сон – ну тебе ни в одном глазу. И вдруг, и сама не знаю, как вышло... Расскажи кто, и не поверила бы, что такая я, оказывается, рысковая, что на такое способна. По правде-то сказать, я ведь из самого что ни на есть робкого десятку. Для меня случившееся не только в редкость, но вообще из ряда вон... Поднялась я, значит, и сквозь темень напрямиком в сенник. Думаю: вот тебе, Симка, подарок, с неба упавший!

Разговор наш с Николаем передать не могу. Потому как вроде не в себе была. От волнения почти ничего не помню... да и сколько с той ночи минуло!

– Сын у меня, Сима! – заговорил, было, Николай. – Да и грех на сердце стопудовым камнем ляжет, дурная слава об нас покатится.

– А и пусть! – шепчу я ему, а у самой лицо от стыдобушки жаром полыхает. – Прошу тебя, не сори сейчас словами, не побрезгуй, Бога ради... подари мне немножко тепла. В семью твою вовек

не встряну, дитя от тебя хочу, боле ничем никогда не потревожу. Уйдёшь – забудь меня, только не оставь пустоцветом, прогорклой вековухой... ведь скоро догорю...

Сказать по чистой совести, пожалел меня тогда Николай... Видать, Бога в сердце имел, – прошептала срывающимся голосом, будто для себя, страдалница.

Задохнулась охрипшая, распятая душенька тётки Серафимы, словно старушка надорвала грудь. И у меня, всхлипнув про себя, замерло сердце, боюсь пошевелиться, даю ей перевести дух.

– Весь август проработал в Паслёновке Николай, все ноченьки отколыбелил по моему почину у меня на сеновале. Сколько охапок сена перевели мы на труху, сколько звёзд осыпалось за месяц над подворьем, озаряя моё счастье!

А как пришла пора сворачивать Николаю в нашей деревне дела, я уже была почти уверена, что понесла. Хоть и переполнялась душа моя радостными переливами, словно солнечные зайчики в ней поселились, ни словечком ему, родимому, не обмолвилась. А зачем?.. Пушай себе живёт со спокойным сердцем... семья у него... вить не зря же умные люди ещё истари приметили: мол, на чужом-то несчастье свою счастья не построишь.

Может, и узнал бы когда случайным случаем Николай, что бегают по Паслёновке мальчишка – его потретик... да такой-то ладненький, с его востренькими глазами. Да, видать, не суждено...

А всё войница эта, проклятущая... Всё прибирает к своим загребушим рукам... Он ведь, Николай-то, в окопах от первого дня до последнего... Вот и вскрылись раны... Сама видела: и спина – в рытвинах, и живот исполосован. Года с той ночи не прошло, как не стало отца моего Митеньки...

Как сынишка в разум вошёл, я, конечно, рассказала ему, какой геройский был у него папка. Придумывать-то особо ничего и не надо было. А мальчонке без этого никак нельзя... человек не должен чувствовать себя безродным.

Она призадумалась и вздохнула.

– Перед армией Митя обмолвился: мол, даже на могилке у отца побывал и со старшим братом познакомился. Уж как он измудрился, озаботился, не знаю, только, думаю, правильно сделал.

Да и с измальства он у меня был смышлë-онай! Растолковывать ничего не приходилось – только намекни, он тут же точь-в-точь и переснимет. Не заметила, как разговаривать начал. А ползать и во все не ползал. Встал себе, да и пошёл. Самостоятельной – не приведи Господь!

Серафима умилилась сердцем, кажется, на лице её даже морщины разгладились. Не лицо, а сама ласка ласковая. И улыбка зацвела такая нежная, такая неувядливая. Никакие иные воспоминания не могут посеять и взрастить в Серафиме схожих цветов радости, как думы о сыне Мите.

– А уж какой пытливый! От этого с ним беспристанно всякие-разные неурядки приключались. Вот, к примеру, это ж надо было додуматься испытанья с самим собой произвести. С собственным языком. А ну как наовсе его лишился бы?

– Это как же так? – не выдерживаю я.

– Да как, как? Очень даже просто. Годков пять Митеньке по ту пору было. Соседский Витька, вымахал – орясина-орясиной, а в голове – мякина. Возьми да подначь энтот рангутан малюго: мол, слабо тебе, Митька, замок амбарный лизнуть?

А дело-то было под Хрищенье. **Сыночка** и смекнуть не смекнул, на что его Витька-паразит подтолкнул.

– Вот делов-то! – говорит, да и лизь амбарник.

Язык тотчас и пристыл. Так ещё бы! Чай, не май месяц, холодрыга за тридцать. Прибёг забубённый Витька за мной.

– Тётка Сима! Ваш оголец приморозился!

Что тут поделаешь? Пришлось замок с амбару отмыкать да вместе с Митей, с бедолажным его языком доставлять в избу. Так и сидел у печки: водой тёплой поливала, покуль замок от языка не отвалился.

Две недели потом мучился, ни есть, ни пить не мог. Дак и этого мало. Только оклемался, давай на спор с Толькой и Мишкой Крюковыми сосульки с ихнего пчельника грызть. А зачинщиком опять тот-то Витька был. Сам-то, небось, не спробовал, всё над малышней насмеялся. После того спора провалялся мой Митенька на печке ажни до самого Прощёного дня.

Так и это ему уроком не стало. Если пересчитать, пальцев неостанет, сколько разов из-за свою любопытствования попадал он в казии.

А то вот ещё случай. Кабы не мои молитвы да бабка Матвеевна, в тот раз уж Митеньке точно из беды не выбраться. Надрали они с закадычным своим дружкой Толькой на задворье полны карманы паслёну вперемешку с дурманом, уселись у Крюковых на крыльце, собрались опробовать, что за хрукты-овоци такие. Слава Господу, на ту пору Матвеевна с огорода вернулась: не успели как следно приложиться.

Покуль у Мити двое суток от бабкиного узвара нутро выворачивало, я омывала слезьми перед божницей половицы: «Божечка! Мила-а-й! Не отымай Ты у меня единственную кровиночку! Не допусти смертыньки безвинному дитяти мому! Пошли Митеньке исцеление! Каюсь, каюсь! Знаю, помню, как не помнить-то? Их у меня, грехов-то, ажни сто мешков! Не вмений Ты сыночку грехи мои... Чего Тебе стоит, Всесильной?! Вить мне без сыночка хочь головой в пролубь».

Снизюшли Небеса до моих молитв: туда-сюда, глядь, уж опять Митюша на ногах, опять чегой-то затевает, всё-то ему неймётся.

А сердешнай был! До каждой козявицы жалостливый. Бывало, у кота нашего Кусихвоста мышей отымит и отымит и на волю отпустит. Кот-то с голодухи ли, хищного ли интересу ради даже тараканов, что кишели в запечье, ловить наловчился. По правде сказать, поменило их тогда изрядно, а то ведь как с ими не сражайся, расплодилось, по ночам стены и лавки от энтой усатой твари шевелились.

Уж поболее подрос Митя, годков десяти был, такое живчик начередил, думала, после того дня сниму с Полкана цепь, на его шею накину да к столбу, что матицу посередь избы подпирает, и прикую, чтобы со двора боле ни шагу.

В самое половодье случилось. Морозы стояли в тот год страшные. Речка почти до донного доньшка промёрзла. А с началом поста, как не упиралась, всё ж таки тронулась. Грохот, скрежет по всей пойме. Льдины сшибаются, переворачиваются, одна на другую насадет. Смотреть, и то жутко.

Под Вербное было-то, как чичас помню, на Акулинин день.

Уж как она там оказалась, неведомо, с верхов, из Копыркино приплыла, что ли ча? Сидит, значит, на крыге рыженькая такая, с кошку, ну, чтоб не приврать, пушай с две варежки, собачонка. Сидит, морду вверх задрала и так-то жалостливо, так-то слёзно воет – ну, что твоя баба по покойнику голосит.

Как нарочно на то время спровадился Митя спозаранку в лозинник. Помнишь, наши у Кривой балки завсегда там вербу по болотоцветнику к празднику ломали? Ушёл и ушёл. Час нету Мити, два нету, уж пора возврататься. Я и по двору управилась. Солнце на полпракитки вскарабкалось. Обед стряпаю, а сама глаза проглядела. В редкую стёжку ведь пообещает и не сполнит.

Вдруг врывается в избу Толька Крюков и прям с порогу: «Тётка Сима! Митьку вашего на крыгах за деревню уносит! Батька воротину снял, на речку побёг».

А получилось-то как? Уж и домой ребятишки с вербой возвращались. В недобрый час возьми и подвернись им эта несчастная собачонка. Разишь Митя мог пройтить мимо? Кинулся вызволять!

Когда я, наконец, очутилась у воды, Петро Крюков, Толькин батька, и ещё пара наших мужиков с лестницами и баграми уже передыхали на берегу. Митя в обхватку с собачонкой сидел на крюковской воротине.

– От же ж паразит! Что ж ты, такой-разэтакий, делаешь? Угомон тебя возьми! Сердце выковырнул из груди! Рази не ведаешь, что на Акулину вода в реке – не Божья роса, русалки нынче опосля зимы просыпаются! А тебе – завей горе верёвочку! Вот утащили бы под крыгу – и с концами! – накинулась, было, я на сына и давай страшать.

А потом вижу: дело плохо. Ах ты, Господи! Чевой-то неладное с им! Ни жив ни мёртв, надо бы пуще, да некуда: губёнки синие трясутся, зубы стучат, кухвайку хочь выжимай, набрякла от воды. Невелика я росточком, а только откуда силы взялись? Вскинула его на плечо, как куль с мукой, да и потащила до дому. И давай и внутри, и снаружи: то гусиным салом, то нутряным жиром, то нутряным жиром, то гусиным салом. А сама думаю: в таком разе теперя точно привяжу. Куды там!.. Разишь в каждый след доглядишь? Да и под юбкой мужика, как ни крути, не вырастишь...

Тут вдруг Серафима ещё ниже опустила бескрылье плечей – снова зальдилось её сердце, ушла в шаль, на лице опять проступила витиеватая ажурь морщин. А от уголков рта пролегли две глубокие борозды. Под глазами – несчётное перекрестье дорог. Глаза её вдруг погасли, и прижившаяся в душе старая заскорузлая печаль чёрной тенью накрыла старушку – краше в гроб кладут. Разговор сам со-

бой скомкался. Избу поглотила такая тишь, что слышно было, как под шкурой многолетних обоев шебаршились суетливые мыши.

– Стану, бывало, с ним разговоры разговаривать: мол, жаль ты моя, вить случись что с тобой, тотчас и у меня сердце на куски, – очнулась Серафима, – а вот поди ж ты... живу... По радио слыхала: мол, долголетие – знак особого благоволения Господа к человеку... И зачем оно мне?.. Какой во мне теперь прок?.. Мити-то, опорухи моей, нету...

Лучше бы она заплакала. Может, хоть на чуточку легче бы стала крестиком расшитая её судьба, выношенные ею муки. Но Серафима давно свои слёзы истратила. Зато до конца старушкиного века пригнздилась жгучая, ничем не унимаемая боль в её опустошённом потерями и временем сердце.

– После школы выучился сынок на шофёра. А осенью семьдесят девятого подоспело время идти на службу. И вить не брали сиротинку-то! Да он, мол, как жа? Срамно супротив ребят! Стыдоба вить! И дообивал на свою... да и на мою голову порог военкомата!

С той минуты, как узнала я, что он попал в Афган, вздрагивала от малейшего шороха, не хватало духу слушать по радио новости... Ведь уже доставили матерям и схоронили в Ясенево и в Успенском двух Митиных одногодок. Я и ждала, и боялась появления у моей калитки Зинки-почтальонши...

Он погиб в восьмидесятом, в последний день зимы... В гробу я его не видала, закрытый казённый гроб... Накричалась до немогу, до онеменья. Душа искалечилась, промёрзла наскрость – не живописать словами. Всё до единой косточки словно через мясорубку пропустили... Дажить и не знаю, как измудрилась наша фельдшеричка Климовна меня с того света достать.

Письмо пришло через три дня после похорон. Шуточное ли дело?.. Открываю, а в нём карточка... И Митя во весь рот улыбается! Пишет: мол, всё у него хорошо. Я тада, простодыра, хочь слабина в коленях, как во хмелю – в военкомат. Внутрях всё запеклось, отдышалась да: так, мол, и так, письмо получила. Может, со слепу чего в ём не разобрала? Зародились сумления... Тока скажите правду, кого вы мне в гробу доставили?

А они не обнадёжили... ещё тужей завязали мою судьбу в вузляк... Бывают, мол, с почтой накладки... Помстилось тебе, мать. Выбрось из головы свои угарные мысли, не сумлевайся... пал твой сын смертью храбрых двадцать девятого февраля в Кунарском наступлении.

Только какая ж мать поверит, скажи мне на милость, коли сыновней рукой выведено: всё у меня хорошо, мама?.. И такой весёлый!.. Вить без него мне, словно небо без Бога.

До перехвата дыхания стало мне жаль засиротевшую тётку Серафиму. Позже, признаюсь как на духу, не без душевного трепета, навела я справки. То Кунарское наступление 29 февраля – 12 марта – рейд батальонов Советской армии в провинции Кунар. В бою у кишлака Шигал 29 февраля в первом столкновении в истории Афганской войны подразделения ВДВ с моджахедами были убиты 37 наших ребят, 1 пропал без вести и 26 ранены.

И вот теперь думаю: правильно ли я поступила, что снова приехала в утеплённую верой избу, чтобы рассказать тётке Серафиме, – она ведь горе своё и без того пила глубоким ковшом, – ещё и о без вести пропавшем в том наступлении парне?

– Отец Небесный! Да это мой Митя! Мёртвым я его не видала! – снова осветилась, упрочилась надеждой измыканная, но так и не свыкшаяся с потерей мать, – третьево днись опять сон об нём был, вещует мне сердце: живой!

Проза

Олег Черницын

Олег Анатольевич Черницын – родился 18 августа 1956 года в городе Нижний Тагил Свердловской области. Служил в Советской армии. Окончил Уральский политехнический институт. Работал слесарем, учебным мастером, на руководящих должностях общественных организаций и производства. Служил в Органах внутренних дел. Лауреат премии «Национальный Олимп». Печатается в журналах: «Берега» и «Тобол», на порталах: «Православие.RU» и «Созвучие» (Литература и публицистика стран Содружества; Минск). Переводился на азербайджанский, английский и сербский языки. Победитель и дипломант ряда региональных литературных конкурсов РФ и ближнего зарубежья. Третье место в литературном конкурсе ОЕВФ «Open Eurasian – 2016» (Лондон). Финалист конкурса сказок Литературного института имени А. М. Горького в 2020 году. В этом же году издана его книга сказок. Живёт в Екатеринбурге.

ЛЁШКИНА ЗАВАЛИНКА

Рассказ

Ножичек у Лёшки был знатный: карманный, с витиеватой эмблемой на красной рукоятке. И чего в нём только не было: несколько разных по величине лезвий, отвёртка, шило, пила и даже маленькие плоскогубцы. Сельские мальчишки за него любой обмен предлагали. Соседский Васёк – удочку, Андрюшка с лесопилки – фонарик, Костик с Проезжей улицы – щенка. Но не менялся Алёшка, нельзя было меняться. Ножик тот был подарен ему в день рождения – на восьмилетие – его старшим братом Павлом. Да и вещь ценная, нужная в хозяйстве. Но если кому из друзей нужно было в велосипеде цепь подтянуть или из дощечки что выстрогать – то это мигом к Алёшке. А он и не отказывал – сам сколько им всего наработал. Бабушке черенки для лопаты и граблей обстрогал. Себе лук со стрелами и сабельку сладил.

Вот и сейчас сидел он на завалинке дома и строгал ивовый прутик. Работа не ладилась. Лезвие ножики затупилось и скользило по коре. Лёшка сердито сопел. Непослушный вихор выгоревших за лето волос стоял торчком.

– Ба! А, ба! Где у нас точильный камешек?

Бабушка Аня хозяйничала в огороде и не сразу услышала внука. Дел в конце августа полно, а огород – он кормилец. Так во все времена на селе было. Что-то себе про запас, что-то на продажу. Вдовствовала она давно, так что привыкла управляться сама. Лёшка, конечно, помогал как мог, несмотря на своё малолетство и врождённую хромоту.

– В сенцах лежит! Ты у нас хозяин или я? Сиди, сейчас принесу. Как раз в дом собиралась – пить хочу.

Плотная, широкой кости, в ярком спортивном костюме (тоже подарок Павла) и бейсболке козырьком на затылок она больше походила на туристку из города или тренера. Если бы не перетянутая шалью поясница – радикулит! – и галоши на толстые вязаные носки.

– Сабельку мастеришь? Уже, наверное, всех друзей одарил? – Бабушка передала внуку обломок от точильного камня, не преминув поцеловать его в темечко и пригладив непослушный вихор. – А что злой такой?

– Опять Пират напал! Вот слажу прутик – пусть только ещё попробует!

Пират – белый, нагулянный за лето гусак – щипал траву у забора. Услышав неладное для себя, насторожился, хитро скосил на мальчика голубой глаз.

– Да что же вас мир не берёт! Подружиться никак не можете! Ах ты, агрессор! Вот уж точно пират! – баба Аня окрикнула гуся и притопнула на него ногой.

Гусь-хулиган ответил своей хозяйке надменным взглядом, развернулся к ней хвостом и продолжил своё пропитание.

– Видишь, наглый какой! Так он и на тебя скоро кидаться начнёт!

– Не начнёт. А начнёт или ещё раз на тебя нападёт, так я быстро его в печь да с яблоками! – не то всерьёз, не то в шутку определила бабушка.

Она ещё раз безуспешно пригласила вихор внука:

– Недавно тебя подстригала, а он опять у тебя вон как вырос! Поливаешь его, что ли?

Подстригала баба Аня внука сама. По холоду в доме, по теплу на той же завалинке. И всегда, когда дело доходило до его упрямо торчащего вихра, приговаривала, смеясь: «Вот помру или женишься когда, кто тебя стричь-то будет?» Жениться Лёшка не собирался вовсе. Бабушку любил больше всех на свете и по своей детской наивности полагал, что так и будет жить с ней: долго-предолго, всю жизнь. «А я на тебе женюсь!» – ворчал он, укутанный простынёй, как в взаправдашней парикмахерской.

Однажды ночью Лёшке не спалось. Лежал, ворочался с боку на бок. Думал о своём житье-бытье. Как школу закончит. В институт поступит. На кого будет учиться – не решил ещё, но когда окончит его, обязательно останется здесь, в родном селе, чтобы жить с бабушкой и помогать ей. И вдруг представил, что бабушка когда-нибудь умрёт. И её не станет совсем... Лёшка заплакал. Сначала тихо. Затем зарыдал. Громко, во весь голос, не таясь.

Баба Аня подбежала к нему, обняла, прижала к себе. Лёшка не рассказал ей ничего, и всё сошло за приснившийся страшный сон. Бабушка ещё долго сидела рядом, успокаивая и целуя внука, а он скулил, как щенок, уткнувшись ей в грудь, пока не уснул...

– Пойду в дом. Притомилась. Со двора не уходи – скоро обедать позову.

Внук остался один на один с хлопотавшим о своём гусем, не подозревавшим о подготовленной ему горькой участи. Как бы там ни было, но Лёшка никак не хотел причинить вред своему обидчику, пусть даже такому зловредному:

– Смотри, Пират, последний раз прощаю! – для пущей солидности строго предупредил он гусака и сломал вичку.

* * *

Лёшка любил эту завалинку. Когда погóдило и выдавалось время, они с бабушкой подолгу сидели здесь. Говорили о разном, а то и просто молчали, думая каждый о своём, любовались закатом. Было хорошо вдвоём в эти минуты: спокойно и радостно.

Их старенький дом замыкал улицу и своей тыльной стеной выходил к косогору. Ниже косогора, как на ладошке, расстилалось дикое поле: широкое, дремлющее. Но стоило завернуть сюда шальному ветру, поле пробуждалось, дышало полной грудью.

Ближе к дальнему краю поля обжились две берёзовые рощи. Будто девушки-невесты в белых сарафанах вышли из леса, встали в круг и водят хороводы – кто веселей да звонче? За полем мелким подлеском начинались владения тайги, раскинувшейся до самого горизонта.

– Мы, Лёша, с тобой как в кино, в первом ряду, – шутила баба Аня, сидя рядом с внуком и обнимая его.

Село оставалось где-то за их спинами. И было ли оно вообще? Правление, опустевшая на лето школа, давно требующий ремонта клуб, магазин, где односельчане заодно обсуждали местные, но больше государственные проблемы. Всё это каким-то волшебным образом уступало место другому миру. Миру, который открывался с его – Лёшкиной – завалинки. Светлый. Зовущий. Понятный детской чистой душе. Лёшка дорожил этим миром. Поэтому делился им только с самыми близкими ему людьми – бабушкой и братом. Здесь, на его завалинке, нашлось бы место и маме. И ещё одной девочке из его класса...

Даже зимой, когда снега наметало по окнам, Лёшка расчищал проход к любимой завалинке. Проведывал. Посидит, пока мороз терпит, тёплые времена вспомнит. От дома и до самой тайги простиралась снежная гладь. С мудрёным узором, нанесённым позёмкой. «Словно бабушкин оренбургский платок», – любовался зимней картиной Лёшка. В солнечную погоду снег блистал серебром, искрился – не наглядись. Смотришь до боли в глазах, до слепоты. Другое – в непогоду, метель. Когда даже рядом с домом, ощущая спиной его бревенчатую стену, было жутко представить себя там, в поле, где полная вольница для бьющего наповал ветра, забивающего глаза и рот сухим жёстким снегом. Утомившись, вьюга затихала на секунду-другую, чтобы с новой силой продолжить свой разгул, и тогда, мельком, открывалась тёмная полоска тайги – нахмуренной, чужой. Но более всего Лёшке было по душе нарядное полотно поздней, золотой осени с её буйным, торжественным разноцветьем. Тайгу будто укрывали огромным одеялом, сшитым из множества пёстрых ярких лоскутков. Похожее одеяло баба Аня сшила специально для внука, и оно грело и радовало Лёшку с осени до весны.

* * *

Отца Лёшка не помнил. Говорили, утонул на рыбалке. Весна в тот год задалась ранней, дружной, лёд на реке подтаял. Был бы трезвый – выбрался, а по пьяному делу запаниковал. В тот же год старший брат Павел перебрался в город – поступил в институт учиться на тренера. А как вдвоём с матерью остались, запила она. Хозяйство забросила, с работы выгнали. Потом сошлась с таким же пропойцей, и пили они вместе. Скандалили. Дрались. И всё на глазах Алексея. Вот баба Аня и забрала внука к себе. Мать в воспитании сына не участвовала, не помогала совсем. Заходить, конечно, заходила. Пьяная. Некрасивая. Бывало с бутылкой. Придёт, расплатится. Деньги взаймы клянчила. А то и уснёт – за столом тут же. Лёшка поначалу жалел её. Просил, чтобы не пила. А потом стал закрываться в другой комнате или вообще убежал на улицу. Давно не была у них, не заходила: баба Аня запретила приходить пьяной, а трезвой та, видимо, уже и не бывала.

Отсюда у Лёшки и ненависть к спиртному. Поклялся он как-то бабушке после очередного визита матери: вырастит – хмельного в рот не возьмёт! А ещё соберёт всю водку да вино, сядет на трактор – а лучше на танк! – и раздавит всю эту гадость. Чтобы другие матери не пили и со своими детьми были.

Вот и стала баба Аня для Лёшки и за отца, и за мать. И за хорошего друга. Одеть, обусть, накормить. А то ещё, Бог даст, в люди вывести, женить. Учила, чему могла. Сама в огород и внука за собой, объясняла, что к чему. Пошла в лес, и он потихоньку за ней, внимательно слушает рассказы о тайге, её обитателях. Тоже баню истопить, блины испечь. Даже носки вязать научила. Правда, пока пяточка Лёшке никак не давалась. Баба Аня успокаивала внука – трудись и всё тогда одолеешь: «Усердная мышь и стену прогрызёт!» По хозяйству тот помогал с охотой. Доска у забора отошла – приколотит. Промажет, мимо гвоздя по пальцу молотком ударит, но терпит, вида не покажет, что больно. Двор от снега расчистить, картошку окучить, капусту полить – всегда поможет без просьбы. Хвалит его бабушка: «Помощник ты мой дорогой! Мужичок-боровичок!» А малой доволен, ещё какую работу глазами ищет.

Хромота Лёшку не смущала – просто другого он и не знал. Мешала, конечно, но приноровился. От уроков физкультуры мог получить освобождение, однако решили с бабушкой посещать, выполнял, что мог. И с ребятами деревенскими водился: те на рыбалку, и он с ними; играть в футбол, и он тут же – судьёй, а то и вратарём. Выделяли его пацаны за эрудицию, с Лёшкой было интересно. Книжки интересные им пересказывал, с желанием делился всем, что знал сам.

Читать и писать обучала Лёшку бабушка. К школе готовила. Баба Аня – Анна Ивановна – до выхода на пенсию («пензию», как говорили многие в их деревне) учителем начальных классов работала. Так что это дело было ей привычное. Читала ему, когда сам не умел. Стихотворения наизусть учили, задачки решали. Что-то из книг своё было, какие-то в школьной библиотеке брала. Павла просила покупать в городе. Особо детские энциклопедии: про страны и города, географию, животных, космос. «Хорошему – я научу. Плохому – улица», – приговаривала Анна Ивановна.

Читать Лёшке нравилось. Опять же, при возможности, на своей любимой завалинке. Дома стены, а здесь – простор, глаз до горизонта всё видит. Можно представить себя капитаном белоснежного

океанского лайнера, идущего к неведомым землям, а то и мчащегося космического корабля! А под ним, на их зеленеющем поле, пирамида Хеопса, афинский Парфенон, римский Колизей. И бабушка. Маленькая-маленькая. С ноготок. Нет, бабушку он возьмёт с собой. Ведь не может же он оставить на Земле своего лучшего друга!

И брата не оставит. Правда, у него уже своя семья. Павел говорил, что скоро у них будет ребёнок – первенец, и он, Лёшка, станет дядей.

И ещё – одноклассницу Иринку...

* * *

Вот управится баба Аня со своими делами, подсядет к Лёшке на завалинку, приобнимет его и начнутся новые рассказы, увлекательные истории. Слушал её Лёшка затаив дыхание, прижавшись к её тёплому боку. Любил рассказы о родном северном крае. Засыпал вопросами. Почему здешнее лето короче, чем на юге? Почему рыба заходит в верховье их реки на нерест – специально, издалека, а потом погибает? Отчего ближе болото зовётся Никиткиным, а родник Татьяниным? Откуда прилетают к ним на гнездовье журавли?

К журавлям у Лёшки было отношение особенное. Ждал их прилёта, часто и подолгу всматриваясь в посветлевшее весеннее небо. А завидев, радостно кричал:

– Ура-а! Журы летят! Журы вернулись!

– Посланники Божьи летят. Весну на крыльях несут. Слава Богу, перезимовали, до весны дожили! – крестилась на птиц баба Аня. – Вновь оживёт страна Курляндия!

Так она называла поселения журавлей на моховых болотах, коих в здешних краях было в изобилии. «Курляндия» – так оно и пошло по деревне с её лёгкой руки.

Птицы отвечали громким курлыканием, пролетали кругом над селом и опускались в лес – на незапамятных лет облюбованные ими болота. Радостно становилось на сердце у Лёшки. Словно кто-то очень родной и близкий возвратился домой после долгой разлуки. Обустроив гнёзда, журавли вылетали из тайги, и Лёшка становился нечаянным свидетелем их житейских хлопот. Рассыпавшись по брошенному совхозному полю, что на отшибе у самого леса, искали палые зёрна, грелись на солнце, исполняли брачные танцы. Через месяц журавлиные пары обзаводились птенцами. Стая становилась подвижней, шумней, птиц в ней теперь было заметно больше. Затем начиналось самое интересное – птенцов учили летать. Поначалу они суетливо били неокрепшими крыльями, запинаясь при разбеге, падали, волновались. Вместе с ними волновался и Лёшка. Более сильные, оторвавшись от земли, тут же пугливо спускались под неодобрительные окрики родителей.

Окрепнув, молодые журавли уверенно взмывали в небо, наслаждались полётом, свободой парения. «Мне бы к ним! – думал Лёшка, с завистью глядя на счастливых птиц. – Может быть, и меня научили летать? Почему я не птица?..»

Когда Лёшке было ближе к семи годам, случилось следующее. Озадачился он вопросом: почему люди не летают? Упрямо озадачился, серьёзно. Уж очень ему хотелось с журавлями полетать. И ну выпрашивать у всех: в детском саду, у бабушки, знакомых. Вот кто-то из соседей и сболтнул со смешком, не подумав, мол, грехи у людей тяжёлые, не дают птицей летать. Запал мальчишке в голову ответ этот, и ну давай бабушку выпрашивать: что такое «грехи» и как от них избавиться? Прояснила она, как могла, этот вопрос, а он её в церковь тащит – от грехов освободиться. Шутки в сторону – настойчив был внук – привела его в храм. Исповедовал батюшка Лёшку, причастил Святых Господних Тайн. Доволен малый, аж светится! А потом... Спрыгнул с крыльца дома – не взлетел. «Видимо, высоты маловато – грехов-то больше нет!» – заключил маленький мечтатель и спрыгнул с крыши бани. Перелом ноги. Распекание от бабушки. Месяц гипса. Полный крах мечты...

* * *

Была у Лёшки ещё одна мечта. Сокровенная. Даже с бабушкой ею не делился. Училась в его классе девочка – Иринка Крючкова. Девочка как девочка. Только было в ней что-то особенное, единственное. И ресницы у неё были самые длинные и пушистые. И удивительные ямочки на щеках, которые озорно появлялись, когда она улыбалась. Задорный, чуть вздёрнутый носик. А ещё её

бант – как большая белая бабочка, которая выбрала Иринку, потому что она была самая красивая девочка в мире.

Ирина сидела впереди Лёшки, и бант постоянно отвлекал, беспокоил его. Какой же он был назойливый – этот бант! Не один раз Алексей приказывал себе не смотреть на него, но никак не мог справиться с собой.

Очень хотелось Лёшке подружиться с Иринкой. Но она не обращала на него никакого внимания, впрочем, так же как и на остальных мальчиков. При встрече с ней Лёшка смущался, опускал глаза. Наверное, даже краснел.

– А Лексей в Ирку втюрился! Жених хромой, подавился колбасой! – дразнился на Алексея одноклассник Кирилл Блохин. Двоечник и хулиганистый мальчишка с веснушчатым невыразительным лицом, оттопыренными ушами и бегающими глазками. Блоха, как прозвали его деревенские пацаны. Родители Кирилла были признанными алкоголиками, и жил он сам по себе. Одинокий и колючий, как репей. Наша будущая головная боль, как в шутку (а может, всерьёз?) говорили о нём учителя. Не было перемены, чтобы он не подставил кому-нибудь подножку, не дёрнул за косу, не развязал бант или не исполнил какую другую гадость.

Лёшка старался не замечать выходки Блохина. Знал его пакостливый характер и грубостью на грубость не отвечал. Даже жалел Кирилла, что у него нет такой бабушки, как у него.

Как-то, на перемене, выбрав момент, чтобы Иринка была в классе, Кирилл вновь прокричал свою дразнилку и попытался толкнуть Алексея. Но тут же оказался на полу с завёрнутой за спину рукой. Ошарашенный. Жалкий. Только и успел, что ойкнуть. Пригодился Лёшке один из приёмов японского айкидо, показанных братом. Класс замер в ожидании развязки. А она оказалась неожиданной. Лёшка помог Кириллу встать, отряхнул его. Тот же, бледный, с дрожащими губами, попытался сказать что-то, но не смог. Так, заикаясь, и выбежал в коридор. Лёша молча сел на своё место, мельком заметив удивительные ямочки, вдруг появившиеся на Иринкиных щеках...

Однажды Иринка даже приснилась ему. Они шли по бескрайнему ромашковому полю. Цветы расступались перед ними, приветствуя поклоном. Шли молча. Лишь иногда смотрели друг на друга и улыбались. Лёшка сорвал для Ирины цветок, который тут же превратился в бабочку. Бабочка села на голову девочки, и уже не бабочка она вовсе, а шёлковый белоснежный бант. Ветер поднял ребят над полем, понёс выше и выше, к самому солнцу. Иринка испугалась, закрыла глаза. Лёшка взял её руку в свою – ведь мальчику не к лицу трусить! Солнце ослепило, обдало жаром. И не солнце оно уже, а огромная ромашка. Вот и грациозные журавли, дружелюбно принявшие детей в свою стаю. Их крепкие крылья резко опускались вниз и плавно поднимались вверх. Лёшка и Иринка, счастливые, парили, как птицы, – они и были птицами...

А внизу словно плыли разноцветные квадраты крыш, утопающие в зелени цветущих садов. Так это же их село! Какое оно стало красивое! На улицах празднично одетые люди. Все радостно смотрят в небо, на Лёшку и Иринку, на журавлей. Машут им и что-то кричат, что – не слышно из-за слепящего медью школьного духового оркестра, но что-то непременно хорошее и доброе. А вон и Лёшкина мама. Трезвая. Красивая. Одной рукой машет им, второй приобнимает стоящего впереди неё какого-то мальчика. Так это же Блоха! Кирилл Блохин! Он тоже машет им, и Лёшка машет ему в ответ...

На лето Иринку отправляли на юг, в Крым, к родственникам. Лёшка скучал по ней. Вспоминал её лицо, голос, смех. Ещё теплоту её ладони, мягкой и немного влажной, когда она подошла к нему и поздравила с успешным окончанием учебного года: в классе было два отличника – Ирина и Лёша. А как-то, замечтавшись, вырезал на заваulinке своим знаменитым ножиком её имя. Но, спохватившись, что *это* увидит бабушка, затёр его...

* * *

– Бабушка! Бабушка! Журы полетели!

Лёшка вскочил на ноги, вытянулся струной, всматриваясь в сторону леса. Там, на окраине поля, сбивались в стаю журавли. С разбега легко отрывались от земли. Серым живым облаком кружились над полем, выстраивались клином – каждая птица заведомо знала своё место и без суеты занимала его. А высоко в небе уже летели другие стаи, зазывая сородичей в дальний путь.

– Сейчас и наши поднимутся! – Бабушка выскочила из дома, на бегу надевая куртку. Сколько за свою жизнь проводила таких караванов, а всё как в первый раз, как в далёком детстве. Только вот на душе стало тревожней и сердце щемит...

«Кууур... Кууур...» – протяжно и печально прощались птицы с родными насиженными местами, с оставшимися внизу провожавшими их людьми.

– С утра полетели, на день. А ну, Лёшик, посчитай, сколько наших журок в клине? У тебя-то глаза поострей моих будут, – попросила бабушка внука.

Лёшка озадачился серьёзностью задания. Для верности счёта прищурился и даже взобрался на завалинку:

– Один, два, три... – старательно считал он птиц, направив в сторону стаи указательный палец, боясь сбиться со счёта.

– ...шестьдесят один, шестьдесят два, шестьдесят три. Шестьдесят три журавля! – громко отпортовал Алексей.

Баба Аня вопросительно посмотрела на внука, словно сомневаясь в его подсчёте:

– Надо же... Сколько и мне...

Женщина прижала мальчика к себе, поцеловала в макушку включенной головы:

– Выходит, не журавли это летят, а годочки мои. Один к одному... Так и пусть летят. Значит движемся, живём значит. Колесом дорога! Возвращайтесь!

– Колесом дорога! Возвращайтесь! – вторил ей Лёшка и махал вслед птицам.

Так и стояли они – долго, обнявшись, два самых близких человека на планете Земля, пока звонкий клин не растаял в чистой утренней синеве...

Проза

Вера Скоробогатова

Вера Александровна Скоробогатова – петербурженка, прозаик и поэт, автор шести книг и множества публикаций в изданиях России и Латвии. Историк-музеевед, музеефикатор (СПбГУКИ, 2007), гид-экскурсовод по Скандинавии, Европе и северо-западу России, в том числе была научным сотрудником Музея Арктики и Антарктики (СПб), экскурсоводом Музея артиллерии (СПб). С 2016 года – эксперт Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы (МАНЭБ), отдел «Чрезвычайные ситуации» (СПб). Выступала как литератор на радио в Санкт-Петербурге и Риге, на Книжных аллеях, в библиотеках и школах Санкт-Петербурга и Карелии. Участвовала с книгами художественной прозы в XX Международной (европейской) книжной выставке (Рига, 2017). Книги прозы: «Северные баллады» – повести, рассказы: сюжеты прошлых веков и современности, связанные с историей, природой, религией, политикой северо-запада России, Карелии и Финляндии (2013), «Выход из лабиринта» (2015), роман «На пути в Иерусалим» – реализм, психология, путешествия (2020).

СТУДЁНОЕ МОРЕ

(Отрывок из повести «Скала»)

В ту пору я оканчивала петербургский университет. Подруги мечтали о тёплых морях и южном солнце, а я бредила музееведением, арктическими путешествиями и писала диплом о полярных национальных парках.

«История освоения арктических территорий берёт начало в IX веке, когда новгородцы начали движение на север, в сторону “Студёного моря”, – задумчиво набирала я на компьютере. – Русские полярные мореплаватели первыми ходили в северных морях: Карском, Лаптевых, Восточно-Сибирском и Чукотском, проникли в Арктический бассейн. Благодаря им человечество узнало о существовании Шпицбергена, Новой Земли, Северной Земли и Новосибирских островов, Чукотки и Камчатки. Именно россияне доказали, что Азия и Америка разделены проливом, именно они обжидали Аляску – в интересах Российского государства. Имена Семёна Дежнёва, Витуса Беринга, Георгия Седова, Бориса Вельицкого, Александра Колчака, адмирала Макарова были известны далеко за пределами нашей страны...»

Арктика манила меня, словно подростка тридцатых годов. Я мечтала увидеть своими глазами гигантские голубые льдины, способные давить своей мощью корабли. Хотела посетить места зимовок знаменитых исследователей и понять, что гнало их на изучение губительных просторов. Что заставляло, замерзая, голодая, боля цингой, подвергая себя смертельной опасности, двигаться вперёд. Думала найти ответ на вопрос: было это азартом, непобедимой жадной первооткрывательства или эгоистическим капризом, желанием во что бы то ни стало исполнить свою прихоть – даже ценой благополучия семьи и собственной жизни? Было это побегом от себя или дикой любовью к низкому звёздному небу, затмевавшей любовь к женщинам, которые провожали корабли с предчувствием вечной разлуки и нищеты?

Оставляя семьи без гроша, упрямы снаряжали экспедиции на собственные жалкие средства и двигались к северу. Неуклонно и с чувством собственной правоты... Быть может, странники заблевали психически, а может – узнавали нечто притягательно-волшебное, без чего не было смысла жить, и стремились всё дальше в Арктику, к сказочной – нулевой – точке планеты, где встречаются Полярная звезда и Большая Медведица.

Они не открыли мотивы своих поступков, не описали дорожные впечатления. Не сообщили, оправдались ли их ожидания. Каждый оставлял в дневниках лишь сухие факты. Быть может, тяготы пути вытесняли романтику, и полярники, чувствуя близость смерти, стыдились признаться в разочарованиях и собственной глупости?

Подобно капитанам минувших веков, я упрямо стремилась в ледяную страну и обивала пороги начальников арктических экспедиций. Но полярники лишь беззлобно шутили надо мной: куда собралась избалованная барышня от свежих овощей и фруктов и что она будет делать на льдине со своими длинными волосами? Однако я не сдавалась. Сознала свою непригодность для полярного будущего, но, чувствуя хаотическое течение жизни, ничего для себя не исключала.

Полярные исследователи дорого платили за свои открытия. Вся история изучения Арктики и Антарктики – это история титанических усилий, страданий и, порой, гибели людей, которые подчинялись не столько приказу, сколько чему-то иному, более важному и существенному, таящемуся в глубинах души.

В советское время, благодаря воспитанию, дети часто мечтали о полюсах. Однако и в наши дни полярная романтика не иссякла. Юношей привлекают опасности и трудности, преодолеваемые мореплавателями. Но для чего это понадобилось мне, девушке?

Несмотря на необъяснимость поступков легендарных полярников, я восхищалась героями прошлого и мечтала встретить подобных мужчин в реальности. Обладая жилкой исследователя и неиссякаемым любопытством, пыталась понять, как зарождался героический дух, что именно двигало упрямыми храбрецами. Я жаждала увидеть своими глазами полярную бытность и убедиться, что фантазия меня не обманывает.

Большинство мечтателей выбирают иные, не связанные с морем профессии, но до конца жизни любят книги о странствиях. Те же, у кого появляется шанс повторить пути героев в реальности и без риска для жизни, стремятся его использовать. После защиты диплома свой шанс отыскала и я.

Недалеко от моего дома находился грузовой порт. За заросшими пустырями высились разноцветные краны. На закрытой территории проводилось таможенное оформление грузов, перевозимых балкерами на дальние расстояния. Многие суда шли через Арктику.

Я начала узнавать подробности работы порта. Отыскала, куда обратиться насчёт морской работы, и решила попробовать пройти медкомиссию. После долгой беготни по кабинетам и разговоров с капитанами мне повезло.

Во всём мире женщин-морячек существовало немало. Американки занимались медициной и связью, француженки – информатикой и финансами, итальянки становились психологами. Для меня таких перспектив не предусматривалось, и я готова была стать морской стюардессой, по совместительству – помощницей повара. Как историка, современность интересовала меня во всех проявлениях.

Откровения окружающих о трудностях навигации лишь усилили моё рвение к плаваниям. После долгих споров, слёз, нудных оформлений, курсов безопасности на водах и курсов морских стюардов я оказалась на корабле – единственной женщиной в экипаже, который поначалу принял меня скептически.

Морская бытность началась совсем не радужно. Я быстро поняла, почему знакомые и незнакомые люди, узнав о моём поступке, недоуменно вопрошали: «Зачем? Неужели ради денег?» Упрямец, я прочувствовала, что означают на практике отсутствие условий для службы дам и повышенные трудности, которыми пугали меня коллеги перед выходом в море.

Я попала в царство мрака и нескончаемого ледяного ветра, дикой качки, силу и коварство которой раньше не представляла, непривычной и тяжёлой дисциплины, грубой реальности, которой не знала на берегу. Стремясь к романтике, я получила вместо неё монотонную работу в тяжёлых условиях. Так рыбка, глотая наживку, сама нанизывает себя на крючок.

Не каждый человек выдержит долгие месяцы пребывания в атмосфере тесного пространства, ограниченного бортами судна. Водные просторы становятся серьёзным испытанием на физическую и психологическую прочность. У новичка через невыносимую, кажется, усталость, страхи, боль, раздражение перековываются характер, мироощущение и даже мировоззрение. Очень быстро я стала скрытной, собранной, строгой. В то же время – более внимательной и отзывчивой.

Корабль жил своей жизнью: погрузки, разгрузки, борьба со стихией, устранение неполадок. Каждый член экипажа ответственно выполнял конкретные задачи, был необходимой частью огромного слаженного механизма. И я на своём скромном месте старалась не подкачать: без жалоб мыла и нарезала продукты, убиралась, накрывала столы. Не об этом мечтают девушки, считающие себя принцессами, но я воспринимала работу как роль, как единственный способ добиться желаемого – и была за неё благодарна: «Принцесса может делать что угодно ради того, чтобы её жизнь не промелькнула зря».

Ни разу не возникало сомнений, зачем я училась музееведению: чем больше учишься, тем шире твой горизонт, тем осмысленнее взгляд на действительность, интереснее мысли. «Напротив, чем меньше знаешь о мире, тем меньше смысла видеть его просторы, – полагала я. – Лишь движение вперёд и вверх даёт смысл жизни».

Море налагает на людей особые узы. Они проявились в нашей команде лишь после нескольких месяцев разлуки с землёй, помогая терпимо относиться к недостаткам и убеждениям каждого, беречь друг друга. Они поддерживают дружбу спустя много лет.

Впрочем, не только дружбу. Засыпая, я вспоминала, как зародились чувства к тому, в присутствии кого горели румянцем щёки. С кем я ещё старалась не разговаривать, в чью сторону силилась не глядеть.

Серьёзный, но ничем, казалось, не примечательный парень в тёмно-синей куртке, с короткой стрижкой, механик, облокотился о борт корабля. Он смотрел в сторону замёрзшего моря, где, пробивая себе дорогу, шёл красный ледокол...

«Будущий муж, отец моего ребёнка. Герой, которого я ждала... Но любовь начнётся потом. Сейчас он просто работает рядом. Только картинка... Лучший из моих снов...»

Чем ближе мы подходили к Шпицбергену, тем яростнее и неуёмнее стихия проявляла власть. Вокруг, с бешенством вырываясь из-под льда, грохотали огромные хищные волны. Наше громоздкое, неповоротливое судно, подобно маленькой щепке, плавно, но стремительно уходило в разверзшуюся бездну, затем бесконечно взмывало в тёмные, натужно воюющие небеса. Всякий раз я думала, что пробил последний час, вместе с тем замороженно вглядывалась в зыбкую даль и не жалела о своём предприятии: «Быть здесь – всё равно, что полететь в космос».

«Принцесса, не бойся: корабль крепок и исправен. Болтанка – обычное дело», – заметив мой испуг, успокоил Алёша. Я верила своему герою, хотя уже была наслышана от остальных механиков о превратностях ремонта старого судна.

То боковая качка встряхивала балкер, будто пустой мешок, пытаюсь уложить на левый или правый борт, то коварная диагональная. Даже бывалых моряков укачало, болела голова, и повсюду стоял запах эфирного масла полыни, отгоняющий неодолимую тошноту.

Мне уже казалось, что сумрачный путь не кончится никогда. Однако в назначенный день наш корабль, встреченный разноцветными сигнальными огнями, подошёл к занесённому снегом архипелагу Свальбард. «Святые русские острова» – так значился он в XVI веке на русских картах. «Святые» – потому что отшельнические, очищающие белизной и аскетизмом душу от суеты, а тело – холодом от страстей... «Впрочем, не страсти ли делают нас живыми? – внезапно пришло мне в голову. – За что ни возьмись, всё граничит с какой-то страстью, даже моё былое стремление в Арктику. Нет страстей – нет сильных впечатлений. Так ли уж нужно от них избавляться? Придёт время, они исчезнут сами собой. На то мы – люди... На то жизнь земная и жизнь небесная...»

Да, под кожу будто бы проникало ледяное, мертвящее дыхание Арктики. Но я испытывала лишь детский восторг первопроходца или гордой участницы полярной экспедиции, с нетерпением ожидая своего выхода на берег. Торопливые мысли сбивали одна другую.

Я с интересом глядела за борт. Кончалась полярная ночь, и к кораблю по-хозяйски, вразвалку, с лёгким рыком пожаловали белые медведи. Свирепые, лохматые, вызывающие глубинный страх... Я уже знала: на островах они охотятся на тюленей, но не брезгают и людьми. А сейчас требуют у моряков угощение, словно дань за прибытие в порт.

Едва касаясь, Алексей вложил мне в ладони синие банки сгущёнки: «Бросай!»

Мы со смехом кидали железные банки на льдины, а медведи ловили их на лету, рыча и прокусывая. Выпивали, брызгаясь, молоко и выплевывали жёваное железо.

В ближайшие сутки мы должны были загрузиться углём и следовать в Англию.

На время погрузочных работ часть команды получила свободное время, и я вместе с Алексеем и несколькими товарищами впервые ступила на русско-норвежский остров Шпицберген.

Здесь не было деревьев и мела метель, нервными позёмками вился колючий снег. Ветер дул с берега в море. На склоне сопки в свете фонарей виднелся памятник советского периода – со звездой и лозунгом «Миру – мир!». Дальше смутно угадывались занесённые снегом свалки.

Одетая в две тёплые красные куртки и чувствуя себя неуклюже, я вдыхала искрящийся воздух зимней Арктики. Казалось, что смерзается носоглотка. Жестокий мороз подбирался к телу сквозь толщу одежды.

До полюса оставалась жалкая тысяча километров, и моей радости не было предела. Уже не в воображении, а рука об руку с живым любимым героем я шагала по следам легендарных полярников. Крылья сбывшейся мечты несли меня над заснеженной дорогой, более похожей на тропу! Однако чуда, о котором я когда-то фантазировала, не произошло: я не чувствовала дикой тяги к открытиям. И не смогла понять, что так неодолимо влекло сюда первопроходцев: ледяная романтика не показалась удовольствием, стоящим жизни. Даже бескрайнего простора не ощущалось. Напротив, тёмное безжизненное пространство воспринималось низким, как деревенский погреб, и замкнутым.

Для открытий требовался особенный азарт! У меня он не появился. И даже былой, наивный студенческий, вовсе исчез. Национальные парки, заповедники, птичьи заказники оказались недоступны из-за снежных заносов. Попытаюсь ли я повторить свой тяжкий путь во время полярного дня? Что ж, увидим...

Со стороны жилых домов донёсся голос радиодиктора: «Если вы плохо стреляете, не покидайте пределов города». Трудно было поверить, что жители передвигаются здесь только группами, и спасатели выдают им карабины с боевыми патронами.

«Русский город, по улицам которого бродят медведи, существует не только в представлении иностранцев, – веселились тем временем бывалые спутники. – Это город, названный Баренцбургом».

«Раньше здесь жили поморы, – хмуро ответила я. – Почему же весь мир полагает, будто Свальбард открыт голландцем Баренцем?»

«А почему мы не брали в расчёт аборигенов, обживая Аляску? Почему не считались с финскими племенами? Потому что те ещё не интересовались своей государственностью и вели себя как тюлени».

В Баренцбурге не осталось коренных жителей – только вахтовики, русские и украинские шахтёры, скучавшие по растениям и ярким краскам. Они сооружали на улицах металлические и деревянные подсолнухи, ярко раскрашивали низенькие дома. На стене одного из зданий красовался лист фанеры с начертанными алой краской словами: «С днём рождения, любимая!»

О довоенных обитателях острова напоминали остатки печей для плавления китового жира – следы некогда процветавшего китобойного промысла. Позднее, во времена холодной войны, Баренцбург был важной стратегической точкой. Потому несколько любопытных иностранцев сейчас растерянно озирались на улице, как в музее, фотографировали остатки советской бытности и рыхлые многослойные скалы. Они всё ещё надеялись найти здесь нечто секретное, интригующее.

Кафе «78-я параллель», излюбленное моими спутниками, в этот раз оказалось закрытым, но им хотелось пировать на древней земле, словно викингам. Открытым оставался ресторан «Нансен» в центре норвежской округи – городке Лонгийербюене, в пятидесяти пяти километрах от Баренцбурга.

«Там работают научные станции, – вспомнила я. – В старой шахте, на случай природных катастроф, создан международный банк семян».

Серые глаза Алёши сияли. Счастливый, он отвечал, не отрывая от меня взгляда: «Хранилище Судного дня. Семена всех растений Земли».

В Лонгиер, как его называют островитяне, время от времени ходил городской автобус, но моряки ждать не стали, наняв собачью упряжку с вооружённым проводником. Шесть голубоглазых собак залились приветственным лаем, когда мы направились к нартам, и мы пожали их лапы, потрепали

жесткую шерсть. Так перед поездкой между людьми и животными зарождается инстинктивный контакт, возникают чувства уважения и доверия.

Когда сани понеслись, казалось – полетели, словно пёрышко, по свежему искрящемуся снегу, я возблагодарила Бога за то, что позволил родиться на свет. Скорость, лёгкий шорох полозьев, перехватывающий дыхание морозный воздух, плечо Алексея под укрывавшей нас двоих толстой шкурой вызвали невыразимый восторг. Неожиданно случилось иное чудо, не то, которое я ждала. Нашёлся не тот ответ, который искала. Чудилось, мы летим по небу – навстречу огромным звёздам, сквозь ледяную пустыню. Этот полёт напоминал нашу любовь – стремительную, несомненную, захватывающую без остатка душу и тело. Мы будто бы стали единой звездой, сильным светилом...

В ресторане играли свадьбу чернявый проходчик и юная повариха. В светло-русые волосы невесты были вплетены шёлковые цветы, а вместо платья белела искусственная шубка. Счастливая, я подумала: «Это – знак...»

Вскоре снова моргали сигнальные огни порта, и наш нагруженный балкер медленно отползал в открытое море. Навстречу ему из Тромсе двигалось норвежское судно.

Я пытливо глядела на своих моряков: каждый был уверен в себе и твёрд – настолько, что даже в грязной рабочей одежде оставался величественным. Если нежданно пришёл бы последний час, каждый мог бы гордо воскликнуть: «Я жил!»

Им не нужно, как далёким предшественникам, исследовать Севморпуть, но мир никогда не сможет обойтись без морских перевозок. Они работают, сознавая и спокойно принимая опасности. Помня о погибших в наши дни кораблях, о не освещённых СМИ морских катастрофах, они всякий раз идут в море с поглощающим вдохновением, – готовые не вернуться. И возвращаются!

Море влечёт человека: как бы ни были грозны шторма, они привлекают и окрыляют. Так было и будет всегда. Морской простор умудряет душу и освобождает от всего наносного. Грохочущие водяные валы, покрывающиеся клокочущей пеной, продолжают побуждать к дерзновению...

Я вышла замуж за моряка, которым до сих пор восхищаюсь. Знала: Алексей – единственный, кому смогу быть настоящей верной женой. С ним я узнала, что любовь действительно существует, что она – не порождение моей фантазии, как заснеженная палатка на Северном полюсе...

Подобно жёнам легендарных полярников, я стала той, чья жизнь – ожидание и тревоги. Попала в круговорот расставаний, встреч, привыканий и новых разлук. «Но своего человека не выбирают, а просто однажды встречаются, – отвечала я любопытным. – Лишь с ним получается быть счастливой».

Поэзия

Владимир Тыцких

Владимир Михайлович Тыцких – родился в 1949 году на Рудном Алтае (г. Лениногорск, ныне Риддер). Жил, учился, служил в Казахстане (Усть-Каменогорское медицинское училище), на Украине (Киевское высшее военно-морское политическое училище), в Латвии (Балтийский флот, эскадренный миноносец, политотдел бригады эсминцев, спасательное судно подводных лодок), на Дальнем Востоке России (матрос в части разведки, офицер на подводных лодках, в газете Тихоокеанского флота «Боевая вахта»). Руководил Приморской писательской организацией СП России, Студией писателей-маринистов и баталистов Тихоокеанского регионального управления Федеральной пограничной службы, департаментом информации и печати Морского государственного университета им. адмирала

Г. И. Невельского; преподавал в Дальневосточном государственном институте искусств. Автор сорока книг поэзии, прозы, публицистики, литературной критики. Лауреат двух десятков литературных премий и почётных званий, полученных в Москве, Владивостоке, Хабаровске, Нью-Йорке. Член Союза писателей СССР (России), Русского географического общества; заслуженный работник культуры РФ. Исполнительный директор Общества изучения Амурского края, помощник командующего Тихоокеанским флотом по работе с ветеранами. Живёт во Владивостоке.

ВЕЧНОЕ ВРЕМЯ

Где гусарская жжёнка и славный гвардейский крюшон,
Где ликуют полки, отшагав до победы полсвета?..
Вообще-то, мы ждали – так долго! – не всех, кто пришёл,
И до многих пришедших нам не было дел, вообще-то.

Кто их знает, весной ли, зимой – где-то там или там
Задержались родные, которых мы ждали так долго, –
Разошлись, растворились в степях, по горам и лесам,
Потерялись у Буга и Припяти, Дона и Волги.

Безоглядное время проходит, а память бежит,
Как вода – не удержишь! – сквозь ржавое драное сито.
Без креста и звезды где-то дед мой в окопе лежит,
Или – страшно сказать! – взятый в плен, помирает от пыток.

Может, это не плохо, что дед мой сейчас не придёт
И о том, что сегодня болтают о нём, не услышит,
И кина про войну не посмотрит, и книг не прочтёт,
Что спасённые им, словно бредя, снимают и пишут.

Только всё-таки временно время вранья и стыда,
Но нетленна душа моего не пришедшего деда,
И останется с нею и с нами – одно навсегда! –
Из прошедших времён только вечное время Победы

* * *

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт их враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

Василий Фёдоров

В сутеми смыслов и замети слов,
Словно слепцы, оглушённые вьюгой,
Разве не мы по смертельному кругу
Бродим сегодня, не слыша друг друга,
И запеваем с чужих голосов?

На перекрёстках путей и времён,
В гуле причалов и шуме перронов
Голос вокзалов, кают и вагонов
Впишем в холодную память айфонов,
Не сохранив адресов и имён.

В хитросплетеньях эпох роковых
Вряд ли случайное было случайным:
Неизлечимо, фатально, летально
Спутаны судьбы, и правды, и тайны –
Долго придётся распутывать их.

Всюду разлука, куда ни глядишь.
Ты не печалься до срока, родная.
Прежде, чем голос мой где-то растает,
Я бы хотел побывать на Алтае,
Но не поеду ни в Рим, ни в Париж.

В круговращенье безжалостных лет
Непродолжительно наше свиданье,
И, расставаясь, обняв на прощанье,
Я ничего не скажу в оправданье,
Зная, что мог бы услышать в ответ.

Я бы, признаюсь, остался – кричать:
Добрые люди, вам столько наврали!
Сами-то вы от вранья не устали?
Наши отцы про Берлин не мечтали,
А уходили Москву защищать!

В мире пластмассы и кибермашин,
В море разброда, раздора, разбоя
Нам ли смиряться с позорной судьбою
И отступать, отдавая без боя,
С наших, не сданных отцами, вершин!

* * *

На свете то, что не мгновенно,
То временно: всё – прах и тлен.
Одно от века неизменно –
Цепь непрерывных перемен,
И незаметно, постепенно
Ты подчиняешься вполне
Разнообразным переменам
В делах, в погоде и в стране.

И ты порой не очень свежим
Ветрам всё новых перемен,
Как ни крути, весьма привержен,
Как ни воюй, сдаёшься в плен,
Признав спасительной при этом
Мысль горькую, как соль во рту,
Что паруса мертвы без ветра,
Но часто рвутся на ветру.

И скоро, может быть, не скоро
Поймёшь – дела твои просты:
Ты гадом не был, не был вором,
Но и героем не был ты,
И не однажды вспомнишь горько,
Как много всякого стряслось,
Чего ты не хотел, но только
Оно с тебя и началось.

* * *

Снег падать спешит,
и пролиться торопится дождь.
А тангенс прямого угла
безнадёжно бесправен.
Так трудно смириться –
того, чего нет, не найдёшь,
того, что свершилось,
назад не вернёшь, не исправишь.

Когда бы всё было не так,
я бы не был в долгу
у свежих цветов,
что сорвать не успел для любимой,
ни разу не струсил,
руки не подал бы врагу,
но двери открыл бы для друга,
бредущего мимо.

Я мог бы признаться себе,
что, в моря уходя,
боялся не знать об измене
сильней, чем измены.

Я чаще глядел бы,
как звёзды на землю глядят,
и старые фото
повесил бы снова на стены.

Я жил бы, как жил,
и служил необъятной стране,
где мне никуда
от любви и надежды не деться,
и письма от деда,
который пропал на войне,
пришедшие с фронта,
сберёг бы у самого сердца.

Как был бы я счастлив увидеть:
забыв про меня,
забыв хоть на время
про потерь разных и дракул,
склонились над письмами деда
мои сыновья –
читают и плачут,
как я бы читал их и плакал.

* * *

Омское медлительное утро.
Зимний неуверенный рассвет.
За окошком холодно и смутно.
Нет в душе тепла и света нет.

Верить ли, что завтра воскресенье?
У кого спросить, по чьей вине
Нет у меня у Господа прощенья,
Нет у людей поруки мне?

Не Пегаса время оседлало,
Шпоры вмяв нечистому в бока,
То плетясь, то мчась через кварталы
Призрачной столицы Колчака.

И, пощады никакой не зная,
По сибирской стороне родной
За войной идёт война другая,
Чтоб забыться новою войной.

Я, попавший на рубеж передний,
Буду или нет виновен в том,
Что не все вернулись с предпоследней,
А с последней не придёт никто?..

Омск, прости! Я вовсе не об этом
Говорить с тобою был готов,
Едучи к моим друзьям-поэтам
С тихоокеанских берегов.

Там ещё тревожнее рассветы,
Даль туманней, ветер солоней...
Омичи, друзья мои поэты,
Дай вам Бог побольше светлых дней!

Дай нам всем Господь в местах заветных
Долго жить и верить, что Пегас
С поля брани часом предрассветным
Вынесет кого-нибудь из нас.

* * *

Спокойный сердца стук и ровное дыхание –
Не в тягость никому случайной встречи миг,
Открывший нам, что я успел забыть названья,
Но не успел прочесть твоих любимых книг.

Я имена цветов в саду твоём не знаю,
Хоть видел их не раз и запахи вдыхал,
Когда их согревал лукавый ветер мая,
Когда их дождь хлестал и холод обжигал.

Я думаю о них порой почти без грусти.
Уже давно гошу я не в твоём саду.
Меня к твоим цветам судьба уже не пустит
Ни в этом, ни в другом каком-нибудь году.

Теперь в душе моей живёт одно желанье:
Пускай твой сад цветёт и ждёт гостей иных,
Кому ниспослан дар запоминать названья
Твоих любимых книг и всех цветов твоих.

* * *

Я бы вырастил самую круглую тыкву,
Я бы выстроил самый бревенчатый дом,
Самый тонкий узор сочинил бы и выткал
И залил бурдюки самым крепким вином.

Только знаю давно, это сделают лучше
Мой сосед, что на даче всё лето корпел,
Старый плотник, мой давний случайный
попутчик,
Золотая швея и хмельной винодел.

Я о планах своих погрещу и забуду,
Загублю на корню голубую мечту.
Пусть друзья мои дальше творят своё чудо.
Я, храня их покой, постою на посту.

Я уйду в океан, и, разлук не ругая,
О родимой земле свою песню спою,
И, однажды вернувшись, моя дорогая,
Сам тебя повстречаю и сам полюблю.

* * *

Как они в твоём сердце болят,
Как прекрасны они и беспечны,
Это небо и эта земля,
Эта жизнь – этот бег бесконечный!

Ты за временем быстрым бежишь
И однажды, споткнувшись устало,
Всех оставших поймёшь и простишь,
Но не свяжешь концы и начала.

Только лёгкая тень вдалеке,
Только жар безнадёжной погони,
Только капля дождя на щеке,
Только след от неё на ладони.

Всё трудней на бегу вспоминать
Обещанья, свиданья, прощанья.
Не обнять, не вернуть, не догнать...
Встречный ветер сбивает дыханье.

Листопад, снегопад, звездопад...
Дни летят, словно стрелы из лука.
Как они в твоём сердце болят,
Ожиданье, любовь и разлука!..

Снова лёгкая тень вдалеке,
Снова жар безнадёжной погони –
Только капля дождя на щеке,
Только след от неё на ладони...

* * *

Всё правда. Нет, не здесь, не там, не где-то
Ютятся и хранятся тьма и свет.
Я полон этой тьмой и этим светом,
У них других пристанищ в мире нет.

Всё правда. До обидного неловок,
Меж ловких непростительно смешон,
Не раз от них, не говоря ни слова,
Я уходил, но так и не ушёл.

Нет никакой причины для сомнений:
Себе, по крайней мере, я не врал,
Когда пред вами преклонял колени,
И верил вам, и руки целовал.

Я понимаю всё и принимаю,
Когда бы только свет во тьме не гас,
Ведь правда в том ещё, что я не знаю,
Свет или тьма соединила нас.

* * *

За краем уснувшего леса,
За белой его тишиной,
В сугробы январские врезан,
Скрипит первопуток степной.

Задумчиво светлое утро.
Откуда-то издалека,
Холодным горя перламутром,
Недвижно летят облака.

Простор голубой серебрится,
И видно по свежим следам:
Вот здесь мышковала лисица,
Косые петляли вон там.

А дальше, в застывших извилах
Речных берегов и проток,
Порхал зимородок игриво,
Разбойно шнырял колонок.

А куст одинокой рябины
Обрызган остатком зари:
На ветках, устроившись чинно,
Краснеют вьюрки-снегири.

О Боже, как смертны и вечны
И снега примятого хруст,
И лес, и просёлок, и речка,
И тонкий рябиновый куст!

Не снится, а кажется – снится:
При свете, сошедшем с небес,
Не сказка, а звери да птицы,
Просёлок, и речка, и лес...

* * *

Спокойно над нами растут облака и деревья,
Тревожно под ними ревёт перекатом река,
А жизнь, как река, что местами бывает,
поверь мне,
Опасно мелка и порой чересчур глубока.

Она и дорога твоя, и в дороге преграда,
И путь, и соблазн будто нехотя сбиться с пути.
Но, что бы там ни было, плыть
по ней всё-таки надо
И где-то когда-нибудь надо её перейти.

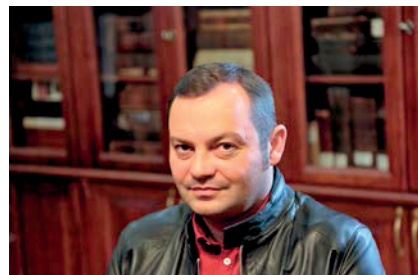
И как бы какие бы волны тебя ни качали,
За этой рекою, за тем неприметным холмом

Поэзия

Александр Орлов

Александр Владимирович Орлов – родился в 1975 году в Москве. Поэт, прозаик, историк. Окончил Московское медицинское училище № 1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает учителем истории, обществознания, основ философии и права в столичной школе № 1861. Автор пяти стихотворных книг и трёх книг малой прозы. Публиковался в широком круге изданий: «Бийский вестник», «День и ночь», «Дон», «Дружба народов», «Гостиный Двор», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Москва», «Наши современники», «Нижний Новгород», «Подъём», «Под часами», «Север», «Сибирь», «Сибирские огни», «Сура», «Юность» и др. Лауреат Всероссийских конкурсов имени А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2019). Обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза ИС РПЦ «Дорога к храму» (2017) Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь». Лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» ИС РПЦ (2018 и 2019). Живёт в Москве.

* * *

Скорее вспомни, скорее,
Где и кого оставил,
Не становись злее,
Не нарушай правил.

Нет на тебя управы –
Только лишь Бог и ветер –
Жизни пиши главы,
Мир ещё так светел.

Жизнь для тебя – книга,
Жизнь для тебя – слово,
Жизнь – это полмига,
С Крещения до Покрова.

* * *

Хранитель, объясни и напиши,
Мне не понять течение нашей жизни.
Мы гибнем в затяжной дороговизне,
Мы в пересудах только хороши,
Не думая о страстной укоризне.

Случалось, я бросал и предавал,
И путались у ног моих интриги,
Но не был я героем высшей лиги –
Я брал на миг недолгий интервал
И силы черпал из отцовской книги.

Я жизнью громкой пропитался вволю,
Я вдаль смотрю, ни капли не дрожа,
Сердито пью и, закусив с ножа,
Иду на свет по царственному полю,
И надо мной святые сторожа.

* * *

Какая в длинной жизни перспектива?
Сидеть в тепле, работать за столом
И размышлять отважно и пугливо,
Таращиться на капли за окном.

Всё рифмовать, и составлять конспекты,
И понимать, что жизнь – сплошной урок,
Взирать, как переулки и проспекты
Считают каждый сброшенный листок.

И ждать покорно ангельского сыска,
Пересчитав грехов своих тома,
В которых жизнь – дрожащая курсистка –
Причины горя прячет от ума.

Предвосхищать перерождение смысла,
Который не постигнуть мне никак,
И видеть, как звезда любви нависла
И свет читает полутьме кондак.

* * *

В беззвёздный час, когда неразбериха
За мной проворно ходит по пятам,
Хозяйка ночи, улыбнувшись тихо,
Глядит настырно из оконных рам –

В домашнее тепло вползает морок,
В нём люди обессиленные спят,
И только мягкий свет внутри лампад
Напоминает, кто мне в мире дорог.

И в этот миг из черноглазых ниш
Крадётся перебежками, но ловко
Кичливая, раскормленная мышшь
И бьёт по жизни серой мышеловка.

* * *

Денису Непомнящему

Былое, не оставив похвалы,
Уходит в безнадёжное далёко.
Мне на мгновенье стало одиноко,
И сквозь деревьев дымные стволы
Вселенское ласкало землю око,
И пахло смертью века от золы.

Я мир делил на сферы, полусферы,
И сердце, словно вечный духовник,
Развязывало дерзкий мой язык,
И я не понимал пределов меры,
Со мной скандалил ветер-временщик,
Крушивший парки, улицы и скверы...

И ливень бил по городу жестоко,
Навязывал в горячке полутьму,
Всё рассказать хотелось, но кому?
Воде, осевшей в недрах водостока?
Или, быть может, небу самому?
Мне вечер не оставил ни намёка.

И руку друга я при встрече жму...

КЛИКУНЫ

Зачем уносят счастье кликуны
В исчадие трагических промоин.
Как небо, я растроган и расстроен,
А в сердце дни тепла не спасены.
И с чувством подрастающей вины
Живу во сне, как неубитый воин.

Такой удел по мне, и что такого?
Я не считал свой временной запас,
На краткий миг даровано мне слово
В момент, когда томительно погас

Осенних ливней обнажённый час
И не осталось ничего живого.

Но прокричат, как трубы, кликуны,
Раскидывая надо мною крылья,
Что нет в ушедшей осени вины,
Что все мы будем скоро спасены
От жёлтых снов и алого бессилья
В святых отрогах горней стороны.

* * *

Столетье платежей и ипотек –
И кажется, что будет только хуже, –
Но так же на асфальте мёрзнут лужи
И прячется в одежды человек.
Дорога к Богу разве что поуже.

Поуже, да ещё не всем видна –
Нет светофоров, постовых, разметки,
Лишь птицы красногрудые на ветке,
Целительница – полная луна,
И звёзды, заменившие таблетки.

Наш век сырыми войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытайтесь даже.

* * *

Мир возьми в одночасье и рухни,
Только видно во мраке подпалом,
О несметном, срединном и малом
Часть меня размышляет на кухне.

Сквозь просветы я вижу, что некто
Ходит-бродит в тиши колоколен,
Вдоль немых параллелей проспекта,
Каждый вздох его, знаю, намолен.

Только встретиться нам не придётся:
Мы с ним в тёмных, затянутых ссорах,
Но сегодня в безлунных просторах
Нам рассвет приоткроет воротца.

СУГРОБЫ

Ты веришь сугробам? Они мудрецы:
Кого ни возьми, он и зорок и сед,
Учёт бесконечных и строгих бесед
Ведут от рождения зданий торцы:
Пред ними стоишь, одинок и раздет,
Ты – вечный ответчик, они же – истцы,
И так до скончания ветреных лет.

И кажется: только тебе невдомёк,
Когда был затеян морозный процесс,
Какой у сугробов действительный вес,
Но дворник решительный быстро помог –
И вот пошатнулся и твой интерес.
Быть может, тот дворник уже полубог,
Сошедший на миг с вдохновенных небес.

Не только твоё промерзает нутро,
Иди и смотри на сгущение масс.
Рождает минута межсуточный час,
Сплетение судеб вершится в метро,
И только великий горячий наказ
Приносит на землю с рассветом ядро:
Всё это создано Богом для нас.

* * *

Ты думала, кончилась сказка,
И я в строчных дебрях страниц,
Где холодно, ветрено, вязко,
Паду сокрушительно ниц.

И вечер – прощанья сподвижник –
Сотрёт в твоём сердце мой лик,
И я затеряюсь меж книг,
Как в озере снежном булыжник.

Возможно, права ты по сути:
Я вспылчив, заносчив и груб.
Но сходятся разные люди,
И книжку не сдаст книголюб.

* * *

Знаю, что ты, не уснувши,
Наносишь на прошлое штрих,
И наши не сходятся души,
И вой непогоды затих.

Снежинки спускаются робко.
К тебе я дойти не успел,
И вот между нами пробел,
Точка, тире или скобка...

Разные вводятся знаки,
Месяц в сомненьях навис.
После словесной атаки
Поставь между нами дефис.

* * *

Я знаю: расставанья не в чести,
Но свет подлунный в облаке завис,
И крысы бросили в углу скрести –
И нет в подполье суетливых крыс.
Прощайте, попрошайки-грызуны!
Я проживу без ваших цепких лап,
И солнца побеждающий нахрап
Ведёт меня в преддверие весны.
Разносчики бессонниц и чумы,
Предвестники крушенья кораблей,
Вы были возбуждением зимы,
И вы ушли, голодные, за ней.

* * *

Я снами зимними, казалось, обессилен,
Их проводы плаксивы, тяжелы,
Мне верится, блеск неземных светилен
Избавит мир от снежной кабалы.
Я не поверю льдистым челобитным
И удержу метели взаперти,
Слова и мысли полумраком слитным
К весне летят, уже на полпути.
Смущаясь, солнце подступает к тучам,
И луч пугливый, словно визитёр,
Бредёт в тоске по лежбищам скрипучим,
Как блудный сын, идущий в отчий двор.

* * *

Арсению Замостьянову

Мгновенья кружат в кольцевой атаке,
И жизни наступил полуфинал.
О чём ты думал и чего ты ждал?
Ты состоял с природой в длинном браке,
В нём листопад меняет снеговал
И греют звёзды – вечные гуляки.

Но до весны всего один вершок,
Все разойдутся, но поодиночке.
Зима уйдёт в разорванной сорочке,
Весна нажмёт на спусковой крючок
И, выпуская на деревьях почки,
Тебе подарит лето между строк.

Вкусив тепла, пророки и зеваки
Поделятся на псов и на щенят,
Осудят рай и устремятся в ад,
Не ведая, что из воздушной раки
В дождях и вьюгах всепрощенья знаки
Им посылает Тот, Кто был распят.

Поэзия

Валерий Мухин

Член СП России. Член Международной Ассоциации писателей и публицистов. Моя малая родина – посёлок Кесьма, ныне Весьегонского района, Тверской области. Детство было кочевым. В Пскове живу с 1957 года. Автор пятнадцати поэтических сборников, многих публикаций в центральных литературно-художественных журналах, таких как: «Наши современники», «Север», «Встречи», «Московский парнас», «День поэзии». За книгу «Солнце над Псковом» выдано почётное свидетельство с занесением в 2003 году в книгу «Золотая летопись славных дел» с вручением медали «Святая Ольга». За книгу «Русская песня» фондом памяти имени поэта Игоря Григорьева (С.-Петербург) награждён медалью «Поэт и воин Игорь Григорьев». К 75-летию юбилею награждён медалью «За заслуги перед Псковом». Союзом писателей России – медалью Василия Шукшина. Лауреат Губернаторской премии в области литературы за 2016 год за книгу «РУССКАЯ ПЕСНЯ». Член объединения художников Городского культурного центра. Участник десятков коллективных, автор двадцати пяти персональных выставок по Пскову и области.

В земном многоголосном храме

ХРАМ

В земном многоголосном храме,
Под синим куполом небес,
Я дирижировал ветрами,
А подпевали дол и лес...
И в роковом звучанье хора
Была вселенная слышна.
И песнь пространства и простора
Была прекрасна и ясна.
Я каждый звук её усвоил
И голос каждого певца...
Пред тем, кто это всё устроил,
Я преклоняюсь без конца –
За чистоту, за постоянство...
Чей гений в вечности не смолк, –
Организатора пространства,
В созвучьях знающего толк...
От этой музыки нетленной
В груди рождался сладкий стон.
Я дирижировал вселенной
И постигал её закон.
Влюблённый в каждого хориста
И в свой многоголосный храм,
Я в поле, песенном и чистом,
Однажды волю дал слезам.
За что мне милость и отрада,
И этот песенный удел,
И дар бесценный, как награда,
Которым, мучаясь, владел.

2016

НЕ МОГУ СИДЕТЬ В НЕВОЛЕ

Не могу сидеть в неволе –
Сам себя же не прошу:
Утром выйду я на волю –
Песню в поле поищу.

И в расхлябанности мутной,
Что подарят небеса,
Вдруг подует мне попутный –
Ведь бывают чудеса!

Все слова, что жили-были
В мире Божиим добра,
Мне напели и навывли
Наши вьюги и ветра;

И рассказывали сказки,
Над равниною летя;
И раздаривали краски –
Щедро, весело, шутя...

Знаю, да, – меня осудят –
Не обижусь и прошу.
Лучшей доли мне не будет;
Лучшей я и не ищу.

А ищу я песни в поле,
В снег и в дождь я к ним иду...
И пока счастливей доли
Не нашёл... и не найду!

ЧТО МЫ БУДЕМ СУДИТЬСЯ

Что мы будем судиться, рядиться –
 Вспоминать, где живут чудеса,
 Мне бы только с утра обрядиться
 И уйти в голубые леса.
 Где роскошная наша природа
 Распахнулась – щедра, и мудра.
 Где сказанья простого народа
 Выше золота и серебра.
 И душе уже будет не надо
 В жизни большего счастья искать.
 И воспрянут печаль и отрада,
 Горемычной земли благодать.
 Приобщиться к корням и основам, –
 В деревенской избе почивать
 И волшебным целительным словом
 Занедуживший слог врачевать.
 Врачевать – это то же блаженство,
 Что выхаживать нежно птенца,
 Потому что само совершенство
 Не имеет на свете конца.

2014

* * *

Владимиру Кострову

Я не могу не верить в силу Слова
 И признаю, что слово – это Бог.
 Я полюбил Владимира Кострова
 За добрый, задушевный, ясный слог.
 Его слова, как тучные колосья,
 Шумят на ниве спелого стиха.
 Я ощущаю их многоголосье
 И душу костромского мужика.
 В них аромат цветов и воздух хлебный,
 Сопят боровики, забравшись в лог;
 Калины куст, горчащий и целебный,
 Немеркнувшие ягоды зажгёт.
 В них женщины живут со светлой грустью,
 Облюбовав ветлужские леса;
 Глухое костромское захолустье
 Из сказок возрождает чудеса.
 Слова, заворожённые пейзажем,
 Пространством ветровым заражены.
 В них русский дух – всесилен и отважен,
 И песни наши русские слышны.
 Поют их, отражённые теченьем,
 Красавицы над русскою рекой.
 И на душе – такое облегченье,
 Что я вчера заплакал над строкой.
 Вот потому и верю в силу Слова,
 И соглашусь, что слово – это Бог,
 Вот потому Владимира Кострова
 Не полюбить я попросту не мог.

КАК НЕ ЛЮБИТЬ ЭТУ ЗЕМЛЮ

Мы стиснули души, мы встали –
 Живые и мёртвые – все.

Игорь Григорьев

Как не любить эту землю,
 Этот закат и восход,
 Поле, и лес, и деревню,
 Родину, русский народ.
 Я был обласкан судьбою –
 Отрок суровых времён, –
 Матушкой русской землёю
 Вскормлен и усыновлён.
 Детство – военная доля,
 Полная ужасом битв.
 Танками вспахано поле.
 Поле могил и молитв.
 Страшные, чёрные годы...
 Вражьей рукою война
 Смертью крестила народы,
 Ад поднимая со дна.
 Кровью умылась Россия.
 Нам посмотрела в глаза:
 – Что ж вы, сынки дорогие?
 Больше – ни шагу назад!
 Стиснули души и встали,
 Встали за землю свою,
 Крепче железа и стали...
 И – раздавили змею!
 Как не любить эту землю,
 Этот закат и восход,
 Поле, и лес, и деревню,
 Родину, русский народ.

ЖИТЬ НА ЗЕМЛЕ

Наверно, болен я болезнью неизвестной,
 Когда смотрю в дожди, на плачущую даль,
 И мучаю себя вопросом неуместным:
 Зачем ты мне дана, о русская печаль?
 Я сам перебирал все древние стихии
 И выбрал для себя и землю, и народ.
 Из самой глубины поруганной России
 Я верю в чистый звук и в солнечный восход.
 У неба не просил иной судьбы и боли,
 А с песнею теплой отрада и мечта.
 Дурманным мёдом трав, горчащим хлебом,
 солью,
 Душа моя теперь довольна и сыта.
 Жить на своей земле, надеясь на удачу,
 А благородный труд – всегда мне по плечу...
 Я думать не хочу, что можно жить иначе,
 Хотя иначе жить я просто не хочу.

Поэзия

Сергей Алиханов

Сергей Алиханов – родился в 1947 году в Тбилиси. Автор стихотворных сборников: «Голубиный шум», «Долгая осень», «Лён лежит», «Блаженство бега», «Где свет мелькал на сквозняке», «Мимолётный сентябрь». Автор книг прозы и слов всенародно любимых песен: «Лунная дорожка», «На высоком берегу» (музыка Юрия Антонова), «Что тебе подарить?» (музыка Романа Майорова), «Мой ласковый и нежный зверь» (музыка Евгения Доги) и многих других. «Песни Года» на слова Сергея Алиханова: «Буду я любить тебя всегда» (музыка Игоря Крутого), «Воздушные замки» (Валерий Леонтьев), «Ты должна рядом быть» (Дима Билан). Песня «Ожившая кукла» на музыку Владимира Шаинского заняла 1-е место в конкурсе в Сопоте (1985). Выпущено более 40 миллионов пластинок, кассет и альбомов с песнями на слова Сергея Алиханова. Ведёт рубрику «Поэт о поэтах» в газете «Новые Известия». Академик РАЕН, вице-президент Отделения литературы. Член Союза писателей России.

Искусство говорить о незаметном...

ЗА КЕДРАЧОМ

Шишки – лакомство тайги,
Колодом стучал, натряс их,
Третий увязал матрасник,
Да промокли сапоги.

«Тут всего минута ходу –
Дальше сами, без меня».
И пошёл я к теплоходу,
Доберусь средь бела дня.

Вдруг просел под шагом мох,
В яму кубарем скатился –
Надо мною лес склонился –
Вылезай – не будешь плох.

Глядь-поглядь: сторон четыре,
Енисей-то лишь в одной.
Зенки разошлись пошире –
А тайга стоит стеной...

Матери молитвы сбылись –
Не пропал я средь страны –
Лиственницы расступились,
Я увидел валуны.

Не прошёл я жизни мимо,
Не пришла ещё пора:
Вон кораблик мой родимый –
Километра полтора...

ЛЁН ЛЕЖИТ

Солнце согреет, ветер остудит.
Тучи со всех сторон.
Лён полежит – и трудов с ним убудет, –
Росы истреплют лён.

Лён здесь по-прежнему в силе и в славе.
И рушником зимой
Вытрусь – увижу: лежит по отаве
Лён золотой!

* * *

Стараниями псов не разбрехалось стадо.
И, не сводя с костра задумчивого взгляда,
Мне говорил пастух, точнее, мыслил вслух
О том, как дольше жить и что нам делать надо.

От ветра, от дождя не прятаться за двери,
Жить в поле, у реки, в палатке ли, в пещере,
Тогда исчезнет страх, и людям в их делах
Вновь станут помогать животные и звери.

К нам подбегали две огромные собаки,
И вновь через кусты, болотца, буераки
Они гоняли скот. Пастух же без забот
Со мною толковал, псам подавая знаки.

* * *

Мимолётен сентябрь в Туруханском краю,
Осень длится едва ли неделю,
И пока добредёшь от причала к жилью,
Дождь сменяется мокрой метелью.

Приведёт к магазину дощатый настил,
Доберусь по грязи и до почты.
Каждый домик всем видом своим повторил
И рельеф, и неровности почвы.

Никогда не сказать на страницах письма
Этот ветер, что чувствуешь грудью.
Деревянные, низкие эти дома,
Обращённые к небу, к безлюдью.

* * *

Вдоль берега полно закраин и промоин,
Снежок фаты летит, и таинство идёт,
А всё-таки река не поднимает лёд,
И он лежит, тяжёл, по-зимнему спокоен.
Но наступает час, который был обещан
При сотворении – сейчас наверняка
Сквозь зимний циферблат
        промчатся стрелки трещин,
Роженицей надежд загомонит река.

* * *

Хоть за шиворот дождик пробрался,
Этой грусти я не поддаюсь.
А косяк журавлей затерялся
В тихом небе твоём, Беларусь.

Ну а я – если б мог я взлететь,
От суглинка бы вдруг оторвался,
Я б над этой землёю поднялся,
Чтоб получше её рассмотреть.

Над землёю, где неизгладимых,
Нескончаемых столько трудов –
Где настырная зелень озимых
И тяжёлые плечи стогов...

* * *

Сосны, пришедшие к берегу Волги...
Корни их волжскою влагой навогли.
Вязкую глину размывла вода.
Ох, как не хочется пасть исполину –
И обопрётся о водную спину
Всеми ветвями – и рухнет туда!

Волга несёт его, словно не смыла,
А зашептала, уговорила
Берег сосновый сменить на иной.
Тихо на Волге.
Не шелохнутся чуткие сосны...
А силы мянутся –
Силы подспудные глади речной.

* * *

В этой деревне у самой реки
Стал он свой век доживать.
Вовсе не умникам вопреки,
Не дуракам подстать,

Может, и был на подъём тяжёл,
И отгулял своё,
Так до конца вот и не ушёл
Житель последний её.

Горше, наверно, не может быть
Мысли последней той,
Что никому уж теперь не жить
Здесь, на земле родной.

* * *

Я снизойду, ко мне ли снизойдёт
Искусство говорить о незаметном:
Как тополь распускается, растёт,
Как корни ищут ход подземных вод,
О мхе зеленовато-жёлто-бледном.

Не от того – быстрее ли самолёт
Пересекает небосвод тревожный.
А от того, как дерево живёт.
От долгого пути подземных вод
Зависит наш успех неосторожный.

* * *

Там, за неподвижной заводью зелёной,
В сизой дымке времени светится вода.
Там струя стремится к цели отдалённой.
Ряска стала в заводи, не плывёт туда.

А над кромкой берега изогнулись ивы,
Солнечные блики по стволам плывут.
Я пришёл печальный, а уйду счастливый.
Жаль, что так недолго постоял я тут.

СРЕТЕНИЕ

Колеблющийся мерно
Какой-то странный свет,
И не сказать наверно –
Закат или рассвет.

Свет или тьма пребудет,
Зависит – что решит
Тот, кто об этом судит
И на небо глядит.

ПРИШЕСТВИЕ

Извечная потребность веры
К порогу храма приведёт.
Забитые крест-накрест двери
Взломает страждущий народ.
Ни алтаря, ни свеч сиянья:
Увидит поражённый взор
Следы глумленья, поруганья,
И срам, и мусор, и позор.
Но, походя, на всякий случай,
Прикинет – что тут можно взять? –
Да всё подряд! – себя не мучай, –
Того не стоит благодать.
Вновь поколение у порога
Без Книги, сбитое с пути,
Средь хлама ищет в храме Бога –
Спасенье хочет обрести.
Сжимая грешное пространство
В непогрешимый ореол,
Он нам прощал пороки, пьянство,
По тюрьмам вместе с нами шёл.
И нам же объявился странник,
Хотя и не назвался он,
Его узнали тотчас – странным
Сияньем слабым окружён.
Пройдя измену, казнь и муки,
Пришествовал и в этот раз,
Хоть были вывернуты руки
И прожит смертный, крестный час.
Бог беззащитней человека,
Среди людей слабее всех,
Не озлобившийся калека,
И видит, и прощает грех.
Не зря намедни мы молились
То в мрачный свод, то в небосклон:
Глаза у нас опять открылись –
Явился Он! Явился Он!
Лет просветлённых исчисленье
Начнётся с чистого листа –

Вновь утвердится просветленье
Оплотом крови и креста.
И снова казнь! Вновь хохот черни
Услышит он – в который раз! –
В предгрозовой и предвечерний,
В предсмертный, в предбессмертный час...

СТАНСЫ

В торговой суতোлке дней
Исчезла память лихолетья,
И преждевременных смертей
Уже закончилось столетье.
Раздумья больше не гнетут,
От звонов ширятся пределы –
Колокола опять гудут,
И хорошо, что новоделы.
Отвесив прошлому поклон,
Зане в подробности не влазим.
А благовест – не вещий звон
Колоколов, слетавших наземь.
В борении газетных сил
Равны всезнайки и невежды.
Зачем мне ветер доносил
И перезвоны, и надежды?..

* * *

Тебе и мне
Нельзя ни в ад, ни в рай.
Живи во сне
И днём не умирай.
На нас весь дом,
Весь мир, вся благодать.
Одним глазком
Нам сына увидеть.
Сдавило грудь,
И сердце так зашлось,
И не вздохнуть –
Ведь мы сегодня врозь.
Боязнь и грусть
С тоской наедине –
Как поперхнусь,
Не стукнешь по спине.
Вздохнуть я смог –
По сыну так грущу,
Что на порог
Погибель не пущу.
Почти инсульт,
А вдруг и не почти.
Спаси, Иисус,
Помилуй и прости.

Поэзия

Юрий Щербаков

Юрий Николаевич Щербаков – родился в 1956 году в семье военного. После окончания Астраханского института рыбной промышленности работал судовым механиком и журналистом на Дальнем Востоке и в Астрахани. В 1989 году был принят в Союз писателей СССР. Автор многих книг стихотворений, публицистики, прозы, переводов, выпущенных издательствами: «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Роман-газета», Нижне-Волжским, Дальневосточным, «Литературная газета», «Литературная Россия», «Наши современники», «Эксмо», «Яуза», «Джангар», «Станица». С 1998 года – председатель Астраханского отделения Союза писателей России. Секретарь Союза писателей России.

Лауреат Первого Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна», всероссийских литературных премий «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига, «России верные сыны» имени Александра Невского, Бунинской, имени Василия Тредиаковского, «Традиция», имени Курмангазы Сагырбаева, «Имперская культура», «Русское поле», Славянского литературного форума «Золотой витязь», «Словес связующая нить», имени Валерия Брюсова, «Русский лад». Награждён орденом Дружбы. Депутат Астраханской городской Думы.

ПРИКАСПИЙСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ

Это место под солнцем
Богами совсем не забыто.
Здесь недаром оставлена
Кем-то навеки печать –
То ли дланью святой,
То ли чьим-то нечистым копытом.
Надо жизнь здесь прожить,
Чтобы правду об этом узнать.

Из калмыцкой печи
Поднимается солнца коврига,
Чтоб читали в охотку
Живущие здесь племена
Золотых берегов
Летописную дивную книгу,
Что без усталости волжская
Пишет и пишет волна.

Понизовую вольницу,
Горечь кандалных проклятий,
Скопидомство хазар
И казачью лихую гульбу
Заложили столетия
В наш астраханский характер,
Где холопство и воля
Не делят на части судьбу.

И беда, и удача
В таком двуединстве сокрыты.
В нём умение счастье
Найти среди нечаянных крох,
Что просеяны были
Сквозь дивное частое сито
И мятежных, и сытых,
И подлых, и честных эпох!

Пусть меняют цвета
Над кремлёвской стеною знамёна.
Оставаться бы только,
Как есть, неизменно всегда
Волге – сладкой,
Солёным озёрам – солёным.
И пускай Золотою
Зовётся, как прежде, Орда!

Да пребудут крепки
Астраханские древние корни.
Прорастать им опять
Заповедной стеной камыша.
И на грешной земле,
И в пределах неведомых горных
Да останется в нас
Астраханской породы душа!

* * *

До чего же мне любо корнями гордиться,
Повторять нараспев дорогие слова:
А моя родова из казачьей станицы,
Из рыбацкой станицы моя родова!

Там, где воблою ветры пропитаны пряно,
Там, где в небе не счесть серебра чешуи,
Три столетья летят по-над Волгой Замьяны –
Заповедная родина предков моих.

Там смолёные лодки стоят на приколе
У откосов речных – что казачьи челны.
Не на этой ли вот из турецкой неволи
Безлошадный казак воротился с войны?

И не здесь ли сошёл он, отчаянный, наземь,
Порешивши поставить над Волгою дом?
Как сорвался служивый с родной коновязи?
Почему не ушёл, горемычный, на Дон?

Пращур мой, ты глядел не из этих ли окон
На степные поля, на речной окаём?
...Прикасаюсь душою к родному истоку,
Чтобы смыть суету бесполезную в нём.

* * *

Опять и снова за оконным льдом
Глухие тени придорожных станций.
Как хорошо, что есть на свете дом,
Куда необходимо возвращаться.

Уходят в ночь вокзалы и мосты,
Чтоб на рассвете главное открылось:
Как хорошо, что есть на свете ты –
Любимая моя необходимость.

В бинтах из снегового полотна
Земля России проплывает мимо.
Как хорошо, что есть моя страна,
Как дом и как любовь необходима!

* * *

Не молюсь берёзе и осине –
Нету их на родине моей.
Всё равно не как-нибудь – Россией
Испокон зовёмся без затей!

Уважением, любовью, долгом –
Наши чувства, как ни назови,
Всё равно они, как Степь и Волга,
Навсегда растворены в крови!

Что-то в этом месте есть такое...
Эх, друзья, да что там объяснять!
Всё равно с Кремлёвскою стеною
Горизонт смыкается опять!

Чаканы, бударки и полои –
Хоть забыты старые слова,
Всё равно не каждою ль весною
Оживает наша родова,

Наша память без румян и глянца,
Рыбою пропахшая насквозь.
Всё равно остаться астраханцем
Каждому ль сегодня довелось?

Новая эпоха – новым людям,
Тем, что здесь достаток обрели.
Всё равно мы были, есть и будем –
Суть и соль неласковой земли!

Кто-то скажет прозой: груз традиций,
Им в веках исчезнуть суждено
Всё равно... Нет, Астрахани длиться!
Это нам совсем не всё равно!

Мы пути в грядущее осилим.
Земляки, глядите веселей!
Всё равно без нас не быть России,
Без любимой родины моей!

* * *

Смысл жизни... Да на белом свете
Кто сумеет словом и судьбой
На вопрос единственный ответить:
Хорошо ли времени с тобой?

Чьи решишься праведные тени
Вызывать сейчас на суд и бой,
Чтобы затушить пожар сомнений:
Хорошо ли памяти с тобой?

Стыд и срам, как листья ветки тонкой,
Ветерок стряхнуть готов любой.
Чем ответишь будущим потомкам:
Хорошо ли совести с тобой?

Ты мечты о счастье не разрушил
Радостной, наивной, голубой?
Заглянуть любимой трудно в душу:
Хорошо ли женщине с тобой?

Вот они, свидетели и судьи –
Время, память, совесть и любовь.
Главное от них узнают люди:
Хорошо ли Родине с тобой?

* * *

Ещё Гагарин не взлетел,
И послесталинский пройдоха
Упрямо вёл страну к черте,
Где зрела Брежнева эпоха.

Ещё отцы-фронтовики,
Конечно, были в полной силе.
Ещё «бессмертные полки»
В бессмертие не уходили.

Шла кукурузная страда
Наперекор заморским гадам.
И День Победы – он тогда
Был праздником, а не парадом.

Ещё... А впрочем, о былом
Это теперь я что-то знаю.
А в детской памяти – село,
Деревня мамина родная.

А вот и мы – «отпускники» –
В июльской нежимся теплыни.
О, как же вечера сладки
На самой южной Украине!

Коровы с пастбища пришли,
Сочатся каплями парными.
У каждой – чуть не до земли –
Набухшее литое вымя.

Скатилось солнце в тёплый пруд –
«Ставок», как мама говорила.
И на три голоса поют
Бабуля, мама, тётя Мила.

Три голоса, как три ручья, –
То врозь звенят, то льются вместе.
И почему-то плачу я
Тогда, да и сейчас, как в детстве,

От немудрёных этих слов,
Где «бия грэбли вэрбы растуть»,
От забытых голосов,
От родины, где и легко, и просто.

Там, где из каждого двора
Протяжной песне подпевают,
Которая, как мир, стара, –
Там родилась душа живая,

Моя душа! Через года
Я весь в её волшебной власти.
Спроси: от счастья плачут? Да!
Когда оно такое – счастье.

* * *

На что размениваю жизнь?
На суету и суесловье?
Но как же быть тогда с любовью
К не самой лучшей из Отчизн?

К не самой доброй, честной – к той,
Родней которой в мире нету,
И ты – по праву и завету –
Ей, неприветливой, – родной!

И потому ты всё простишь
И гулевой. И непутёвой –
И тумачи, и злое слово,
И склонность к блудодействию, лишь...

Лишь бы она была жива,
Лишь бы она звалась Россией,
Лишь бы... А прочее осилим!
Сдавайся, сорная трава!

Ты просто оглянись вокруг:
Живёт Россия в русских лицах
И в наших искренних страницах.
А у меня родился внук!

И как хотите, но и в нём –
Моя великая держава!
Живи, казак, живи по праву!
И мы с тобою проживём...

* * *

Неужто безмятежье – грех?
Хоть спорьте, хоть не спорьте,
А мысли, как нежданный снег,
Приходят на курорте.

И невесомые кружат
Над кисловодским парком,
Всерьёз одаривая март
Сомнительным подарком.

Лежит в аллеях тишина,
И благостность – на лицах...
Неужто прежняя страна
Уже не повторится?

На Хаме оборвётся нить
Или на добром Симе?
В России нашим детям жить
Иль впрямь – после России,

Когда мы дружно втопчем в грязь
То, что нам дали предки?
...Вон шишка тихо сорвалась
Навек с сосновой ветки.

Но для неё звучит «навек»
Совсем не словом чёрным.
Сосна – она не человек,
Разбрасывает зёрна.

Как будто мир не пьёт иуд
Предательского яда.
Взойдут ли всходы, не взойдут,
А только сеять надо.

* * *

«Не для меня весна придёт...» –
Опять я слушаю и плачу.
Чем старше, тем напев казачий
Сильнее за душу берёт.

Ну что казачьего во мне,
Кроме отцовской родословной,
Где были мятежи и войны
И предки в страшном их огне?

Да, говорят, что я похож
На деда на старинном фото,
Где он сидит вполоборота
При шашке доброй. Ну и что ж?

Казак лейб-гвардии полка,
Усы подкручены по моде.
А ну-ка я! Похоже, вроде?
Играть не стыдно в казака!

Никто не видит всё равно!
Портрет и зеркало – напротив.
Что значит сходство нашей плоти?
Смех. Бутафория. Кино.

Но где-то в сердце, сколь живу,
Ношу родства святое чудо.
И никогда я не забуду
Мою казачью роду!

«А для меня – кусок свинца...» –
Моя судьба в заветной песне.
О сила гордая, воскресни!
В душе останься до конца!

Казак не плачет и в бою,
И в злые грозы, и в морозы...
За песней легче прятать слёзы.
Вот я сегодня и пою.

Поэзия

Андрей Галамага

Андрей Галамага – родился в 1958 году в Воркуте, школу окончил в Киеве. С 17 лет живёт в Москве. Окончил Литературный институт им. Горького, семинар поэзии Э. В. Балашова. Член Союза писателей России. Автор пяти книг стихотворений, пьес, киносценариев. Дважды (2007, 2012) лауреат международного фестиваля «Пушкин в Британии». Лауреат фестиваля «Русские мифы» в Черногории (2013). Обладатель Гран-при 1-го литературного фестиваля «Интеллектуальный сезон» (Саки, Крым, 2015). Победитель международного литературного конкурса произведений о Москве «На семи холмах» (2016). Лауреат международного литературного фестиваля «Центр Европы» (Полоцк, Белоруссия, 2017); международного литературного фестиваля «Степная лира» (станция Новопокровская, Кубань, 2017); международного литературного фестиваля «Генуэзский маяк» (Италия, 2018); всероссийского творческого конкурса произведений о Великой Отечественной войне «Дороги фронтовые – узелки на память» (2020).

* * *

Спешить – и не достигнуть цели,
Сражаться – и не победить.
Жить – на пределе, но на деле
Так жажду и не утолить.

Любить – до дна, не зная меры,
Не оставляя про запас.
Креститься – с безрассудством веры,
Так – словно бы в последний раз.

И в час, когда тебя к ответу
Трубящий ангел вознесёт,
Поднять глаза навстречу Свету
И поблагодарить за всё.

* * *

Привычка русская свой крест нести,
Ни исповедать, ни постичь её, –
От ощущения бесполезности
До состоянья безразличия.

Весь опыт прошлого ни разу нам
Не удалось принять за правило,
И руководствоваться разумом
Ничто нас так и не заставило.

Но мы стоим перед напастями,
И перед силой не пасуем мы;
И разве тем грешны отчасти мы,
Что каждый раз непредсказуемы.

И как бы ни досталось крепко нам,
Мы всё не ропщем тем не менее;
И в пику посторонним скептикам
Несём своё предназначение.

Мы просим силы и усердия,
Чтобы с пути не сбиться крестного,
У Серафима и у Сергия,
У Пушкина и Достоевского.

И в битве, где бессильно знание,
За нас судьба – святая схимница;
И воздаянье ждёт нас на небе,
И не пройдёт, и не отнимется.

ПЕЙЗАЖ

Полмира объехав без дела,
Поймёшь, что полжизни отдашь
За русский пейзаж чёрно-белый,
Берёзовый зимний пейзаж.

На дальнем пригорке деревня,
Сороки пустились в полёт,
А рядом, меж редких деревьев
Охотник с собакой бредёт.

Петлянье дороги окольной,
Следы лошадиных подков;
И тёмный шатёр колокольни
На фоне сплошных облаков.

Мой друг, путешествий любитель,
Меня перебьёт, в простоте.
Он где-то подобное видел.
В Германии? в Польше? в Литве?

Пейзаж этот больше фламандский.
Вот Брейгель, типичный пример.
Подумаешь, кончились краски.
Остались бы уголь да мел!..

В Антверпене не был я в жизни
И спорить теперь не готов.
Но вдруг этот Брейгель Мужичкий
Был родом из наших краёв?

Согласен, что это абсурдно.
Но что, если я не один?
Вдруг так же считают подспудно
Датчанин, француз или финн?..

Уютно чернеют домишки,
Со снежной зимою в ладу,
И чёрную шайбу мальчишки
Гоняют на белом пруду.

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ЧАЙНИКОВА

Известно, бедность не порок.
Кушетка, стол, стакан, окурки;
Обитый дранкой потолок
С проплешинами в штукатурке;

В углу – набросок на станке,
Поверх – заляпанная простынь.
Мы с ним сошлись накоротке
В конце невнятных девяностых.

Я ошивался день-деньской
В лиловой сигаретной дымке
В художественной мастерской
У церкви на Большой Ордынке.

Мы не вели пустых бесед.
Когда под сорок за плечами,
Скучнее нет: вопрос – ответ.
Мы больше, помнится, молчали.

Он не искал чужих похвал.
И хоть судил довольно строго,
Но сам, похоже, понимал,
Что был художником от Бога.

Я пропал на два-три дня,
Но появлялся вновь исправно;
Мне было лестно, что меня
С собой он принимал на равных.

Его мазок дружил с мазком,
Как будто в лад слагались ноты.
Мне вдруг подумалось тайком:
Где мой портрет его работы?

Мы дружим с лишком восемь лет,
Ну, чем я, собственно, рискую.
И я однажды, осмелев,
Спросил об этом напрямую.

Он повертел сухую кисть,
Как виртуоз играя с нею.
«Успеется, не торопись;
Чем позже, знаешь, тем ценнее.

Я ожидал такой вопрос
И сам не раз об этом думал...»
Но не случилось, не сбылось.
В начале осени он умер.

Не в нашей власти воскресить
Ушедшего. Но вот что странно,
Я не могу его простить
За то, что он ушёл так рано.

Я б не обиделся, клянусь,
Из-за какого-то портрета.
Но, кажется, пока я злюсь,
Он с нами остаётся где-то.

Войдёт, и сразу стихнет шум.
Он скажет: «Смерть была ошибкой!»
И улыбнётся сквозь прищур
Своею вечною улыбкой.

ДВЕ ТЫСЯЧИ СЕДЬМОЙ

Снег порциями опускался вниз,
За уцелевшие цепляясь листья,
В отчаянье смягчить антагонизм
Крестьянина и автомобилиста.

Мир замерзал. Но город, как ковчег,
Сквозь зиму проплывал напропалую,
Доказывая, – двадцать первый век
Не так уж страшен, как его малюют.

Я научился различать вполне
Понятия сомнительного толка.
Но всё, что было век назад в цене,
С тех пор не обесценилось нисколько.

Стремиться к цели, голову сломя,
И умереть от старости в постели...
Нет, чтоб из-за любви сойти с ума
Или за честь погибнуть на дуэли!

Смерть оказалась мне не по уму,
Ума я мог легко лишиться сдуру,
Но уцелел. Возможно, потому,
Что слепо был привержен Эпикуру.

Снег опускался вниз, не торопясь,
Никак не добираясь до итога;
И к ночи над Москвою разнеслась
Неясная воздушная тревога.

Стушалась мгла, скрывая без следа
Весь город – от Лефортово до Пресни;
И граждане сновали кто куда
От головокружений и депрессий.

И только, не задетый кутерьмой,
Пёс-поводырь вёл за собой слепого.
Так наступал две тысячи седьмой
По счёту год от Рождества Христова.

КАНУН

Туман в низинах расстилался пеленою,
Внезапный ветер набегал и пропадал;
И до утра, готовясь к завтрашнему бою,
Не спал в сраженьях закалённый генерал.

Рассвет всё ближе. Но покуда час не пробил,
Он зорким взглядом обводил притихший стан;
То тут то там мелькал его орлиный профиль,
И все бесшумно расходились по местам.

Он назубок усвоил истины простые:
Не лгать, не трусить, не сдаваться, не стонать.
Он знал доподлинно, как велика Россия,
И доброй волею не стал бы отступать.

Пристало ль русским перед пулями склоняться,
Когда на знамени – нерукотворный Спас!
Мы насмерть станем за родную землю, братцы,
И вместе выживем. А впрочем, как Бог даст.

Пусть грянет бой, какой от века был едва ли,
Пусть супостату будет белый свет не мил;
Чтоб через двести лет потомки вспоминали
Тех, кто за Родину себя не пощадил.

Он не застанет час, когда под вечер смолкнут
Орудий залпы, посвист пуль, снарядов вой.
Он будет гордо умирать, шальным осколком
Смертельно раненный в атаке роковой.

Светлело небо в ожидании восхода;
Вот-вот над полем вспыхнет первая заря.
Начало осени двенадцатого года.
Грузинский князь – на службе русского царя.

СВЯЗЬ

Удел связиста – это ли не рай?
Удачливей на фронте не найдёте.
Наладил связь – сиди и ожидай,
Тебе не лезть под пули, как пехоте...

Я, устранив на линии обрыв,
Ползком открытым полем пробирался.
Со всех сторон гремел за взрывом взрыв,
А немец будто бы с цепи сорвался.

Земля вздымалась, дым стоял стеной.
Мгновение – и лопнут перепонки;
Когда меня ударно волной
Отбросило на дно большой воронки.

Там трое пацанов, как я, солдат,
Дрожали побелевшими губами
И, на меня направив автомат,
Велели мне валить к такой-то маме.

Я до сих пор не смею их судить;
Такие есть везде – один на тыщу.
Я благодарен, что остался жить,
Короткий выстрел – и концов не сыщешь.

Я цел и невредим дошёл назад.
Не то чтоб думал, ждут меня объятья;
Но лейтенант лишь бросил беглый взгляд:
«Опять обрыв. Давай, ползи обратно».

Я было возразил: не мой черёд,
Теперь тебе пора идти настала.
Но он сквозь зубы процедил: «Вперёд!
Что смотришь? Не боишься трибунала?!»

И я пополз второй раз в этот ад.
Фашист сплошным ковром по полю стелет,
И каждый пролетающий снаряд,
Казалось, прямо на меня нацелен.

Не буду врать, я страха не скрывал,
Но чувствовал нутром, что не погибну;
И только непрерывно повторял
Рассказанную бабкою молитву.

Уже сквозь гарь окоп был виден наш,
Уже готов в него был прыгнуть с ходу...
Прямое попадание в блиндаж,
И кровь с огнём взметнулись к небосводу.

Мне не избавиться от этих снов.
Но кто однажды видел смерть так близко,
Тот навсегда постиг значение слов:
На фронте – не бывает атеистов.

НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ

*Памяти девушек
46-го гвардейского авиаполка
посвящается...*

Напрасно вы нас ведьмами прозвали.
Вам ведьмы сроду были нипочём;
Столетиями легко вы побеждали,
Пытая их железом и огнём.

Зря скалите озлобленные пасти,
Всё будет по-другому в этот раз;
Железо и огонь – не в вашей власти,
Теперь они обрушатся на вас.

За каждое земное злодеянье
Вы приговорены нести ответ.
Мы девушки – небесные созданыя,
Но для врага – страшной ста тысяч ведьм.

Нас голыми руками не возьмёте,
Когда, прожекторам наперекор,
Бесшумно мы на бреющем полёте
На цель заходим, заглушив мотор.

Кто сманит нас благополучным раем?
На восемьдесят бед – один ответ!
И даже если в небе мы сгораем,
Тем, кто за нами, – пролагаем след.

Бессильны ваши ненависть и злоба.
Мы тут, мы там, вокруг – со всех сторон.
Хоть не сомкните глаз, глядите в оба,
Мы наяву – ваш самый страшный сон.

И вам нигде не отыскать спасенья, –
Забившись в щель, ползком иль на бегу.
Нет, мы не ведьмы, мы – богини мщенья,
Не знающие жалости к врагу.

ЧЕРНОГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Полумесяц потонул в заливе,
Померцал и в глубине исчез.
До чего же ночи здесь красивы.
Чуть колышется прибрежный лес;

Ослепительно сияют звёзды,
Дышит влагой терпкая трава;
И звенит ночной прозрачный воздух,
Как натянутая тетива.

Память на случайности горазда,
В прошлое стучится наугад.
Черногорцы тут стояли насмерть
Полтысячелетия назад.

Было так, – когда незванный кто-то
В вольный край дерзал войти с огнём,
Просыпался неприступный Котор,
И святой Покров лежал на нём.

Испокон веков не имеет срама
Тот народ, что верую богат;
И на месте разорённых храмов
Воскресали краше во сто крат.

Час настал, сошлись клинки из стали,
До глубокой ночи длился бой;
Огненные звёзды заблистали
И скрестились в небе над водой.

И тогда, от злобы обессилев,
В первый день Великого поста
Полумесяц потонул в заливе,
Побеждённый силою креста.

ТИШИНА

Дождь неуклюже накрапывает,
Воздух пронзительно тих;
Редкое небо проглядывает
Меж облаков кучевых.

Роща скромна, словно девственница,
Галок и тех не слышать;
Молча берёзы советуются,
Как бы им день скоротать.

За ежевичною изгородью
К шёлковой ели прильну.
Лишнего слова не выговорю,
Чтоб не спугнуть тишину.

Русь-недотрога – награда моя,
Вдруг невзначай в тишине
Тайна твоя неразгаданная
Чуть приоткроется мне.

МОЯ ВЯТКА

Русь склонить под рукою владычней
Порешил патриарший престол.
Мои предки, чтя древний обычай,
В те поры уклонились в раскол.

Непокорные старообрядцы
От гонений скрывались в скитах
И осели по землям по вятским,
Не продав свою совесть за страх.

Не сломили их беды и бури,
Жизнь вилась над избою дымком;
Ведь не зря мой прапрадед Меркурий
Основательным слыл мужиком.

Век бы жить им, молясь да не хмурясь,
Обустроить дом свой ладком.
Только видишь, как всё обернулось,
Когда грянул нечаемый гром.

Не спасла моих прадедов Вятка,
Тут уж поздно – крестись не крестись;
Те, кого не смело без остатка,
Кто куда по Руси разбрелись.

Жить по чести, случалось, непросто, –
Хоть умри, а душой не криви, –
Но всегда выручало упорство,
Что у каждого было в крови.

Хотя я не бунтарь бесшабашный, –
Не буяню, интриг не плету,
Не усердствую в спорах, – однажды
Мне становится невмоготу.

Не по вере – по жизни раскольник,
Не терплю самозваную знать;
Что поделаешь, вятские корни
Всё – нет-нет а дают себя знать.

Хоть с сумою – да что-нибудь стою;
Предкам-старообрядцам под стать –
Я всегда шёл дорогой прямою,
А упрямства мне не занимать.

Жизнь качала, трясла и кружила,
Но дорога казалась гладка,
И текла в переполненных жилах
Заповедная Вятка-река.

СНЕГ В КРЫМУ

В горах сгустилась пелена,
Какой не чаяли вначале,
И сумерки средь бела дня
Непредсказуемо настали.

Сплошной завесой снег упал;
Кругом – не видно на полшага.
В снегу Ангарский перевал,
В снегу отроги Чатыр-Дага.

Зима сошла во всей красе,
А с нею спорить не годится;
По обе стороны шоссе
Машин застыла вереница.

Но чувствовалось, что вот-вот
Природа сменит гнев на милость;
И я прошёл пешком вперёд,
Туда, где небо прояснилось.

Я вглядывался из-под век
Вослед унявшейся стихии,
Вдыхая перевозданный снег,
Простой, привычный снег России.

Поэзия

Владимир Макаренков

Владимир Викторович Макаренков – поэт, песенник, журналист. Родился в 1960 году в Смоленске. Окончил МЭИ. Полковник внутренней службы в отставке. Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и других периодических изданиях. Автор восьми книг стихотворений, аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (радиопостановка поэмы «Таборная гора», стихи, песни), публицистической книги «Тюремные записки». Лауреат литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова (Смоленск), им. Н. И. Рыленкова (Тюнино Брянской области), «Навстречу дня!» им. Б. Корнилова (Санкт-Петербург), Южно-Уральской литературной премии (Челябинск). С 2004 года председатель Смоленского регионального отделения Союза российских писателей, редактор литературного альманаха «Под часами». Живёт в Смоленске.

Путеводная звезда

* * *

А в Новоспасском снег идёт,
Как будто музыка плывёт
Над возрождённой усадьбой,
И сладко грезится: село,
Не зная горя, весело
Гремит крестьянской поздней свадьбой.
И вековой церковный крест,
И красота дубрав окрест
Хранят истоки прежней силы.
И высится дуплистый дуб,
Связавший времена, как пуп
Былинной матушки-России.
Какие были времена!
Всё золотые имена:
Вселенский Пушкин, горний Глинка.
Священный русский долг – беречь
Родную музыку и речь,
Не омрачив Христова лика.

ШИШКИ ИЗ ФЛЁНОВА

Горсть шишек я из Флёнова привёз,
Как памятку о вызревших там мыслях.
Прольёшь немало безутешных слёз,
Душою обитая в вышних высях.
В одной руке со шляпой и с зонтом,
В другой, как с тростью, медная княгиня
Стоит недвижно перед Теремком.
Ах, Тенишева, помнит ли чужбина?

Хотела счастья всем; детей крестьян
И грамоте учила, и искусству.
В благих надеждах выстроила храм
Святого Духа, доверяясь чувству
Божественности Рериха; на нас
Сквозь камешки мозаики фронтальной
Из вечности Нерукотворный Спас
Глядит проникновенно и печально.

Да вот чужбина... Франция всегда
Казалась русским отраженьем рая.
Но разве не духовная беда –
Жить вдалеке от родины, вращая
Не в райское цветение, а в боль
Гонимого по свету эмигранта,
Когда неразделённая любовь
С Отчизной хуже ада для таланта?
Так шишки вызревают на сосне,
Готовя семя к дальнему полёту.
Но, не успев раскрыться в вышине,
Срываются на землю в непогоду.

И семена их гибнут в заточенье...

И всё же вышний замысел не в том,
Чтобы исчезнуть на земле бесследно,
Когда всей жизнью воздвигаешь дом,
В котором красота души нетленна.

Раскрывшиеся шишки на столе
Перебираю я со светлой грустью.
Хранимы Богом на родной земле
Места, где веет достославной Русью.

ЗИМНЕЕ ЗАГОРЬЕ

...Здравствуй, здравствуй,
родная Сторона. И – прощай!..

*Александр Твардовский,
«Поездка в Загорье», 1939 г.*

Я сбрасывал скорость, смиряя машину
И веря в шофёрский рефлекс,
Когда на обочину, как в мешковину
Беды, нас выталкивал снег.

Никто по пути на глаза не попался.
Сгушалась душевная хмарь.
На снежную даль горизонт опирался,
Безлюдную, мёртвую даль.

Ах, вот ты какое, российское горе!
Вражинам могучий оплот.
В глубоких снегах утопает Загорье,
Как в веяньях века народ.

Хранитель Татьяна в музейной сторожке
Предложит чайку и блинов.
А мысли бегут уж по белой дорожке
На хутор – оплот кулаков.

Заходишь в избу, пригибаясь, с крылечка.
Да разве здесь жил богатей?!
В ней самое ценное – русская печка,
Протопленная для гостей.

Всё вроде обычно, как водится, в хате.
Но вот оно Время: на вас
Печально глядит из угла Богоматерь,
А рядом красуется Маркс.

Сюда бы наладить большую дорогу,
Настроить домов и церквей,
Чтоб ехали, ехали люди к истоку
Свободы и веры своей!

За елями тихо о чём-то берёзки
Сосульками веток звенят,
Как будто бы в кузнице Трифон Твардовский
Встречает Восход и Закат.

Здесь песня свободы таится в колодце,
А сердце России – в стогу.
Народной надежды бессмертное солнце
Мерцает огнём на снегу.

И в новой эпохе стоит, не смутьяном –
Пустующим храмом полей,
Бревенчатый памятник русским крестьянам,
Мечтавшим о вольной земле.

ВО ВСХОДАХ

Пение птиц – старины отголоски.
В горькую думу уводит большак.
Вижу, по Всиодам идёт Исаковский.
Рядом Твардовский.
Ровен их шаг.
Слышу, толкуют о доле крестьянской.
Скорбь неземная сквозит в голосах.
– Сколько сельчан полегло на «гражданской»!
– Да... а потом и в сибирских лесах.
Ветром гудит старый дом у дороги.
Речкой Угрой небосвод полонён.
– Саша, да что же случилось в итоге?
– Слышишь, Михвась, грозный рокот времён?
– Разве напрасен был подвиг солдата,
Кровь проливавшего за Будапешт?..
– Даль, что за далью светилась когда-то,
В людях померкла, – мало надежд ...
– Нового времени я не приемлю.
Где тут угоды? А где сельсовет?..
– Тёркин с Небес не вернулся на землю.
Может, и лучше устроен тот свет...
– В грязь нас давили немецкие танки.
Жгли деревнями, в печах, как дрова...
– Да... победили торговцы и банки...
Да... покорили обманом слова...
Стало чуть слышно... Колышутся души,
Преображаются в белый огонь.
А в облаках льётся песня Катюши.
Тёркин Василий поёт под гармонь.

ВЕНЧАНИЕ В ОВСТУГЕ

Туман и зябкий ветер во дворе
Не обещали ясную погоду.
Но чудно выпадают в октябре
Деньки благому солнышку в угоду.
Сияло так, как будто бы часы
Природы сбились в солнечном загуле
И жало заблудившейся осы
Их стрелки пригвоздило на июле.
Благой денёк нам выпал на Покров!
Улавливалось тайное звучанье
Невидимых живых колоколов,
Благословлявших позднее венчанье.
Светились для меня твои глаза,
Как в космосе Земля для космонавта.
И приняли в объятья Небеса,
Открылось нам неведомое завтра.
Из церкви вышли в образах людей,
И солнце нас повторно обвенчало.
Мы отразились в паре лебедей,
Шагающих к усадьбе величаво.

Смеялись добрым шуткам и у ног
Поэта легкокрыло обнимались.
Один лишь он был недвижимо строг,
Когда для фотографии снимались.

Вдруг вспомнилось: «...коснётся ль благодать
Моей души болезненно-греховной...»

И захотелось вновь тебя обнять

Под дуновенье нежности духовной.

Я думал, Тютчев в парке сквозь века
Не может наглядеться на усадьбу.
А он глядит нам в души –
Как река
на облака,
Как Бог на нашу свадьбу.

* * *

Зачем я пришёл в этот дом деревянный,
Прибитый к Елабуге ржавым гвоздём
На горке у Камы, где чёрт окаянный
Из белого камня построил свой дом?

По улочкам тихим гулял бы да слушал,
О чём говорят повстречавшись века,
Каким просветлённым елабужским душам
Подобны плывущие вдаль облака.

А здесь, где на окнах белы занавески,
Но скрип половиц умерщвлён на гвоздях,
Я выгляжу праздным туристом – смоленским, –
Как, впрочем, мы все у музеев в гостях.

Я много уж лет убегаю от клетки,
Стесняющей душу, я продал свой дом,
В котором мой свет смертью сына пометил
В созвездьях людей неземной астроном.

Нельзя, чтобы прошлое сплюсненной пулей
Застряло у сердца, а коль уж пришлось
Столкнуться со смертью в её карауле,
То пусть будет чёрная рана насквозь.

Пусть будет, как это случилось с Мариной.
Прохожий зайдёт, молча снимет с гвоздя,
Прикроет лицо мертвеца мешковиной
И взгляда не бросит назад, уходя.

Пусть будет навеки условной могила,
И пусть отпевают священники вслед,
Как будто у слова – загробная сила,
Как будто запрета духовного нет.

Когда бы ты знала, Марина! Марина,
В расцвете погиб, как и твой, мой сынок.
Нам собственной смертью не выкупить сына
У той, что за каждым приходит в свой срок.

Бессмертных людей не бывает на свете.
Все сроки всегда и для всех коротки.
Равны перед смертью поэты и дети.
Бывают бессмертными только стихи.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

Жить всё прискорбнее с годами,
Асфальт толкая из-под ног.
Звезда полей над городами –
Потухший русский огонёк.

Ещё в ночи заблудший странник,
Ища тропинку сквозь пырей,
Заметит в небе отблеск странный,
Отыщет след звезды полей.

Ложится нежно на берёзки,
Освобождает от оков
Угасшей жизни отголоски
И тени грешные веков.

Ещё на отмершем погосте
Напоминает о звезде,
Как мироточит слабый отсвет
На металлическом кресте.

Ещё, когда нежданно вьюга
Помянет в голос снежный век,
Глазами радостного друга
На свет звезды искрится снег.

Остатный свет былого мира!
Жар-птица счастья без гнезда!
А раньше Родине светила
Как путеводная звезда.

СМОЛЕНСКАЯ ДОРОГА

До Судного чертога
Доводит от земли
Смоленская дорога,
Дорога на крови.

А вдоль – курганы-знаки
Дорогу сторожат.
В них гордые поляки
С литовцами лежат.

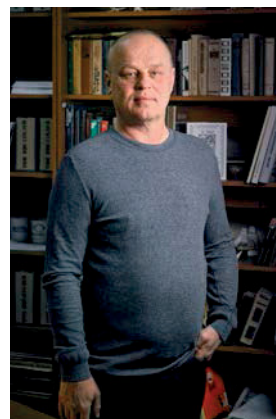
И немцы, и французы...
Несчётно пало их:
И мальчиков безусых,
И воинов седых.

Весенний Днепр глубоко
Скрывает берега.
Смоленская дорога
Бездонна для врага.

Поэзия

Сергей Пахомов

Сергей Станиславович Пахомов – поэт, родился в 1964 году в городе Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор трёх книг. Стихотворения публиковались в журналах: «Арион», «Новый мир», «Нева», «День и Ночь», «Сибирские Огни», «Север», «Лад вологодский», «Волга» и др. Живёт в деревне Мережа Вологодской области.

ОБОЗЫ ЗВЁЗД

Обозы звёзд мерещатся реке,
Как зеркало пейзажи двуедины,
И, словно гончий пёс на поводке,
Ручей рывками падает с вершины
Холма высокого. Чуть слышим за холмом
Скрип снега – то последняя телега
Обоза под родительским окном
Остановилась в поиске ночлега.
Здесь слабое дыхание реки,
Ночные хищники в протоках междуречья –
Их взведены курками плавники,
Их жабры отфильтровывают вечность.
Здесь тени обескровленных берёз
И злые зёрна выбитых колосьев,
Здесь эго распускающихся звёзд,
Здесь леденящий свист из-под полозьев.
И видится свеча издалека,
И Господа пути исповедимы...
Моя здесь обрывается рука
В обратной перспективе пантомимы.
Здесь дети, породившие отцов,
Здесь пот искусника на складках плащаницы...
Не вглядываясь в лица мертвецов,
Берут поводья тёмные возницы.

СТОГ

Ох и тёртый ты калач, кособокий стог!
Я бегу от ливня вскачь, вприть, не чую ног.
Ты не вырастешь, как гриб, часом, до небес?
Прелым сеном я облип, но в тебя залез.
Курам на смех теремок! От роду рябой,
Попросился мой дружок Венька на постой,
Дядя Пеша подошёл – курит самокрут,
Отгоняя комаров, что нещадно жгут;
Примостились косари (бабы, мужики) –
Не косить им до зари берега реки.
Дождик льёт как будь здоров – с радугой-дугой,
Отжиманием штанов занят род мужской.
Рядом Зойкина рука... Видеть не хочу,
Как бежит ручьём тоска по её плечу.

ПЕРЕВОДНЫЕ КАРТИНКИ

Стеклянный сон дождя да прибаутки снега –
Несмелая зима, нет времени светлей.
Последняя листва, упавшая с разбега,
Прощальный звездопад и эхо журавлей...
Сутулый грузовик – смешной полуботинок –
На почту... Ну и дверь! Толкну её плечом.
Мне папа обещал переводных картинок,
Где мальчик дверь открыл, но золотым ключом.
За стойкой «тётя Клав» (брусничный чай
с ватрушкой):
«Избегался, милок? Заказ твой привезли.
Вот терем-теремок, и Карлсон, и лягушка...
И ясный солнца свет за окнами вдали».
Сижу, перевожу цветы, грибы в альбомчик.
Заветные друзья, пришедшие глазеть,
Беззлобно шелестят: «Везучий ты, Пахомчик».
Я грушу перевёл, стараясь не краснеть.

ТАТЬ

Провожали меня в неоглядную ночь
Одичавшие ветры полей.
Я прошёл, где пройти оказалось невмочь
Никому из твоих сыновей.
Но усердная смерть не всегда ко двору –
Я немел, опоясанный сном,
И мой череп гудел на хазарском пиру,
Отягчённый кровавым вином.
От засилья ножей пролетарских отчизн,
От ночей, чьим разбоем крещён,
Я цеплялся, как тать, за пропащую жизнь
И как тать был повешен – прощён.
Я оплавлен, как молнией дикий ручей,
Я растоптан, как осыпь земли,
Только вряд ли стряхнёшь, как песок с кирзачей –
Я не стану валяться в пыли.
Я не стану звездой простодушных небес,

Чтобы летом, когда звездопад,
Мне, сгорая, не падать на поле и лес,
На могилы убитых солдат,
Чтобы, тёплым дождём умытая, ветла
К моему прикасалась плечу...
Я не умер тогда (ты тогда умерла!)
И теперь умирать не хочу.

ВРЕМЯ ТЬМЫ

Опять вся деревня без света,
Как в прошлом начале зимы, –
Достаточно слабого ветра

Для вечного царствия тьмы.
Фонарик, случайная свечка,
Бодрящий печной огонёк...
Мне скрасит растянутый вечер
Поющий за стенкой сверчок.
В потёмках осенних раздумий
Тревожен, избыточен час –
Мне кажется даже, что умер
И свет, исходящий из нас.
Глубокая мгла за оконцем,
Лишь ветра порывистый стон...
Душа умещается в донцах
Слезинок на ликах икон.

ПРИНЦИПЫ

Оскалил неправильный прикус обрывистый берег реки:
По принципу «накося-выкусь» висят на крючке червяки,
По принципу «шило на мыло» камыш распушил берега,
Ночного тумана кадило – из принципов «а на фига?»,
По принципу «наискось-сикось» плывут облака... зеленясь,
Копна, увенчавшая выкос, из князи, по принципу, в грязь.
Но есть беспринципная шука – чтоб жить карасю начеку...
Как Грека, из принципа руку по локоть я сунул в реку.
Навыорот-шиворот раки пугают вращеньем зрачков,
Из принципа окунь воякий позарился на червячков...
Вдруг замерло всё – шито-крыто. Из принципа вышла луна.
«Хочу я новее корыто», – решила старуха одна
Из принципа. Принципиален мой выбор: не буду жалеть
О яростном бое без правил по принципу «ёрш твою медь».
Прощай, мой отважный «матросик», придёт ещё время страдать!
С лукавой улыбкою осень небрежно взъерошила прядь
Берёзовой роши... До дому, гремя оголтелым ведром,
Иду, ощущая истому, – добро возвратится добром.

АЛАВЕРДЫ

Я лёг на колючую траву во время сенокосных буден,
Мой сон разламывал халву и был нахраписто полуден.
Как спичек полный коробок, когда трясёшь его над ухом,
Как звёздной оплеухой стог, на миг оставленный без слуха,
Звучал мой сон... Алаверды, Бетховен. «Лунная соната»
Росой оплакала цветы и отступила виновато.
Приснился шарик-раскидай, его сосед по коммуналке
Мне дал, чтоб я на первой пошёл с отцом не из-под палки.
Я досаждал буквально всем: портретам Брежнева, Фиделя,
Особым людям без эмблем и пуделю Эммануэлю.
Но, яркий сдёрнув капюшон, который оказался бантом,
Вдруг, словно памятный Крюшо, стал кумачовой транспаранта.
Мы в жизни виделись не раз – мы с нею жили по соседству...
Мостками в школу, через грязь, прохлюпало, как носом, детство.
Пока внезапный ветерок туч растасовывал колоду,
Мне зябко думалось: кто Бог?... Так и не выдумалось с ходу.

ВОЙНА МИРОВ

Мне сорок бочек арестантов наговорил вечерний плёс,
 Кукушка – бой ку-ку-курантов и эхо уходящих гроз.
 Сучит ветвями спелый ветер, настырно щёлкает сучок,
 Дуб в фиолетовом берете присел к ручью на облучок.
 Как человек, жёлудь в шляпке – осталось спички повтыкать.
 Был ты, солдатик, голый, зябкий – теперь сумеешь воевать.
 Пух (звать соседского мальчишку), он дядю Колю упросил
 В песочнице построить вышку из старых брусьев и стропил,
 А сам окопы сладил, пушки, упрятал знамя в лебеду...
 Ему фирмовые игрушки не снились в святочном бреду.
 На гэдээровской танкетке я выезжаю! Я – герой!
 И «выстрел» оказался метким: «Серёга, можно мне с тобой?»

НАРОД

Дымятся вербы у реки, частят скворцы на талой пашне...
 Не прекращаются звонки в дверь, что закрыта нараспашку.
 Час расстояния настал. Жильцы уютной коммуналки
 Не провожают на вокзал, но дарят, что кому не жалко.
 Дал дядя Ося монпансье, Петрович – перочинный ножик.
 И завертелась карусель отъезда к бабушке Серёжи.
 Москва-Бутырская чуть свет. Мой долг – на станции конечной
 Бежать и выкупить билет, пока отец дотащит вещи.
 Стародворянской, что давно мостили пленные французы,
 Автобус (бледное пятно) ползёт, кряхтя от перегруза.
 Два с половиною часа – всего шестнадцать километров,
 Но светом родины в глаза душа наполнена и ветром.
 Вот стайка плюшевых старух, что обсуждают дождик мелкий,
 Их руки, их усталость рук – сеть грубых трещин на побелке,
 Деды с окладами бород (фуражки сдвинуты на темя)...
 Когда-то вера и народ, теперь – неверие и племя.
 Вновь пересадка. Мы стоим, висим, лежим селёдкой в банке...
 Часовня. Едковатый дым. И бабушка на полустанке.

ПРОГНОЗ

Вдоль дороги рассыпан, как листья, надоевший до смерти пейзаж.
 За подкладкой – звон мелочи. Мысли не о том, что изношен пиджак,
 Не о том, что ухабисто небо и туманом размыт горизонт,
 Что расшатаны нервы, как вербы на пригорке, похожем на зоб.
 Лес гудит корабельною снастью, стаи ласточек-береговух
 Обещают, что будет ненастье: ветер, ливень, гроза после двух –
 После двух или трёх пополудни (точно выверен птичий прогноз),
 Шмель-пастух, щёлкнув розгою зычно, гонит стадо журчащих стрекоз.
 На воде без особенной цели удит ваш непокорный слуга
 Лихо рыбу, но вдруг потемнели недовольной реки берега!
 Лодка быстро скользит перекатом, а на самом высоком холме
 Пусто место становится свято, словно яркое пламя во тьме!
 Как дочинят монахи обитель, отсусалят церковью купола,
 Я зайду к ним, продрогший, на сбитень – поболтать про Христовы дела.

Берега Поволжья

Юрий Семендер

Юрий Семёнович Семендер – родился в 1941 году в Красноармейском районе Чувашской АССР. Окончил Цивильское культурно-просветительское училище и Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. Дважды – в качестве младшего командира и офицера-политработника – проходил службу в Советской армии. Член Союза писателей СССР с 1973 года. С 1974 по 2005 год – главный редактор журнала «Ялав». Народный поэт Чувашской Республики. Награждён орденом Дружбы (1996), медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2011).

Перевод Аристарха Дмитриева

ВОЛЖСКИЙ СОНЕТ

Из-за плодов осеннего ранета
Как хорошо за Волгой наблюдать!
Её просторы – это благодать,
Труд вдохновенный с самого рассвета.

О Волга-мать, любимая безмерно!
Вот ластится игривая волна,
Такой порыв души сулит она –
Словами и не выразить, наверно...

Здесь оживает память всех времён:
Вольнолюбивый дух твой, Стенька Разин,
Над волнами парит напрасно разве?

О мать-река! Тобою окрылён,
Зелёным наслаждаюсь побережьем
И чувствую: я молод, как и прежде.

НАКАЗ

Когда за полдень жизненные сроки,
Чем больше лет, тем меньше сил у нас.
Уж таковы, друзья, судьбы уроки,
Поэтому примите мой наказ.

Вам мой наказ, сыны земли чувашской,
Даю наказ, красавицы, и вам...
Чтоб вечно длиться молодости вашей,
Чтоб не иссякнуть добрым временам.

Да чтоб румянцем полыхали лица
И кровь кипела пламенно в груди.
Пусть перед вами щедрая зарница
Чувашским чудом вспыхнет впереди.

Благословляю вас любить счастливо,
На светлый труд благословляю вас:
В весенний час засеять злаком ниву
И урожай снимать в осенний час.

Вам – голубые покорять высоты,
Вдыхая аромат целебных трав.
Но знайте, прежде крылья для полёта
Должны пройти закалку на ветрах.

Пусть обернётся сладким мёдом в слове
Мелодия родного языка,
Чтоб помыслы души, как будто внове,
Стозвонным эхом шли через века.

В делах вам чувства общности желаю,
Да вдохновит порыв артельный вас.
С надеждой низко голову склоняю,
С надеждой нынче вам даю наказ.

* * *

Из Берлина в Москву, из Москвы
на Канаш,

После поезда авто – и Траки,
С магистрали – на Таныши;
сельский пейзаж:
Тарахтя, тащит сеялку трактор.

Наша улица. Глухо ворота скрипят,
Три десятка шагов – и у хаты.
После службы трёхлетней вернулся назад –
Поклонилась берёза солдату.

ТРИ ВОПРОСА

Филолог, словно вольный сокол,
С тобой парит родная речь.
Ты видишь мощь её истоков –
Залог грядущих завтра встреч.
Игрой словесной увлечённый,
Скажи-ка мне, коллега, где ж
Пока в склоненье не включённый
У нас любительный падеж?

Апостол, истину святую
Ты заронил в сердца людей.
И жить, про совесть памятуя,
Их учишь верою своей.
Крещусь и с поясным поклоном
Прошу меня благословить,
Однако будет ли влюблённым
Евангелие от любви?

Мой Президент, считал всегда ты
Великим благом красоту.
Цветёт земля, звучит соната,
И взгляд настроен на мечту.
Порыв к прекрасному неистов,
Как юность вечная в крови,
Скажи, войдёт ли в стан министров
Министр по делам любви?

МОМЕНТ

Стоит поэт черниговский – Репьях,
Двенадцать пушек перед ним застыли.
Двенадцать стихотворцев второпях
Вот-вот появятся – не позабыли.

Блестит сурово дюжина стволов
Под солнечными вешними лучами.
А вот и части прибыли без слов,
Все как одни – с горячими сердцами.

Своеобразный дружеский союз
Посланников двенадцати народов:
Исаев – русский, Свирка – белорус,
Файзуллин – из татар, я – ваш по роду.

– Пусть каждый к пушке подойдёт своей,
Вот будет историческое фото!
– Как здорово! Ведь с Музой наших дней
И бог войны готов дружить охотно.

Момент: стоят двенадцать пушек в ряд
И столько сыновей народов разных.
Глаза у всех, как у бойцов, горят...
Поэты и солдаты дарят праздник.

* * *

Я – старый лицедей. Планета – сцена,
Вращается который год подряд.
Гомер, Эсхил, Шекспир и Авиценна
С нахмуренным челом за ней следят.

Я с высоты двадцатого столетия
Распутываю мировой сюжет,
Пусть разум человечества ответит,
Какой в борьбе добра и зла секрет.

Благословенно истины исканье –
Лишь поиск раздвигает окоём.
Но интеллект – как молнии сверканье –
Зачем двоится на пути своём?

Добро лишь три шага пройти успеет,
Зло тут же – все четыре вперекор;
Или едва край неба заалеет –
Уж ночь ему выносит приговор.

Пока луна и солнце, как две ramпы,
Показывают сцены поворот,
Сумеешь, друг мой, убедиться сам ты:
Неукротим противоречий ход.

Цветенье мака нежное... Откуда
Берётся в этой нежности дурман?
Из конопли такое ткётся чудо!
А для тебя – лишь саван, наркоман.

Лежит в земле и зёрнышко ржаное,
И тот нейтрон, который служит злу.
Так и поэт сбивается порою
С проникновенной оды на хулу.

Сосёт ли грудь новорождённый гений –
Уж дьявол завлекает в свой вертеп...
Вращается планета. А на сцене
Идёт трагикомедия судеб.

* * *

А-а, колыбель качается,
Мир вокруг неё вращается.
Баю-бай, баюшки,
Зыбка – что игрушка,
Из рябины – дужка...

А-а, свадьба отмечается,
Мир вокруг неё вращается.
Баю-бай, баюшки,
Зыбка – что игрушка,
Из рябины – дужка...

А-а, гробом всё кончается,
Мир вокруг него вращается.
Баю-бай, баюшки,
Зыбка – что игрушка,
Из рябины – дужка...

У РОДНОЙ ОКОЛИЦЫ

Ветвистой яркой молнии вдогонку
Звучит с небес раскатисто хорал.
В честь праздника моей деревне звонко
Семик под вечер шлёт святой сигнал.

Скорей в избе хотел бы очутиться,
Пока стекать не стало со стрехи.
Мне очень даже надо помолиться –
Пускай исчезнут старые грехи.

Ошибки совершал я ненароком,
Не помышляя о такой судьбе.
Край отчий, это будет мне уроком –
Под небосводом я клянусь тебе.

Простите, родники, что не стихали,
Прости, родных полей цветущий вид:
Один негодник одержим стихами,
Но вас он свято в памяти хранит.

Ценю я ваши добрые посулы,
Дающие плоды в заветный срок.
Пускай зовёт к себе курган, как Улып¹,
Пусть родником журчит сосновый лог.

Вот облака уплыли. Воздух ясен
От поднебесных серебристых вод.
И отрясает капли стройный яшень,
И по деревне дух блинов плывёт.

Слегка полынной свежестью обдало,
И перестали ласточки летать,
Вот радуги соцветье заблистало,
Уж не меня ли хочет приласкать?..

ЗЫБКА

Под тихий мамин голосок
Мне в зыбке было хорошо.

Потом – уютная изба,
Уже не зыбка, а судьба.

Когда окрепли два крыла,
Та зыбка рядышком плыла.

И до сих пор она плывёт,
Меня всегда с собой зовёт...

Шестой десяток за спиной,
А зыбка всё равно со мной.

И всё мне нынче по плечу.
Родимый край, с тобой лечу.

ПЕРО АЙГИ

Перо Айги скользит не быстро.
На белом поле – чёткий след.
Воспоминаний честных искры
Мелькают, словно белый снег.

О дух серебряного века!
Триумф поэзии увлék.
Есенин, Северянин – вежа,
На небеса нацелен Блок.

В походе Гумилёв тем часом
Под звон ахматовской струны,
А Маяковский рубит басом,
Цветаева же видит сны.

Потом и Хлебников вступает
В свой дивный персональный круг,
С Каменским что-то обсуждает
Мудрец поэзии Бурлюк...

Поэт... Порой он – как светило,
Порой на сумерки похож.
Влечёт такая к звёздам сила,
Что удержаться нестерпёж.

Скользит перо Айги упорно,
Поэт не может устать.
И манят образы – узоры
Народной вышивке под стать.

ОЧНИСЬ, ЧУВАШ!

Очнись, чуваш!
Опять впадаешь в дрёму,
Опять забыл ты Сеспеля призыв:
Кто твоему сулит невзгоды дому,
Тот хочет уничтожить твой язык.

---

¹ Улып – герой чувашского эпоса.

Очнись, чуваш!
Иным и взятки гладки,
Одни посулы раздавать хотят.
Не поддавайся обещаньям сладким –
Опасен чужеродный этот яд.

Очнись, чуваш!
Шаги хапуг всё ближе,
Они по части воровства сильны:
Чтоб поживиться где-нибудь в Париже,
Им подавай узоры старины.

Очнись, чуваш!
И вспомни поговорку:
Что с жадностью корова в рот суёт?
Не сена клоч и не сухую корку –
А смачно книгу детскую жуёт¹.

ИДУЩИЕ С КРЕСТОМ

Идут
Холмистою дорогой,
А дальше – ровней места.
Поют спокойно и строго
С надеждой на милость Христа.

Старцы тут
И молодки –
Эти чуть смущены.
Молитву творят по ходу –
К вере приобщены.

Подростки твёрдо ступают,
Зовёт их жизни стезя
К звёздам, где вечно летают
Ангелы – их друзья.

Пророки
Шествуют тоже:
Пётр, Павел, Исай...
Благослови, Матерь Божья!
Иисус, сил придай!

Бог.
Пусть ныне, как прежде,
Он для смертных незрим,
Есть Он – наша надежда!
С Ним мы зло укротим.

Идут.
Крест святой над ними,
Сильней которого нет.
Чем ближе Всевышний ныне,
Тем ярче духовный свет.

---

¹ «Чувашскую книгу корова съела» – так гласит народная поговорка.

Берега Поволжья

Галина Матвеева

Галина Алексеевна Матвеева (псевдоним, в замужестве Антонова) – родилась в 1957 году в д. Азим-Сирма Вурнарского района Чувашской АССР. В 1980 году окончила факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Работала в редакциях республиканских газет «Хыпар» («Весть», 1980–1999), «Хресчен сасси» («Голос крестьянина», 1999–2003), «Советская Чувашия» (2003–2006). С 2007 по 2013 год была заместителем главного редактора Чувашского книжного издательства, с 2014 года – ведущий редактор редакции художественной литературы. Автор семи книг для детей и юношества. В её переводе с русского на чувашский язык издано более десяти книг для юных читателей. Под её редакцией и в её составлении выпущено немало книг для детей школьного возраста и художественной литературы для взрослых.

Член Союза журналистов России (1983), член Союза писателей России (2019). Победитель республиканских и всероссийских конкурсов журналистов, лауреат Республиканской журналистской премии им. С. В. Эльгера (2007), трижды становилась победителем республиканского конкурса рукописей книг для детей и юношества (2012, 2015, 2018). Заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2012).

Перевод А. Растворцева и Л. Симоновой

* * *

Много ль счастья нам с тобою нужно? –
Чтоб в объёме крыльев поместилось,
Как у тех двух лебедей, что дружно
Друг за другом на реку спустились...

Лебединый век свой проживают
Лебеди, крылом крыла касаясь, –
Только раз любимых выбирают,
Ни на миг потом не расставаясь...

...Даже если нас порой суровой
Смерть от выстрела заставит разлучиться –
Всё равно хотела б в жизни новой
Белым лебедем на землю возвратиться.

ПЕРВОЕ СЛОВО

Сынок мой птицу увидал в окне,
Ручонками к ней тянется упрямо.
На птаху глядя, объясняет мне,
Восторженно одно лепечет: «Мама!»

Вот одуванчик на пути возник,
И засияла солнечная гамма.
И снова изумлённый детский крик,
Малыш, к цветку склоняясь, щебечет: «Мама!»

Пока его не клонит сладкий сон,
Готов в окно смотреть до ночи самой.
И пальчиком указывает он
На ясный месяц, повторяя: «Мама!»

Родник и птицу, солнце и цветок –
Всё мамой называет мой сынок.
А слёзы и улыбку малыша
Поймёт лишь материнская душа.

* * *

Жёлтый лист закружится – на траву опустится.
Подниму с земли его – спрячу до зимы.
Он зимой холодною по теплу соскучится –
Листопадным золотом мне войдёт во сны...

Мысль кольнёт неожиданная – то не листья
падают! –
Опадают юности золотые дни...
Как мне их падение удержать – не знаю я –
Грустью нежной светлою помнятся они...

Потерявши молодость – по листве не плачется.
Утешенье горькое в ягодах найду...
Моё счастье девичье в листопадах прячется –
Нелюбимой с суженым по судьбе иду...

ВЕТКА НА ВЕТРУ

Бездушные ветра сырой порой
Льнут к деревьям на ветках покачаться,
И очень страшно ветке молодой
В объятьях стылых ветров оказаться.

А по ночам морозы и дожди
Ей дарят платья изо льда и снега...
Но ты тепла в тех жемчугах не жди, –
Они – беда для хрупкого побега.

Когда же солнце трепетным лучом
Коснётся ветки, утешая в горе, –
Нет, не вода – а слёзы льют ручьём,
И вкус тех слёз необычайно горек...

...Прости меня, тебе ведь невдомёк –
От слов любви душа моя рыдает!
Я – ветка на ветру. И этот рок
Тепло любви ко мне не допускает...

* * *

Какой пушистый нежный снег идёт,
В нём радость и предчувствие печали.
Неужто он дорогу заметёт,
Ту, по которой мы пройти мечтали?..

Жизнь – словно свиток тайного холста,
Не разглядеть грядущего вначале.
Была уже разлука так близка,
Но я своей не выдала печали.

Ты уезжал... И падал нежный снег,
Казалось, он мою врачует рану.
И от колёс твоей машины след
Напомнил мне в тот миг узор сурбана¹.

* * *

Мы всей душою с детства любим мать.
И боль, и радость мы приносим маме,
Но сможем долю матери понять,
Когда её сполна познаем сами.

Хлеб-соль и наставления отца,
Тепло семьи, изведанные нами,
Почувствуем, оценим до конца,
Когда отцовский путь познаем сами.

Когда хоть раз птенец не упадёт,
Он на крыло не сможет опереться.
И мы, познавши горький вкус невзгод,
Свою дорогу выбираем сердцем.

¹ Сурбан – женское головное покрывало.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Сохрани нам, о Боже, рассветы в грядущем...
Помним предков наказы, храня нашу речь,
И растим, как завещано, хлеб наш насущный,
Самобытность земную стараясь сбересть.

В каждом сердце девичьем, как зоренька в поле,
День заветный, в котором Всевышнего власть,
Сколько надо изведать и счастья, и боли,
Чтобы новая жизнь на земле началась!

На родном языке вновь зовёт свою маму
Та, что в муках дитя посылает на свет.
Колыбельная нежность до капельки самой,
Как родник, не смолкает с течением лет.

Мой чувашский народ, славный, благословенный,
Расправляй свои крылья дубраве под стать,
Чтобы Песня всех Песен – наш Гимн
во Вселенной –

Колыбельная нежность звучала опять.

* * *

«Кажется, мы виделись. Забыли?..
Запах свежей хвои... Новый год...
Это вы со мной в тот вечер были?..
И лицо точь-в-точь, и голос тот.
Нет? Не вы? Как жаль...»
В глазах – смущенье.
Вот неожиданный объявился «брат»:
«Вы – моя сестра! Прошу прощенья.
Я такому сходству очень рад».
Нет, его сестру зовут иначе.
Может, я на свет пришла, как знать,
Чтоб решать особую задачу:
Любям о родных напоминать.
И с тобой в тот вечер танцевала
Та, что так похожа на меня.
Я твоею суженой не стала,
В сердце не смогла зажечь огня.
Не хочу идти по жизни лишней,
И душа тоскует: где же тот,
Что меня в людском потоке ищет
И во мне меня лишь обретёт?..

* * *

Цветок домашний, что цветёт в горшке,
Бойся одиночества, как мрака, –
Он семена, созревшие в стручке,
«Выстреливает» с лёгким треском на пол...
Но там, забыв, как в юности цвела,
Мечту сметает дряхлая метла...

Берега Поволжья

Станислав Садур

Садур (псевдоним, настоящая фамилия Никоноров) Станислав Николаевич – поэт, критик, публицист, переводчик. Родился в 1959 году в деревне Оженары Канашского района Чувашской Республики. Окончил историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. Член Союза писателей России. Автор семи поэтических книг и участник ряда альманахов, коллективных сборников (в том числе международного альманаха «Скандинавия – Поволжье»). Публиковался в чувашских литературно-художественных журналах. Лауреат международной литературной премии им. Васyleя Митты.

О творчестве С. Садура доброжелательно и благоприятно отзывались в разное время в разных печатных изданиях многие видные деятели науки и культуры Чувашской Республики. Метро-ритмические поиски С. Садура стали объектом диссертационного исследования. Произведения С. Садура интересны в сочетаниях их поэтики и традиций восточного классического стиха.

Перевод А. Растворцева

* * *

Родной очаг, своё тепло
ты, – незабвенный, – отдавал прадеду,
прабабушке с тобой было светло...
Ты согрел
отца и мать,
я твоего тепла изведаль,
блаженствовало здесь моё дитя,
преобратив огонь в опору сердца.
Так неужель я схлыну, как волна?
и погашу тебя?
(и стану иноверцем?).
Ведь память
кровью изойдёт
моя:
родной очаг,
крючок, что над тобою,
сегодня ночью целовал во сне я!..

* * *

Ой, почки,
цветы,
плоды –
жизнь, как единое целое! –
все её циклы важны! –
не может быть жизнь скороспелюю...
Я – воплощённая жизнь – от сотворенья
до зрелого!..

* * *

Я взглядом гунна в коннице Атиллы
Смотрел на мир – и помню, как всё было:
Ложился мир под вздыбленных коней!
И у меня, с тех самых давних дней,
От бешеного ржания коней
Сильнее кровь бежит по жилам!..

* * *

Осень.
На пригорке голом
Ветер, как скрипач,
Из высохшей сосны, стоящей колом,
Извлекает леденящий плач...

* * *

Однажды рыба ненароком
над гладью озера взметнулась.
Ей захотелось свежим оком
узреть: как жизнь там развернулась?
Взметнулась, воздуха глотнула –
едва-едва не задохнулась
и тут же в озеро нырнула...
Старик-рыбак её заметил.
И, горемыка, он отметил,
Как жить спешил,
как в постоянном страхе жил!..

* * *

Я – пилигрим. Я по земле скитаюсь,
куда-то постоянно устремляюсь:
вчера я шёл вперёд, а через год – назад... –
я земли вкривь и вкось собою изрезаю! –
жизнь жнёт серпом года мои подряд –
как жатвы полоса
я в жизни убываю!..

* * *

У Времени нет прошлого
и нынешнего нет,
и будущее не оставило во Времени свой след...
Жизнь – мелкие вкрапления среди вечности
планет

и ими и останется
среди росчерков комет... –
пока жива Вселенная,
есть Сила и есть Свет!..

* * *

В нас
вдыхает Вселенная душу.

Мы – душа её! –
истины храм!

Так зачем же
мы равенство рушим,

разбредясь
по различным церквам?!

* * *

Я, по миру скитаясь,
постарел, изнаосился.

К лунной деве, смущаясь,
ныне в ночь напросился.

И всё так же
она молодая, как счастье!
И фигурой стройна!

Стар, как грех, я!..

* * *

Из-под вышивки красивой
на твоей груди
стуком сердца
прорывается любовь –
и глазами лучезарными глядит
удивлённо
поднимая счастьем
бровь!..

* * *

Время, ты, будто бы парусный бриг,
В завтрашний день ускользаешь в беспечности!
И оставляешь на жизнь только миг –
Кинув его нам из вечности!..

* * *

Я
На траву у дерева, помедлив, опустился.
Спиной откинулся на ствол –
И взглядом в глубь веков ушёл,
Без слов в дорогу устремился!
Как странно,
может ли так быть? –
Там мои мысли продолжают жить!..

* * *

Новая заря.
И новые с ней – мысли.

Пусть будут только добрыми они,
чтоб благородными делами проросли
моей печали просветлённой
выси!..

* * *

В зимнем поле – покой, ныне ж летние травы
в этом поле шумят,
делят тайны со мной
и ласкают мой слух сладострастной отравой, –
я,
устав, возвращаюсь –
весёлый...
другой!..

Берега юбилеев

Владимир Захаров

Владимир Николаевич Захаров – доктор филологических наук, профессор, почётный президент Международного общества Достоевского.

СИБИРСКАЯ ПАСХА ДОСТОЕВСКОГО

К 200-летию Ф. М. Достоевского

22 декабря 1849 года Достоевский пережил смерть и второе рождение.

Он стоял во второй очереди на расстрел и был уверен, что через несколько минут «будет с Христом». Нежданное помилование он пережил как воскресение. Позже он не раз вспоминал это событие в романах и в разговорах с современниками, но впервые о нём было рассказано в письме к брату, написанном в этот поразительный день:

«Ведь был же я сегодня у смерти три четверти часа! прожил с этой мыслью, был у последнего мгновения и теперь ещё раз живу!» (Д18, XV. Кн. I: 112)¹.

Так в жизни Достоевского впервые сошлись Голгофа и Пасха.

Он ощутил себя новым человеком. Предчувствием новой жизни пронизано ликующее прощальное письмо брату перед отправкой в Сибирь из Петропавловской крепости:

«Брат! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть, – вот в чём жизнь, – в чём задача её. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да правда! <...> во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить и страдать и желать и помнить – а это всё-таки жизнь!» (Д18, XV. Кн. I: 112).

Он сознавал, что его отправляют на каторгу, но будущая жизнь была окрашена светлыми ожиданиями:

«Нет жолчи и злобы в душе моей, хотелось бы так любить, и обнять хоть кого-нибудь из прежних, в это мгновение. Это отрада, я испытал её сегодня, прощаясь с моими милыми перед смертью. <...> Жизнь дар, жизнь счастье, каждая минута могла быть веком счастья» (Д18, XV. Кн. I: 113).

Эта радостная эйфория вспомнилась ему и четыре года спустя, уже после выхода из каторги, – вспомнилось, как в праздничные дни от Рождества до Крещения везли его, Дурова и Ястржембского из Петербурга в Тобольск по необъятной России.

В Тобольском тюремном замке арестанты пробыли с 9 по 20 января 1850 года. Здесь они почувствовали «живейшую симпатию» «ссылных старого времени» и их жён. Декабристы и чиновники с деятельным участием встретили новых страдальцев. Жёны декабристов окружили узников своей заботой. Дочь тобольского прокурора, лекари, смотритель острога, даже жандармы были вовлечены в их хлопоты.

Достоевский вспоминал:

«Они (жёны декабристов. – В. З.) благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили евангелием – единственная книга, позволенная в остроге» (Д18, XI: 13).

Одарили Евангелием каждого узника совести, но именно Достоевского преобразила принятая в страданиях Благая Весть. Он через всю жизнь пронёс тобольский дар, который сокровенно и символично связал декабристов и петрашевцев, стал залогом его будущего «перерождения убеждений» и духовного возрождения, основанием его «новой жизни».

Началась эта жизнь заточением и «погребением» на четыре года в Омском остроге.

¹ Здесь и далее произведения Достоевского цитируются в авторской пунктуации в тексте статьи с указанием Д18, тома и страницы по изд.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005. Т. 1–18.

Как он жил эти годы, Достоевский рассказал в «Записках из Мёртвого Дома», почти семь лет спустя, но первый подступ к мемуарам о каторге был в письме брату Михаилу, которое он писал более трёх недель вскоре после выхода из Омского острога – с 30 января по 22 февраля 1850 года (так долго он писал это письмо, пытаясь высказать брату то, что он пережил за четыре года!).

Достоевский вспоминал каторгу с разными чувствами, зачастую тягостными:

«...те 4 года, считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу» (Д18, XV. Кн. I: 127).

В письме Н. Д. Фонвизиной, написанном в то же самое время, он признавался:

«Вот уже очень скоро пять лет как я под конвоем или в толпе людей, и ни одного часу не был один. Быть одному это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником. Общество людей делается ядом и заразой, и вот от этого-то нестерпимого мучения я терпел более всего в эти четыре года. Были и у меня такие минуты, когда я ненавидел всякого встречного, правого и виноватого, и смотрел на них, как на воров, которые крали у меня мою жизнь безнаказанно. Самое несносное несчастье, это когда делаешься сам несправедлив, зол, гадок, сознаёшь всё это, упрекаешь себя даже – и не можешь себя пересилить. Я это испытал» (Д18, XV. Кн. I: 123).

Прежде других писатель был готов обвинять самого себя, но правдой было и то, что пришлось жить в обстановке ненависти к дворянам:

«С каторжным народом я познакомился ещё в Тобольске, и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Это народ грубый, раздражённый и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому, нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали: Впрочем посуди велика ли была защита, когда приходится, жить, пить-есть, и спать с этими людьми несколько лет, и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностью всевозможных оскорблений, “Вы дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был<, > народ мучил, а теперь хуже последнего, наш брат стал” – вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которого они не могли не понимать и уважали и неподклонимостью их воле. Они всегда сознавали, что мы выше их. Понятия об нашем преступлении они не имели. Мы об этом молчали сами, и потому друг друга не понимали, так что нам пришлось выдержать всё мщение и преследование, которым они живут и дышат, к дворянскому сословию. Жить нам было очень худо» (Д18, XV. Кн. I: 117).

И эти слова не исчерпывают всей правды.

Достоевский был благодарен судьбе, что научился отличать среди разбойников замечательных людей:

«Впрочем люди везде люди. И в каторге между разбойниками, я, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото. И не один, не два, а несколько. Иных нельзя не уважать, другие решительно прекрасны» (Д18, XV. Кн. I: 119).

На каторге он *узнал народ*:

«Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего чёрного, горемычного быта! На целые томы достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его. Но это моё маленькое самолюбие. Надеюсь, простительно» (Д18, XV. Кн. I: 119).

Это знание отличает Достоевского от всех писавших и пишущих о народе: для него народ не был предметом изучения. Достоевский не только жил с народом, разделил его судьбу и верования – *он сам был народом*.

Каторжная, полная лишений жизнь была для него испытанием, физическим и духовным.

Отправляясь на каторгу, Достоевский обещал:

«Теперь переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, всё утешение моё» (Д18, XV. Кн. I: 113).

Ожидание исполнилось – на каторге произошло «перерождение убеждений». Суть того, что случилось, Достоевский выразил ёмкой формулой: «Идеи меняются, сердце остаётся одно» (Д18, XV. Кн. I: 148).

«Перерождение убеждений» – трудная тема и для самого Достоевского, о чём он писал брату:

«Что сделалось с моей душой, с моими верованиями, с моим умом и сердцем в эти четыре года – не скажу тебе. Долго рассказывать. Но вечное сосредоточение в самом себе, куда я убежал от горькой действительности, принесло свои плоды» (Д18, XV. Кн. I: 118).

А. Н. Майкову он признавался в невозможности высказаться на бумаге:

«Тут нужно говорить глаз на глаз, чтоб душа читалась на лице, чтобы сердце сказывалось в звуках слова. Одно слово, сказанное с убеждением, с полной искренностью и без колебаний, глаз на глаз, лицом к лицу, гораздо более значит нежели десятки листов исписанной бумаги» (Д18, XV. Кн. I: 147).

О «перерождении убеждений» он писал товарищу по Инженерному училищу Э. И. Тотлебену:

«Я был осуждён законно и справедливо; долгий опыт, тяжёлый и мучительный, протрезвил меня и во многом переменил мои мысли» (Д18, XV. Кн. I: 162).

И далее:

«Мысли и даже убеждения меняются, меняется и весь человек, и каково же теперь страдать, за то чего уже нет, что изменилось во мне в противоположное, страдать за прежние заблуждения, которых неосновательность я уже вижу сам, чувствовать силы и способности, чтоб сделать хоть что-нибудь для искупления бесполезности прежнего и – томиться в бездействии!» (Д18, XV. Кн. I: 163).

Исчезли «заблуждения» и «ошибки ума», но остались «убеждения сердца». Изменились политические воззрения, но сам писатель утвердился в идеале и в «новых» идеях, многие из которых он высказывал и до каторги.

Свои новые гражданские убеждения Достоевский засвидетельствовал в цикле стихотворений, которые были написаны в 1854–1856 годы по разным поводам политической жизни России: на европейские события (1854), на день рождения вдовствующей императрицы Александры Фёдоровны (1855), на коронацию Александра II и на заключение мира (1856).

В этих стихах Достоевский выразил выстраданные идеи о России и Европе, об исторических судьбах и назначении России, о Христе и христианстве, Церкви и Православии, власти и самодержавии.

Важный поэтический принцип всех стихотворений – принцип уподобления: современные политические испытания уподоблены войне двенадцатого года, испытания России – страданиям Христа, Церковь – Телу Христову, вдовствующая императрица-мать – Богоматери, вступающий на престол царь – Петру I.

Политический повод каждого стихотворения конкретен. Откликаясь на «всесветную беду» Крымской войны, Достоевский продолжил давний, ещё пушкинский спор с «клеветниками России», которые не знают и не понимают России, её истории и предназначения.

Его гневные ямбы обличают предавших Христа и единоверных братьев. Для него противоестествен союз Франции и Англии с Турцией, он характеризует кризис западного христианства:

«Христианин за Турка на Христа!
Христианин, – защитник Магомета!» (Д18, III: 9).

Проповедь Достоевского ясна и вдохновенна. Не политическая корысть, но призвание Христа возродит Францию и Англию и возвысит униженные народы. Христианской этике Достоевского чуждо разделение народов на первые и вторые, первые и последние, возвышенные и униженные, избранные и отверженные – для него все народы равны в своей ответственности перед Богом и Христом.

Идеал и идея России – Святая Русь. В этом убеждении заключена русская идея Достоевского. Она спасительна и пасхальна:

«Спасёмся мы в годину наваждений.
Спасут нас крест, святыня, вера, трон!» (Д18, III: 7).

Так метафорически выражена известная триада «Православие, Самодержавие, Народность», но «народность» в размер не попала, вместо неё названы «крест» и «святыня» (судьба и призвание России).

Для Достоевского назначение России состоит в христианском служении другим народам. Она спасает слабых, «всему младую жизнь даёт»; властвуя, возрождает порабощённые славянские земли, защищает отуреченный Царьград, поруганную Святую Землю, Азию, где живут народы, ждущие заступничества России.

В стихах выражено представление о России как об опоре и надежде Православия, о Царьграде как мировой столице Православия, о Христе как грозном Судии и милостивом Спасителе, о православном Царе как справедливом защитнике обиженных и угнетённых. В них сформулирован почти весь комплекс новых политических идей Достоевского.

18 февраля 1855 года, в разгар Крымской войны, умер Николай I. Достоевский в числе прочих участвовал в панихиде, которая была отслужена в Семипалатинске. Личными переживаниями по этому поводу проникнуто послание Достоевского вдовствующей императрице Александре Фёдоровне по случаю её скорбного дня рождения – первого без мужа.

По-христиански автор признателен почившему монарху за наказание. Покаяние открывает сокровенную правду «перерождения убеждений»: отказ от заблуждений, осознание,

«Что снова Русский я и – снова человек!» (Д18, III: 11).

Достоевский пророчит славное предназначение Александре Фёдоровне, напоминает ей о том, что она не только вдова покойного императора, но и мать вступающего на престол царя.

Его пожелание:

«Для счастья Его и нашего живи,
И землю Русскую, как мать благослови» (Д18, III: 12).

Третье стихотворение написано на заключение мира и коронацию Александра II.

«Эпоха новая пред нами.
Надежды сладостной заря
Восходит ярко пред очами...
Благослови Господь Царя!» (Д18, III: 13).

Четырёхстопный ямб гибко и чутко настраивается то на приветствие, то на молитву, то на оду, то на научение, то на клятву.

Ожидание нового царствования связывается с началом «славных дел Петра», который назван в качестве примера и дан пока в положительном свете.

В молитве за царя выражены монархические убеждения Достоевского. Достоинство его концепции власти состоит не в том, что она оригинальна или содержит какие-то новые аспекты, но в том, что у неё есть тысячелетние основания: власть в России всегда олицетворена, у неё всегда есть лицо, она авторитарна и авторитетна.

В стихах этого поэтического цикла впервые столь откровенно и зримо проявляются религиозные чаяния Достоевского, его представления о Боге и Христе, его взгляд на Россию и мировую историю – *взгляд совершенного христианина*.

Неуместны сомнения в искренности Достоевского тех, кому не нравятся политические взгляды писателя. Всей жизнью он доказал искренность своих поэтических деклараций и новых политических убеждений. Они были неизменны в жизни и творчестве писателя. *В них сформулирована новая программа его литературной и гражданской деятельности*.

На смену «вольнлюбивым мечтам» пришло «почвенничество».

Всем сердцем писатель воспринял народную правду и веру.

Менее всего Достоевский был склонен идеализировать народ, но в грубых, грязных, подчас страшных людях он разглядел идеальное лицо народа.

Он принял каторгу как очистительное страдание, сопричастное Голгофе и воскрешению Христа. На каторге он узрел Лик Христа:

«...идеал народа – Христос. А с Христом конечно и просвещение, и в высшие, роковые минуты свой народ наш всегда решает и решал всякое общее всенародное дело своё всегда по-христиански» (Д18, XII: 334).

Вот главный пункт новых убеждений.

Это выразилось в личном символе веры, который Достоевский изложил Н. Д. Фонвизиной в письме, написанном одновременно с письмом брату из Омска:

«Я скажу вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И однакоже Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю, и нахожу что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот Символ очень прост, вот он: верить что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе что и не может быть. Мало того если б кто мне доказал что Христос вне истины, и действительно было бы что истина вне Христа, то мне лучше хотелось-бы оставаться со Христом нежели с истиной» (Д18, XV. Кн. I: 122).

Некоторых читателей смущает парадокс Достоевского – условное противопоставление Христа и истины, но смысл риторической фигуры «Христос вне истины» и «истина вне Христа» как раз и состоит в убеждении и утверждении: Христос есть Истина, и истина – Христос.

О перерождении убеждений Достоевский говорил с другом юности А. Н. Майковым. Эту тему затронул сам товарищ по делу Петрашевского, не попавший в 1849 году под жернова юстиции. В письме он признавался, что много передумал и пережил с тех пор, отказался от прежних убеждений, стал другим.

Достоевский был удивлён суждениям друга:

«Читал письмо ваше и не понял главного. Я говорю о патриотизме, об русской идее, об чувстве долга, чести национальной, обо всём, о чём вы с таким восторгом говорите. Но, друг мой! Неужели вы были когда-нибудь иначе? Я всегда разделял именно эти же самые чувства и убеждения. Россия, долг, честь? – да! Я всегда был истинно русской – говорю вам откровенно» (Д18, XV. Кн. I: 148).

Достоевский недоумевал:

«Что же нового в том движении, обнаружившемся вокруг вас, о котором вы пишете как о каком-то новом направлении? Признаюсь вам, я вас не понял. Читал ваши стихи и нашёл их прекрасными; вполне разделяю с вами патриотическое чувство нравственного освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери. Как хорошо окончание, последние строки в вашем Клермонтском Соборе! Где вы взяли такой язык, чтоб выразить так великолепно такую огромную мысль? Да! разделяю с вами идею что Европу и назначение её окончит Россия. Для меня это давно было ясно. Вы пишете, что общество как бы проснулось от апатии. Но вы знаете, что в нашем обществе вообще манифестаций не бывает. Но кто ж из этого заключал когда-нибудь, что оно без энергии?» (Д18, XV. Кн. I: 148–149).

Он призывал поэта и друга:

«Осветите хорошо мысль и позовите общество и общество вас поймёт. Так и теперь: идея была освещена великолепно, вполне национально и рыцарски – (это правда, надо отдать справедливость) – и наша политическая идея, завещанная ещё Петром, оправдалась всеми. Может-быть вас смущал и смущал ещё недавно наплыв Французских идей в ту часть общества, которое мыслит, чувствует и изучает? Тут была и исключительность, правда. Но всякая исключительность по натуре своей вызывает противоположность. Но согласитесь сами что все здравомыслящие, т. е. те которые дают тон всему; смотрели на Французские идеи со стороны научной, – не более, и сами, может быть даже преданные исключительности, были всегда Русскими. В чём же вы видите новизну?» (Д18, XV. Кн. I: 149).

Задав эти риторические вопросы, Достоевский исповедал свои убеждения:

«Уверяю вас, что я например до такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, – это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать

не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его: ибо был сам русской» (Д18, XV. Кн. I: 149).

Что это была за «практика», в которой русский узнаёт русского, понимает, что и «разбойник» – «брат по несчастью»? Очевидно, что «свой» и «чужой» здесь определялся не по языку и внешнему облику, а по «великодушию», «по сердцу», «по совести»:

«Несчастье моё дало мне многое узнать практически, может быть много влияния имела на меня эта практика, но я узнал практически и то, что я всегда был русским по сердцу. Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, т. е. действовать против своего убеждения» (Д18, XV. Кн. I: 149).

То, что роднит Достоевского и его «братьев по несчастью», уже было явлено во время распятия на Голгофе.

«Перерождение убеждений» стало обретением духовной «почвы», народной правды, осознанием Истины и полным приятием Христа и Евангельского Слова.

Важную роль в перерождении убеждений сыграло Евангелие, подаренное жёнами декабристов. Декабристы и их жёны не оставляли своей заботой «узников нового времени» в Омском остроге. С ними Достоевский секретно переписывался, а Прасковья Егоровна Анненкова даже смогла посетить его во время заточения.

Каторжное Евангелие вобрало в себя следы многолетнего чтения и раздумий писателя над страницами вечной книги, впитало каторжный пот и грязь, сохранило пометы карандашом, чернилами, сухим пером, ногтем, загибы страниц. Эти пометы, видимые и невидимые, в полном смысле превращают Книгу в дневник перерождения старых и рождения новых убеждений.

В Евангелии Достоевский хранил самые дорогие и памятные вещи. В нём он хранил и «Сибирскую тетрадь». До реставрации она идеально вкладывалась в середину и в конец книжного блока. Их сопряжение под одним переплётом ещё раз подчёркивает значение и духовный уровень «Сибирской тетради».

В остроге у Достоевского были две книги Священного Писания: подаренный в Тобольске Новый Завет на русском языке и Библия на церковнославянском языке. Библию украл арестант Петров, с Достоевским остался Новый Завет.

Евангелие было для Достоевского воистину Благой Вестью, давним и вечно новым откровением о человеке, мире и правде Христа. Из этой книги он черпал духовные силы в Мёртвом Доме. Она была источником и залогом его творческих вдохновений и откровений.

В своих творениях Достоевский проповедовал Христа. О его апостольском служении свидетельствует сербский Святой Преподобный Иустин (Попович), автор лучшей книги о русском писателе – «Достоевский о Европе и славянстве» (1940).

В Сибири Достоевский обрёл бесценный опыт: был заживо погребён в Мёртвом Доме, узнал народ, проникся Образом и Словом Христа, принял Благою Весть, воскрес из мёртвых, стал новым человеком, сказал *новое слово* миру в критике, публицистике, творчестве, открыл читателям тайну человека, тайну истории, тайну России.

Берега юбилеев

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Работал научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Родился в 1945 году на Кубани – в казачьей станице Бесскорбная. В 1955 году отца перевели на работу в Москву, куда переехала вся семья. Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор одиннадцати сборников – стихов, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России. Лауреат Международной и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилева, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017».

СЛОВО НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

(К 135-летию со дня рождения)

15 апреля и в России, и за её пределами будут особенно много говорить о выдающемся русском поэте Николае Гумилёве. И не только потому, что 135 лет назад в этот день он родился и его строчки занимают видное место в антологии мировой поэзии, но и потому, что в любых обстоятельствах поэт оставался верным данному слову, которое всегда было для него свято.

Он был удивительно разносторонним человеком. В жизни – путешественник, исследователь-этнограф, охотник, военный. В творчестве – поэт, в каком бы жанре ни писал. Сейчас уже не так уж многим известно, что из-под его пера выходили не только стихотворения и поэмы, но и рассказы, пьесы, переводы западных авторов и древнего – шумерского – эпоса о царе Гильгамеше, критические статьи и литературные манифесты.

И что бы он ни делал, о чём бы ни писал, в его размышлениях постоянно встречаешь особое отношение к слову.

Поэтому вполне естественно, что одно из стихотворений, которое поэт считал для себя знакомым, он так и назвал – «Слово»:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орёл не взмахивал крылами,
Звёзды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине...

И дальше – горькое:

...Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово – это Бог...

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчёлы в улье опустелом,
Дурно пахнут мёртвые слова.

* * *

Из трудов Павла Николаевича Лукницкого – первого и наиболее тщательного биографа поэта – мы узнаём о том, что уже с юных лет Гумилёв нередко размышляет о Художнике в широком смысле этого понятия, поскольку, по его мнению, в каждом человеке есть Художник, но лишь единицы реализуют себя в общем духовном пространстве.

Вот одна из таких записей в его дневнике: *«Человека, способного всюду подмечать то, что заслуживает любви, мы называем поэтом, художником. И разве не чувствует каждый человек, как он сам становится выше, воздавая должное уважение тому, что действительно выше его?»* И ещё: *«Разве божество не говорит так же и нашему уму в каждой звезде, в каждой былинке, если мы только откроем свои глаза и свою душу? Наше почитание не имеет теперь такого характера, но не считается разве до сих пор особым даром, признаком того, что мы называем “поэтической натурой”, способность видеть в каждом предмете его божественную красоту, увидеть, насколько каждый предмет представляет око, через которое мы можем смотреть, заглянуть в самую бесконечность?»*

Позже, в стихотворении «Детство», он скажет об этом так:

Я ребёнком любил большие,
Мёдом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!..»

В стихах он размышляет и об искусстве как таковом. В частности, в одном из них, которое так и называется «Искусство», читаем:

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней –
Стих, мрамор или металл...
Скульптор, не мни покорной
И вялой глины ком,
Упорно
Мечтая о другом...
Рукою нежной брата
Очерченный уклон
Агата –
И выйдет Аполлон.
Художник! Акварели
Тебе не будет жаль!

В купели
Расплавь свою эмаль...
Всё прах. Одно, ликуя,
Искусство не умрёт.
Статуя
Переживёт народ.
И сами боги тленны,
Но стих не кончит петь,
Надменный,
Властительней, чем медь.
Чеканить, гнуть, бороться –
И зыбкий сон мечты
Вольётся
В бессмертные черты.

А немного позже появится его стихотворение «Творчество», где он расскажет уже о собственных ощущениях, какие могут возникать в этом состоянии:

Моим рождённое словом,
Гиганты пили вино
Всю ночь, и было багровым,
И было страшным оно.
О, если б кровь мою пили,
Я меньше бы изнемог,
И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилёт.
Проснулся, когда был вечер.
Вставал туман от болот,

Тревожный и тёплый ветер
Дышал из южных ворот.
И стало мне вдруг так больно,
Так жалко стало мне дня,
Своею дорогой вольной
Прошедшего без меня.
Умчаться б вдогонку свету!
Но я не в силах порвать
Мою зловещую эту
Ночных видений тетрадь.

«Не в силах» он это сделать, потому что помним – поэт с юных лет чувствует «бездонность» искусства и, в частности, слова, с которым будет связана вся его короткая, но яркая жизнь.

* * *

Сегодня, когда мы говорим о Гумилёве, прежде всего имеем в виду его изумительные, сразу узнаваемые стихи и тот трагический исход, что случился с ним в уже очень далёком августе 1921 года.

О том, как вёл себя этот человек, которому предложили отречься от присяги и своих взглядов в обмен на жизнь, и что случилось в ночь на 27 августа 1921 года, когда его лишили жизни земной, написано и сказано много. И о его стихах, пьесах, переводах, статьях, любовных переживаниях и драмах, путешествиях, исследованиях, военном периоде – не меньше.

А вот о том, как много он размышлял о месте поэта в обществе и трудился над тем, «чтобы луна засияла», если и встретишь, то мельком. Между тем это важная составляющая его как Художника и как Личности, о чём и хотелось бы поговорить подробнее.

У Гумилёва есть статья «ЖИЗНЬ СТИХА», которая начинается так: *«Крестьянин пашет, каменщик строит, священник молится, и судит судья. Что же делает поэт?.. Почему только в минуты малодушия соглашается признать, что чувства добрые он лирой пробуждал? Разве нет места у поэта, всё равно, в обществе ли буржуазном, социал-демократическом или общине религиозной?.. Сейчас я буду говорить только о стихах, помня слова Оскара Уайльда: “Материал, употребляемый музыкантом или живописцем, беден по сравнению со словом. У слова есть не только музыка альта или лютни, не только – краски, живые и роскошные, как те, что пленяют нас на полотнах Венецианцев и Испанцев; не только пластичные формы, не менее ясные и чёткие, чем те, что открываются нам в мраморе или бронзе, – у них есть и мысль, и страсть, и одухотворённость. Всё это есть у одних слов...”»*

Дальше следует ремарка Гумилёва: *«...что стих есть высшая форма речи, знает всякий, кто, оттачивая кусок прозы, употребляет усилия, чтобы сдержать рождающийся ритм».*

На его «оттачивании прозы» следует остановиться подробнее. В первую из своих поездок в Париж, когда поэт поступает в Сорбонну, он организует издание русского художественного журнала «Сириус». И в начальном выпуске журнала почти все стихи и проза – это Гумилёв под разными псевдонимами. Некоторые из них он держит в секрете даже от сотрудников журнала. Именно там впервые – и первые критические опыты поэта, и первая его проза, о которой он своему многолетнему учителю той поры В. Я. Брюсову пишет так: *«...У меня отсутствует чисто техническое умение писать прозаические вещи. Идей и сюжетов у меня много. С горячей любовью я обдумываю какой-нибудь из них. Всё идёт стройно и красиво, но, когда подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получают только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какофонией. И я опять спешу в библиотеки, стараясь выведать у мастеров стиля, как можно победить роковую инертность пера... Вообще, мне кажется, что я накануне просветления, что вот-вот рухнет стена, и я пойму, а не научусь, как надо писать...»*

Вот это «*пойму, а не научусь*» – желание «дойти до самой сути» и сделало его в литературе тем, кем он стал. Он «*понял*» и стал писать прозу так, как не многие из тех, кто считал себя прозаиками. Его новеллы, рассказы, путевые заметки и военные корреспонденции, по словам А. И. Куприна, «дышат жизнью». А получить такой комментарий от такого прозаика – дорогого стоит.

И в качестве одного из примеров этого «дыхания жизни» рассмотрим небольшой отрывок из военного дневника поэта, который он назвал «ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТА». Начало войны 1914 года. Он добровольцем идёт в армию и получает направление к границе Восточной Пруссии, где на передовой напишет:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвёртый день наступаем,
Мы не ели четыре дня...

И там же – на границе – делает такую запись: *«Я часто думал... о глубокой разнице между завоевательными и оборонительными периодами войны. Конечно, и тот, и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и завоевать право на прочный мир, но ведь на настроения отдельно-*

го война действуют не только общие соображения, – каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косой луч солнца, освещающий группу деревьев, и свой собственный удачный выстрел порой радуют больше, чем известие о сражении, выигранном на другом фронте. Эти шоссейные дороги, разбегающиеся в разные стороны, эти расчищенные, как парки, роци, эти каменные домики с красными черепичными крышами наполнили мою душу сладкой жаждой стремления вперёд, и так близко показались мне мечты Ермака и других представителей России, завоевывающей и торжествующей. Но эта ли дорога в Берлин, пышный город солдатской культуры, в который надлежит входить не с ученическим посохом в руках, а на коне и с винтовкой за плечами?..»

Не правда ли, полная картина и места, и времени, и деталей быта, и психологического состояния бойца. И всё это в коротком отрывке, без лишних слов, но так, что видишь и чувствуешь происходящее в малейших подробностях.

А вот совсем о другом – о скрипке Страдивариуса: *«Мэтр Паоло Белличини писал своё соло для скрипки. Его губы шевелились, напевая, нога нервно отбивала такт, и руки, длинные, тонкие и белые, как бы от проказы, рассеянно гнули гибкое дерево смычка. Многочисленные ученики мэтра боялись этих старинных рук с пальцами, похожими на белых индийских змей... Начало его соло было прекрасно. Могучий подъём сразу схватывал лёгкую стаю звуков, и, перегоняя, перебивая друг друга, они стремительно мчались на какую-то неведомую вершину, чтобы распуститься там мировым цветком – величавой музыкальной фразой. Но этот последний решительный взлёт никак не давался старому мэтру, хотя его чувства были напряжены и пронзительны чрезвычайно... И с безумной надеждой отчаяния старый мэтр схватился за скрипку, чтобы она закрепила ускользающее, овладела для него недоступным. Напрасно! Скрипка, покорная и нежная, как всегда, смеялась и пела, скользила по мыслям, но доходя до рокового предела, останавливалась, как кровный арабский конь, сдержанный лёгким движением удил. И казалось, что она ласкается к своему другу, моля простить её непослушание...»*

Такая проза похожа на чудо, заложенное в известных каждому словах: если их правильно подобрать и правильно расставить, – как всё одушевлено – и пальцы, и смычок, и скрипка, и её звучание, и «непослушание». И сколько в этой прозе поэзии.

А ещё, читаешь, и невольно приходят на память его знаменитые строчки из «Волшебной скрипки», потому что там – о том же:

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,
Что такое тёмный ужас начинателя игры!

Тот, кто взял её однажды в повелительные руки,
У того исчез навеки безмятежный свет очей,
Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей...

Когда сопоставляешь это изумительное стихотворение с тем, что и как написано в «СКРИПКЕ СТРАДИВАРИУСА», то не можешь понять причины сетований Гумилёва Учителю на своё неумение писать прозу. Видно, что «выведал» он в библиотеках «у мастеров стиля, как преодолеть инертность пера». Хотя, всё равно такое не «выведаешь» без склонности к слову.

И так во всём, что есть в его прозе – о радостях земной любви, принцессе Заре, Африканской охоте... Читаешь, и трудно оторваться, потому что поэзии там не меньше, чем в стихах и поэмах.

* * *

Но вернёмся к его размышлениям о жизни стиха: *«...Происхождение отдельных стихотворений таинственно схоже с происхождением живых организмов. Душа поэта получает толчок из внешнего мира, иногда в неизбывно яркий миг, иногда смутно, как зачатие во сне, и долго приходится вынашивать зародыш будущего творения, прислушиваясь к робким движениям ещё неокрепшей новой жизни. Всё определяет её будущую судьбу. Древние уважали молчащего поэта, как уважают женщину, готовящуюся стать матерью. Наконец, в муках, схожих с муками*

деторождения, появляется стихотворение. Благо ему, если... кроткий, как голубь, он стремился передать уже выношенное, готовое, и, мудрый, как змей, старался заключить всё это в наиболее совершенную форму.

Такое стихотворение может жить века, переходя от временного забвения к новой славе...»

Эта же мысль, может быть, ещё более ярко звучит в его стихотворении «Правый путь»:

В муках и пытках рождается слово,
Робкое, тихо проходит по жизни.
Странник оно, из ковша золотого
Пьющий остатки на варварской тризне.

Смерть? Но сперва эту сказку поэта
Взвесь осторожно и мудро исчисли –
Жалко не будет ни жизни, ни света,
Но пожалеешь о царственной мысли.

Выйдешь к природе! Природа враждебна,
Всё в ней пугает, всего в ней помногу,
Вечно звучит в ней фанфара молебна
Не своему и ненужному богу.

Что ж, это путь величавый и строгий:
Плакать с осенним пронзительным ветром,
С нищими нищим таиться в берлоге,
Хмурые думы оковывать метром.

Это трепетное отношение к «царственным мыслям» (и «царственным звукам») у него изначально: вернёмся к стихотворению «Волшебная скрипка», написанному задолго до этого, и продолжим его читать:

...Надо вечно петь и плакать этим струнам, звонким струнам,
Вечно должен биться, виться обезумевший смычок,
И под солнцем, и под вьюгой, под белеющим буруном,
И когда пылает запад, и когда горит восток...

И хотя здесь речь идёт о музыке, но размышления значительно шире – о Художнике вообще. О том, что с ним происходит, когда он «получает толчок из внешнего мира, который определяет его будущую судьбу».

А дальше – разговор о стиле: «...В стиле... поэт даёт самого себя, но тайного, неизвестного ему самому, позволяет догадаться о цвете своих глаз, о форме своих рук... Под жестом в стихотворении я подразумеваю такую расстановку слов, подбор гласных и согласных звуков, ускорений и замедлений ритма, что читающий стихотворение невольно становится в позу героя, перенимает его мимику и телодвижения и, благодаря внушению своего тела, испытывает то же, что сам поэт, так что мысль изречённая становится уже не ложью, а правдой...»

Тут невольно вспоминаешь слова другого знаменитого поэта – Бориса Пастернака:

...Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлёт раба,
И тут кончается искусство,
И дышит почва и судьба...

Именно о дыхании «почвы и судьбы» сказал и Гумилёв, рассуждая об истоках, когда случается нечто вроде чуда, и «мысль изречённая становится уже не ложью, а правдой, а читающий стихотворение испытывает то же, что сам поэт».

И продолжает эту мысль так: «...чтобы быть достойным своего имени, стихотворение... должно быть безукоризненно даже до неправильности. Потому что индивидуальность стихотворению придают только сознательные отступления от общепринятого правила, причём, они любят рядиться в бессознательные... Эти неправильности играют роль родинки, по ним легче восстановить в памяти облик целого...»

Правда, в его чеканном и изысканном стиле таких «родинки» почти не встретишь. Но если поискать, то, может быть, пожалуй, здесь:

Какая смертная тоска
Нам приходится и ждать напрасно.
А, если я попал в Чека?
Вы знаете, что я не красный!

Нам приходится и ждать напрасно,
Пожалуй, силы больше нет.
Вы знаете, что я не красный,
Но и не белый – я поэт!

Пожалуй, силы больше нет
 Читать стихи, писать доклады.
 Но и не белый я поэт.
 Мы все политике не рады.
 Писать стихи, читать доклады,
 Рассматривать частицу «как»...
 Путь к славе медленный, но верный:

Моя трибуна – Зодиак!
 Высоко над земною скверной
 Путь к славе медленный, но верный.
 Но жизнь людская так легка!
 Высоко над земною скверной...
 Такая смертная тоска!

Но эти «родинки», пожалуй, исключение, не характерное для его стихов. Видно, он чувствует, что они ему не нужны. Ведь и в этом стихотворении в первую очередь обращаешь внимание на «я поэт... писать стихи, читать доклады, рассматривать частицу “как”... моя трибуна – Зодиак», то есть на литературную работу и размышления над словом. А уже потом – на не характерные для него «неправильности» в построении стиха.

* * *

А теперь – немножко подробнее о сути его знаменитой строчки: «слово – это Бог». В своей статье «ЧИТАТЕЛЬ» поэт подробно пишет, как пришёл к такому заключению, а также о взаимоотношениях поэзии и религии: *«Поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты. И та, и другая требуют от человека духовной работы. Но не во имя практической цели, как этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим. Этика приспособляет человека к жизни в обществе, эстетика стремится увеличить его способность наслаждаться. Руководство же в перерождении человека в высший тип принадлежит религии и поэзии. Религия обращается к коллективу. Для её целей... необходимы совместные усилия... Поэзия всегда обращается к личности. Даже там, где поэт говорит с толпой, – он говорит отдельно с каждым из толпы. От личности поэзия требует того же, чего религия от коллектива. Во-первых, признания своей единственности и всемогущества, во-вторых, усовершенствования своей природы. Поэт, понявший “трав неясный запах”, хочет, чтобы то же стал чувствовать и читатель. Ему надо, чтобы всем “была звёздная книга ясна” и “с ним говорила морская волна”. Поэтому поэт в минуты творчества должен быть обладателем какого-нибудь ощущения, до него не осознанного и ценного...»*

И в стихотворении «Память» он скажет о себе сначала в третьем лице:

...Он повесил вывеску поэта
 Над дверьми в мой молчаливый дом...

А потом и в первом:

...Я – Угрюмый и упрямый зодчий
 Храма, восстающего во мгле...

О рождении поэтического слова у него самого – напишет в стихотворении «Правый путь»:

В муках и пытках рождается слово, Робкое, тихо проходит по жизни. Странник оно, из ковша золотого Пьющий остатки на варварской тризне...	Смерть? Но сперва эту сказку поэта Взвесь осторожно и мудро исчисли, – Жалко не будет ни жизни, ни света, Но пожалеешь о царственной мысли...
---	--

А в статье об этой «царственной мысли» – о самостоятельной жизни слова, рождённого поэтом, которое он отпускает в пространство, пока (или ещё) не зная судьбы этого слова, он рассуждает так: *«Выражая себя в слове, поэт всегда обращается к кому-то, к какому-то слушателю. Часто этот слушатель – он сам, и здесь мы имеем дело с естественным раздвоением личности. Иногда это некий мистический собеседник, ещё не явившийся друг, или возлюбленная им, иногда это Бог, Природа, Народ... Однако ни для кого, а для поэта тем более, не тайна, что каждое стихотворение находит себе живого, реального читателя среди современников, порой потомков. Этот читатель отнюдь не достоин того презрения, которым так часто обливали его поэты. Это благодаря ему печатаются книги, создаются репутации, это он дал нам возможность читать Гомера, Данте и*

Шекспира. Кроме того, никакой поэт и не должен забывать, что он сам, по отношению к другим поэтам, тоже только читатель...»

Тут ещё можно заметить, что в какой-то момент он существенно расширит диапазон своих «*мистических собеседников*». Это случится, когда они вместе с поэтом Сергеем Городецким обоснуют и создадут целое направление в поэзии, которое назовут акмеизмом. Его суть или суть его философии в том, что любое существо и явление, созданное природой для земной жизни, – божественно. Именно от этого в какой-то период времени поэт даже сменит аудиторию своих воображаемых слушателей, о чём в стихотворении «Я и вы» скажет:

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришёл из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Тёмным платьям и пиджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам...

Правда, следует заметить – в силу своего дарования он выходил далеко за пределы им же созданного направления, что присуще любому крупному поэту, которому тесны любые рамки.

И главенствовало в нём не направление или философия, а неземной силы земная любовь, о которой в цикле «Посредине странствия земного» он скажет:

Из букета целого сирени
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал о Елене,
А потом томился целый день.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельными глазами
Моего любимейшего сна.

Всё казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени
За кормой большого корабля.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого что мне не нельзя иначе,
Оттого что я её люблю.

И в этом же цикле:

Мой альбом, где страсть сквозит без меры
В каждой мной отточенной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Спасся он от аутодафе...

Действительно, трудно представить, как могла бы Венера не покровительствовать «отточенной строфе» такого «летающего и земного» и такого верного своего подданного.

Несмотря на любовные драмы, о которых немало написано, женщинами он увлекался и был любим настолько, что, казалось бы, шутливое стихотворение, которое сейчас приведу, звучит из его уст с большой долей истины:

Он поклялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.
И забыл о тайном браке,
Всюду ласки расточая.
Ночью был зарезан в драке
И пришёл к преддверьям рая.
«Ты ль в моём не клялся храме, –
Прозвучала речь Мадонны, –

Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?
Отойди, не эти жатвы
Собирает царь небесный,
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный».
Но печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

* * *

Продолжая разговор о природе стиха, он выразит такую мысль: *«Стихотворение... возникая из духа поэта, становится особым организмом... сочетания слов, дополняя одно другое, ведёт к определённому впечатлению и... наше внимание привлекает звуковая сторона стиха (ритм, рифма, сочетание гласных и согласных)»* И в стихотворении «Stredo» у поэта об этом же:

Откуда я пришёл, не знаю...	Я знаю, было там сверканье
Не знаю я, куда уйду,	Звезды, лобзающей звезду...
Когда победно отблистаю	И жарким сердцем, веря чуду,
В моём сверкающем саду...	Поняв воздушный небосклон,
Мне всё открыто в этом мире –	В каких пределах я не буду,
И ночи тень, и солнца свет,	На всё наброшу я свой сон.
И в торжествующем эфире	Всегда живой, всегда могучий,
Мерцанье ласковых планет.	Влюблённый в чары красоты.
Я не ишу больного знания	И вспыхнет радуга созвучий
Зачем, откуда я иду;	Над царством вечной пустоты.

* * *

Как вспыхнула его *«радуга созвучий»*, теперь знают все.

Немного позже в стихотворении «Солнце духа» он скажет о том, как душа *«получает толчок из внешнего мира»*:

...Расцветает дух, как роза мая,	Ничего нет трудного для воли
Как огонь, он разрывает тьму.	И мучительного для души.
Тело, ничего не понимая,	Чувствую, что скоро осень будет,
Слепо повинуется ему.	Солнечные кончатся труды
В дикой прелести степных раздолий,	И от древа духа снимут люди
В тихом таинстве лесной глуши	Золотые зрелые плоды.

И дальше вновь вернёмся к статье «ЖИЗНЬ СТИХА»: *«...прекрасные стихотворения, как живые существа, входят в круг нашей жизни; среди них есть ангелы-хранители, мудрые вожди, искусители-демоны и милые друзья. Под их влиянием люди любят, враждуют и умирают. Для многих отношений они являются судьями...»*

Здесь он размышляет не о своих стихотворениях, а приводит примеры из стихов Брюсова, Вячеслава Иванова, Анненского, Блока. О своих же потом в стихотворении «Мои читатели» напишет так:

Старый бродяга в Аддис-Абебе,	Я не оскорбляю их неврастенией,
Покоривший многие племена,	Не унижаю душевной теплотой,
Прислал ко мне чёрного копыеносца	Не надоедаю многочисленными наёмками
С приветом, составленным из моих стихов.	На содержимое выеденного яйца,
Лейтенант, водивший канонерки	Но когда вокруг свищут пули,
Под огнём неприятельских батарей,	Когда волны ломают борта,
Целую ночь над южным морем	Я учу их, как не бояться,
Читал мне на память мои стихи.	Не бояться и делать, что надо.
Человек, среди толпы народа	И когда женщина с прекрасным лицом,
Застреливший императорского посла,	Единственно дорогим во вселенной,
Подошёл пожать мне руку,	Скажет: «Я не люблю вас», –
Поблагодарить за мои стихи.	Я учу их, как улыбнуться,
Много их, сильных, злых и весёлых,	И уйти, и не возвращаться больше.
Убивавших слонов и людей,	А когда придёт их последний час,
Умиравших от жажды в пустыне,	Ровный, красный туман застелет взоры,
Замерзавших на кромке вечного льда,	Я научу их сразу припомнить
Верных нашей планете,	Всю жестокую, милую жизнь,
Сильной, весёлой и злой,	Всю родную, странную землю
Возят мои книги в седенькой сумке,	И, представ перед ликом Бога
Читают их в пальмовой роще,	С простыми и мудрыми словами,
Забывают на тонущем корабле.	Ждать спокойно Его суда.

Кто помнит биографию Гумилёва или вновь её посмотрит, вспомнит, что последний месяц лета 1921 года станет последним в его жизни. Третьего августа 1921 года поэта по ложному обвинению арестуют, а в ночь с 26 на 27 – расстреляют. Но даже в тот – трагический для него месяц он вёл себя так, что и сегодня мы говорим о нём с восхищением, хотя боль утраты от этого не ослабевает.

Согласимся, что ни в едином слове о себе он не лукавит. Больше того, будто видел, как уйдёт в вечность, или предсказал судьбу в последних строчках этого стихотворения. Ведь так у него и случилось: взял 3 августа в тюрьму на Шпалерной Евангелие и Гомера, оттуда писал жене ободряющие слова и *«ждал спокойно Его суда»*.

И об этом незадолго до той трагической ночи с 26 на 27 августа он написал в своём последнем, малоизвестном стихотворении, которое впервые опубликовано установившим его авторство издателем и славистом Никитой Алексеевичем Струве в 1970 году:

В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Проплывает Петроград,
И горит над рдяным диском
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,
Я моряк, поэт и воин,
Не поддамся палачу.
Пусть клеймят клеймом позорным,
Знаю – сгустком крови чёрной
За свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
За сонеты и за шпагу,
Знаю, строгий город мой,
В час вечерний, в час заката
Каравеллою крылатой
Отвезёт меня домой.
Он и на сей раз оказался прав.

И хотя *«строгий город»* не отвёз его домой в буквальном смысле, но *«за свободу... за стихи и за отвагу, за сонеты и за шпагу»* он остался в памяти людей как благородный рыцарь и великий поэт, однажды сказавший, что *«слово – это Бог»*, и ни разу этому не изменивший.

Поэтому после того, как его не стало, совершенно иначе, чем при жизни поэта, зазвучали оказавшиеся пророческими слова уже давно знаменитой *«Волшебной скрипки»*:

...Мальчик, дальше! Здесь не встретишь ни веселья, ни сокровищ!
Но я вижу – ты смеёшься, эти взоры – два луча.
На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

Зазвучали иначе потому, что так с ним и случилось: он погиб... *славной смертью, страшной смертью скрипача!*

Но от слова своего не отрёкся.

Берега искусства и культуры

Кира Головки-Иванова

Кира Николаевна Головки-Иванова (1919–2017, Москва) – советская и российская актриса театра и кино, педагог, лауреат Сталинской премии (1947), народная артистка РСФСР (1957). В 1938 году была принята в состав труппы Московского художественного академического театра Союза ССР имени М. Горького.

С 1954 года вместе с мужем переехала в Балтийск, выйдя замуж за адмирала, командующего Северным, затем Балтийским флотами, Каспийской и Амурской флотилиями. Была ведущей актрисой Калининградского драматического театра. Её супруг приложил много сил для реконструкции современного здания драматического театра.

В 1957 году вернулась во МХАТ, в котором служила до 1985 года. С 1958 года занималась преподавательской деятельностью в Школе-студии МХАТ. Среди её учеников Евгений Киндинов, Галина Киндинова, Николай Караченцов.

Светлана Аллилуева. Одиночество в наследство Воспоминания

(В редакции Михаила Головки)

Первый раз я увидела её, кажется, году в сорок третьем или сорок четвёртом. Ещё шла война. Во МХАТе, не так давно вернувшись в Москву из эвакуации, из Саратова, с успехом шло «Горячее сердце» Александра Островского, где я играла роль Параша. Этот спектакль нравился Сталину, и он смотрел его, как и «Дни Турбиных», раз десять или пятнадцать, а может быть, и больше.

Хорошо помню, как он первый раз пришёл на мой спектакль. Нас заранее предупредили, что сегодня будет «Сам». В «Горячем сердце» есть такая «сцена под деревом». У этого самого «древа» сидели я – Параша – и влюблённый в неё Гаврюша (его играл Пётр Чернов). Мы вели беседу, шутили. Гаврюша спрашивал меня: «Погоулять вышли?» Я отвечала ему, пела, смеялась. А краем глаза видела в правительственной ложе усатое лицо. И колени у меня подсакивали так, что приходилось держать их руками, чтобы не было заметно, – настолько было страшно!

И вот, в этой ложе вместе со Сталиным несколько раз появлялась девушка – рыженькая, с бантом, в нарядном платье. Это и была Светлана – дочь Сталина и Надежды Аллилуевой.

* * *

Кончилась война, в январе 1949 года я вышла замуж за Арсения Григорьевича Головки – военного моряка, адмирала (после чего почти всё политбюро поочередно перебивало на спектаклях с моим участием). Тогда Арсений был, если не ошибаюсь, начальником Главного морского штаба. Летом сорок девятого, уже ожидая рождения ребёнка, мы поехали в Кисловодск отдыхать. И сделали короткую, на несколько часов, остановку в Нальчике, в санатории Совета Министров – с тем, чтобы заехать на родину мужа, в город Прохладный, бывшую казачью станицу. Кто-то из встречавших нас сразу сказал, что тут отдыхают Светлана с Юрием Ждановым – они только что поженились. Отец Юрия – Андрей Александрович Жданов, один из руководителей партии и правительства, незадолго до этого умер.

Начальником санатория был Журавлёв – тот самый, что потом, в Москве, лет десять был начальником домоуправления «Дома на набережной» – где кинотеатр «Ударник» и «Театр Эстрады», где нам пришлось потом довольно долго жить. Ни я, ни муж не хотели покидать небольшую уютную трёхкомнатную квартиру в Кудринском переулке. Серое здание на берегу Москвы-реки

с конца тридцатых пользовалось недоброй славой. В анекдотах, за которые, случалось, и сажали, оно звалось «домом предварительного заключения». Но о том, не хотим ли мы переехать, как бы между делом, после официального доклада, спросил мужа сам Сталин. Отец Светланы очень редко спрашивал о подобных вещах просто так. И летом пятидесятого года мы оказались в доме на углу Берсеневской набережной и улицы Серафимовича, в огромной пятикомнатной квартире, которую прежде занимал народный комиссар Военно-морского флота Николай Герасимович Кузнецов. От мужа я в подробностях знала, как в 1947 году Кузнецова и ещё нескольких адмиралов обвинили в передаче военных секретов англичанам и американцам во время минувшей войны и судили судом чести, как многих из них отправили в тюрьму, а Кузнецова разжаловали и сняли с должности. А мы теперь должны были жить в его квартире.

Из-за всего этого было тревожно и неприятно...

А тогда, в сорок девятом, у Журавлёва была какая-то просьба к Арсению, поэтому он старался всячески нам угодить. И в виде особой любезности познакомил нас с Юрием и Светланой. Мы разговорились. Светлана была очень мила, вспомнила свои посещения МХАТа вместе с отцом. Стройная, без каблуков – видимо из-за того, что Юрий Андреевич был очень небольшого роста. Юра и Светлана рассказали, что тоже планируют прибавление семейства – у меня-то беременность была более чем явной, поэтому мы и обсудили эту тему. В общем, получилась у нас приятная, ни к чему не обязывающая светская беседа.

* * *

Дело было в августе, а в ноябре я родила сына и почти полгода жизнь моя целиком была отдана ему, дому, семье, переезду на новую квартиру (по словам мужа, Сталин сказал: «Ведь у вас, товарищ Головкин, говорят, недавно родился сын, думаю, вам необходима большая квартира»). Чуть позже я смогла выкраивать время для театра – всегда любила и люблю свою актёрскую профессию. Очень любила я и своего Арсения – всегда хотелось самой приготовить ему обед, постирать рубашки – казалось, что кто-то другой обязательно сделает не так хорошо. Этим и были заполнены мои дни.

Сын понемногу рос, в доме у нас появилась няня, и жизнь постепенно выравнивалась, вошла в новую колею. Вскоре кто-то рассказал мне, что Светлана родила девочку Катю. Она потом училась в одной школе с моим сыном, в младшем на один год классе...

Сегодня мне кажется, что я достаточно нелепо прожила те счастливые для меня годы. Мне было уже 30, мама умерла ещё перед войной, отец погиб в ополчении в первую военную зиму, под Москвой. Любимый муж, сын, семья, дом – своя отдельная квартира, казались мне таким долгожданным счастьем, что я боялась чем-то его спугнуть. Отчасти поэтому мне не очень хотелось приводить Арсения на артистические вечеринки – я хорошо знала, что театральный мир легко становится завистливым и недобрым. И я старалась очень разборчиво знакомить мужа со мхатовцами. Так же разборчив был и мой муж, знакомя меня с военными. Сказывался и упомянутый мною суд чести, и то, что примерно за полгода до моего знакомства с Арсением была репрессирована Нина Вячеславовна Горская, балерина кордебалета Большого театра. Её обвинили в «связи с иностранной разведкой» (на деле это было знакомство с английским военно-морским атташе, которое совершенно официально произошло во время какого-то мероприятия или приёма). Горская была женой известного артиста Бориса Чиркова и несколько раз то уходила от мужа к Арсению, то возвращалась. И хотя её арестовали уже после разрыва с Арсением, он считал, что от Нины Вячеславовны будут добиваться показаний против него...

* * *

Но у нас всё же была своя небольшая компания – два семейства братьев Яковлевых, один из которых был довольно крупным дипломатом, а другой – адмиралом. Оба они были в хороших отношениях с Арсением, и мы стали бывать друг у друга в гостях – они у нас, мы у них. И вот как-то у Яковлевых в числе гостей оказались Юрий Андреевич и Светлана. Тот вечер получился на удивление приятным и весёлым. Юра моментально сел за рояль, он очень хорошо играл и симпатично

пел. Я тогда тоже пела, и так, дуэтом, мы довольно долго всех развлекали. Дней через десять этой же компанией мы собрались у нас, на Серафимовича. Так завязалось, или, вернее сказать, продолжилось наше знакомство.

На наших вечерах мы пели, танцевали, иногда слушали пластинки, о чём-то спорили. А Светлана (она заканчивала тогда истфак, собиралась преподавать) почти всегда сидела где-нибудь в уголочке, как-то отстраняясь от общей компании, но не замыкаясь совсем – если к ней обращались, то охотно, но тихо разговаривала, что-то рассказывала. Никогда не танцевала. Хотя пружиной веселья неизменно становился её Юра – с роялем, музыкой, пением, анекдотами. Она тогда очень хорошо одевалась, у неё была красивая и даже, пожалуй, спортивная фигура – как-то я с удивлением и восторгом видела её, кажется, в Серебряном бору, катающейся за катером на специальной доске – прообразе водных лыж (мне это запомнилось, так как самой совершенно было не дано). Общее впечатление немного портила небольшая сутулость. Но, может быть, Светлана сутулилась, как и носила туфли на маленьком каблучке, специально, из-за того что была ростом выше своего мужа.

На какой-то не слишком долгий период наши встречи стали регулярными, вошли в систему. Правда, Юрий Андреевич и Светлана к себе нас никогда не приглашали – видимо потому, что жили они тогда в Кремле, кажется, в квартире отца Юрия.

Как-то раз, в один из наших вечеров, Светлана под села ко мне и заговорила о том, что вот, Кира, у вас голос, вы хорошо поёте, вы учились этому?

– Училась и продолжаю учиться, – отвечала я. – У меня замечательный педагог.

Ещё до войны я занималась у Елены Юльевны Жуковской, ученицы Рахманинова – к ней меня привёл отец, который мечтал, чтобы я была певицей, он сам хорошо играл на скрипке и пел. Елена Юльевна умерла в сорок пятом, и мхатовские певицы познакомили меня с Софьей Андреевной Рачинской. Она жила на улице Воровского (не так давно ей вернули дореволюционное название – Поварская) в огромной, с эркером комнате коммунальной квартиры. Этот старый московский дом сохранился и сегодня, он стоит почти на углу Нового Арбата, напротив церкви, на другой стороне улицы. Софья Андреевна была женщиной совершенно очаровательной – образованной, воспитанной, остроумной и, главное – отлично знающей своё дело. Поговаривали, что в молодости у неё был очень хороший голос и что происходит она из дворян. Так ли это было – не знаю.

Нас, мхатовцев, Софья Андреевна очень устраивала своей методикой обучения и подходом к делу. Она исповедовала теорию, что вокальный и речевой голос драматического артиста не нуждаются в разной подготовке. Занималась я у Софьи Андреевны с удовольствием и достаточно регулярно.

Обо всём этом я и рассказала Светлане. И вдруг она стала меня просить:

– Кира! Если вам не трудно, у вас есть педагог... Устройте меня к ней... Дело в том, что я от природы очень тихо говорю, а мне сейчас придётся читать лекции, нужно хоть как-то поставить голос, а я к тому же часто простужаюсь, болит горло... А потом... Юра, он ведь человек общества, он любит петь, а я, как видите, рта почти не раскрываю, Юра у рояля, а я сижу одна...

И я загорелась!

– Конечно, Света, конечно.

И на следующий же день отправилась к Софье Андреевне. И чуть не довела её до сердечного приступа!

Когда я сказала, кто хочет брать у неё уроки, у Софьи Андреевны отвис подбородок и задрожали руки – лет-то ей уже было немало.

– Кира! Что ты со мной делаешь?

Я помогла ей сесть и продолжала рассказывать, какая Светлана симпатичная, как ей это нужно и важно – лекции, Юра, компании – как будет интересно с ней заниматься, как я верю в её способности и талант преподавателя...

Минут через десять Софья Андреевна, тяжело вздохнув, согласилась:

– Ну ладно, Кира, ради тебя... Не знаю, что из этого выйдет... Будь что будет, давай попробуем...

И началось!

Когда через два дня я пришла к Софье Андреевне на очередное занятие, то руки у неё дрожали ещё больше. Она стала рассказывать:

– Светлана мне позвонила, мы очень интеллигентно поговорили, договорились о встрече. Но за два часа до назначенного ей времени раздался звонок в дверь, и, представляешь себе, вошли трое мужчин в штатском и перевернули, перерыли и пересмотрели всё в моей комнате!

Надо было видеть жилище Софьи Андреевны – огромные старинные шкафы и буфет, рояль и сундук, коробки и корзинки, стопки нот и книг – всё это многочисленное старое, нужное и ненужное, но действительно уютное и милое сердцу немолодой хозяйки барахло, перемешанное с антиквариатом!

– Ничего мне не стали объяснять, но это ведь и не нужно было, я и так всё понимаю! Потом, правда, всё аккуратно поставили на место, – продолжала рассказ Софья Андреевна, – а минут через двадцать после их ухода появилась Светлана – принесла цветы, конфеты, два огромных кулёка продуктов. Мне даже стало неловко.

Но продукты наверняка были кстати. Брать деньги со Светланы Софья Андреевна отказалась категорически, несмотря на то что жила небогато и была женщиной одинокой. Существовал, правда, какой-то пожилой господин, который иногда к ней заходил. Но происходило это не часто, у него была своя жизнь, у Софьи Андреевны – своя. К тому же, узнав о новой ученице, он вообще исчез на довольно продолжительное время.

Сама Светлана Софье Андреевне понравилась. Голоса, конечно, не было никакого, но Софья Андреевна была убеждена, что:

– Каждый человек наделён вокальными способностями, надо только помочь им раскрыться. Это и есть работа педагога.

Не помню, сколько это продолжалось. Может быть, месяц или два, два с половиной. Вряд ли за это время можно было хоть как-то поставить голос. Но занятия не прекращались. И каждый раз, вновь и вновь, трое в штатском перетряхивали «старорежимную» комнату. И каждый раз это были новые люди. И каждый раз действовали они почти одинаково. Два последних обстоятельства приводили Софью Андреевну в невероятный трепет. После Светланиного посещения она обычно звонила мне и сообщала все подробности.

Я, конечно, чувствовала угрызения совести, несколько раз хотела поговорить со Светланой и попросить её прекратить занятия – руки у Софьи Андреевны тряслись всё больше и больше, но она сама каждый раз останавливала меня:

– Нет, нет! Если Светлане нужно, то будем продолжать!

Софья Андреевна, несмотря на возраст, была азартным человеком. Думаю, чем-то эти занятия стали ей и любопытны.

* * *

Потом у меня как-то сразу начался период напряжённой работы в театре. Муж часто уезжал в командировки, постоянно задерживался у себя в штабе – часто до утра, а иногда и на несколько суток. И нам стало не до наших прежних вечеров.

Добираться от улицы Серафимовича до МХАТа и обратно было довольно неудобно – троллейбусы ходили редко и постоянно были переполнены, автобусами, с пересадкой, получалось ещё сложнее. И часто, если было время, я ходила пешком, через Каменный мост, мимо Кремля, через Манежную площадь. И вот как-то раз, когда я проходила Боровицкие ворота, ко мне кто-то подошёл и окликнул по имени. От неожиданности я вздрогнула и немного растерялась (шла задумавшись, настраиваясь на спектакль). Подняла глаза – и увидела Светлану.

– Давай пойдём вместе, я хочу с тобой поговорить, – сказала она. Вид у неё был расстроенный. Дальнейший разговор я хорошо запомнила, потому что это был наш единственный разговор по душам. На вечерах, как я уже говорила, Светлана вела себя очень сдержанно, мы никогда с ней о чём-то серьёзном не говорили, об отце даже и не упоминалось (как и об отце Юры). Из-за негласного, но строгого «табу» все даже звали её просто Светланой и никогда – Светланой Иосифовной. Для всей страны он ведь был товарищ Сталин, а не Иосиф Виссарионович. Сознательно или подсознательно, но все избегали называть это его имя...

– Кира, – начала Светлана, – мы разводимся...

Я была ошарашена. Мне казалось, что Юра и Светлана – это была такая любовь! Ведь и пение, и туфли без каблучков – всё это делалось ради Юры. И девочка родилась – видно было, что Светлана души в ней не чаяла, несмотря на всю свою сдержанность!

– Это мама Юры. Она с самого начала была против того, чтобы он на мне женился. И вот сейчас всё на грани катастрофы. Знаешь, дошло до того, что я даже кидалась к отцу!

– И что же он тебе сказал? – спросила я.

– Он сказал, что брак – это бесконечная цепь взаимных компромиссов, и что если вы родили ребёнка, то вам следует так или иначе семью сохранить.

– Ты рассказала Юре об этом разговоре?

– Да... Но это почти не подействовало... Мама его считает, что я загубила его талант пианиста. На занятия я уже не хожу, не до того....

(Я поняла, что Софья Андреевна освобождена от Светланиных посещений, а значит, и от троицы в плащах, перетряхивающей комнату).

Немного не дойдя до театра, мы расстались. Так закончились мои относительно близкие отношения со Светланой...

А дальше, в конце пятидесят второго года, последовал наш внезапный отъезд на Балтику. О неожиданном назначении туда Арсения командующим флотом мы узнали летом, находясь в отпуске, в Сочи. Для него это было понижением в должности, он переживал и в то же время считал, что на флоте, вдали от московских интриг, служить ему будет проще. Намного человечнее, доброжелательнее, по сравнению со МХАТом, оказалась и атмосфера в Калининградском областном театре, куда я пошла работать.

Смерть Сталина и последовавшее затем развенчание культа личности застали нас уже на новом месте, в Балтийске.

* * *

Вернулись мы в Москву в январе 1957 года. И снова поселились в «Доме на набережной». Я знала, что Светлана живёт в одном с нами огромном доме. Но отношения наши не возобновились. Хотя у меня было несколько встреч с ней. Хорошо помню одну из них. Было это уже после смерти Арсения, на квартире у Андрея Яковлевича Свердлова и его жены Нины Николаевны Подвойской, году в 1963-м или 1964-м. Семью эту со Светланой связывали давние отношения через родителей, революционеров, известных партийных деятелей – Якова Свердлова и Николая Подвойского. Когда я вошла, Светлана сидела у них за столом, ещё более замкнутая и зажатая, чем двенадцать лет назад. Выглядела она ужасно, была очень странно одета. Я тогда играла во МХАТе старшую сестру в пьесе чешского драматурга Павла Когоута «Дом, где мы родились». Свердловы видели этот спектакль. И Нина Николаевна, со свойственным ей комсомольским энтузиазмом, стала говорить:

– Светлана! Послушайте! Вам обязательно надо ходить в театры! Вот Кира, у неё очень хороший спектакль, она вас устроит! Обязательно сходите!

На что, после долгой паузы, Светлана ответила тихим своим голосом, но страшно определённо:

– Я никуда не хожу, кроме консерватории...

Я тут же вспомнила, что и в бытовой, по сути, пьесе Когоута несколько раз резко отрицательно говорится о культе личности Сталина. Поняли это и Свердловы. Все замолчали. Светлана сказала, что ей пора, и ушла...

Вот, собственно, и всё, что я могу рассказать о своих личных встречах со Светланой Аллилуевой. После этого Андрей Яковлевич несколько раз говорил со мной о ней. Он очень переживал, что у Светланы меняются мужья и любовники, а жизнь не складывается, и никто ничего сделать не может или не хочет, а надо бы.

Ещё через несколько лет Светлана эмигрировала, а точнее, как тогда говорили, стала «невозвращенкой». Выпросив с помощью Косыгина заграничный паспорт, через Индию, куда она отвозила прах мужа – индеец, умершего в Москве, она уехала в Америку. После этого я несколько раз встречала во дворе нашего дома дочку Светланы – Катю. И каждый раз, когда она видела меня, глаза её наполнялись слезами и ужасом – вот сейчас подойдёт и будет спрашивать... Я, конечно, никогда этого не делала. Было очень жаль её, но как ей помочь, я не знала. Отец её – Юра, тоже был далеко, в Ростове-на-Дону...

* * *

Потом до меня доходили только рассказы о Светлане.

В 1973 году я два месяца прожила в Соединённых Штатах, в Нью-Джерси, у Светланы Салерно-Нагоровой, дочери русских эмигрантов, уехавших из России ещё в 1918 году. Мы познакомились и подружились во время гастролей МХАТа в Америке в 1965 году, и она прислала мне приглашение. Её окружение (русские, живущие за границей, почти всегда держатся общиной) рассказали мне, что недалеко, в получасе езды по хайвею, в Пенсильвании, живёт Светлана Аллилуева. Что у неё дочка двух с небольшим лет и её только что бросил муж – югослав. Что у неё была покровительница – миллионерша, помогавшая ей, что Светлана написала и издала две или три книги, получила очень неплохие деньги, но неудачно ими распорядилась – пустила на пожертвования, так как стала очень религиозной, а большей частью – на помощь мужу, у которого начались финансовые сложности в его бизнесе. Многие считали, что он решил бросить её после того, как получил деньги.

Откровенно говоря, я испугалась, что ей расскажут обо мне и она захочет со мной увидеться. Отпускали меня за границу со многими сложностями. Я знала, что встреча со Светланой грозит неприятностями не только мне, но и моему сыну, который к тому времени стал морским офицером. Но она никак не проявилась. Может быть, Светлана понимала и моё положение, и отношение к ней тогдашних советских властей. А может быть, ей просто не хотелось ворошить прошлое...

Не встречалась я с ней и в горбачёвские времена, когда Светлане разрешили вернуться и она пробыла в Москве несколько месяцев. Мне хотелось с ней увидеться, но слишком много суеты было вокруг её появления. От знакомых я знала, что она ездила в Гори, на родину Сталина, что младшую её дочь – Ольгу – определили в одну из лучших московских школ, но ей там не нравилось, так как воняло мочой (и наверняка воняло!). Вскоре всё закончилось отъездом обратно в Америку...

* * *

Рассказать всё это я решила после того, как прочитала в газете, что Светлана живёт в Лондоне, в доме престарелых. Конечно, это не пансионат для ветеранов у нас, в России. И наверняка жизнь, быт там достаточно обустроены... Но одиночество – страшная вещь. А Светлана осталась там одна – отец Ольги умер, сама Ольга вышла замуж и уехала (сведения эти я почерпнула из той же газеты), старшие её дети – Иосиф и Катя – где-то здесь, в России. Отношения с ними у Светланы не сложились. Братьев – родного Василия и сводного Якова – давно нет в живых. Остались только воспоминания...

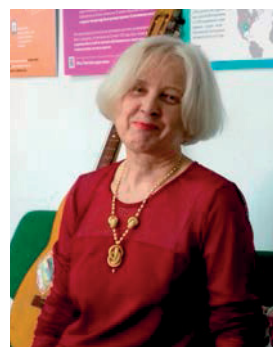
Впрочем, всё оказалось чуть лучше, чем мне казалось. Светлана сама рассказала о своей жизни в недавно прошедшей телепередаче. Теперь она живёт вместе с Ольгой в Соединённых Штатах, в маленьком городке, так как и Ольга, кажется, развелась. И пока что внучка Иосифа Виссарионовича Сталина работает официанткой в небольшом кафе, а её мама, дочь Сталина, Светлана Аллилуева, стараясь быть полезной, каждое утро готовит ей завтрак...

Берега искусства и культуры

Елена Канеева

Елена Канеева – калининградка, работает в областной научной библиотеке. Образование техническое, высшее, участник калининградского литобъединения «Эклога», секции детских писателей Калининграда. Ею опубликованы сборники стихов, рисунков и прозы. Лауреат «Всемирного Дня Поэзии» (2017). Публикации – в сети Интернет, в журнале «Берега».

ТАРКОВСКИЙ

Звуковая волна, наступающая нас, блуждающих в лабиринтах интеллектуальных потёмков, время от времени сбивает с ног недоумённым: «Тарковский!?!»

Кинофильм «Ностальгия» Андрея Тарковского захватывает сразу. В нём нет ни одного лишнего слова, движения, детали. Всё – органично. Происходит воздействие на психику путём рождения мысли из сплава чувств, возникающих в процессе просмотра фильма. Невероятно. Достаточно медленно, чтобы успеть понять, зачем всё это, и достаточно быстро, чтобы не прошло любопытство.

Российская обнищавшая интеллигенция, спившаяся, спалившая просто так, в похмелье, лучшие свои стихи, российская интеллигенция, отмеченная судьбой (белое пёрышко на истерзанной шали матери-природы – общей нашей матери), – оказывается способной пронести свой единственный огонёк чистых знаний и любви сквозь опустевшие, склизкие души, сквозь разваливающийся мир.

«Человек состоит из воды, из огня и пепла». Горячий бассейн «Святой Екатерины» – человеческая душа. И это – мир. Мир, окружающий нас, в котором плавают элита, поддерживающая себя в блаженном состоянии, стоя на спинах народа, рабов, догадываясь об этом, ибо из испарений человечества, из истории, иногда вылавливают трупы отдельных представителей.

Человек и мир сейчас (человек – тот же мир) – в ужасном состоянии. Канализационные проржавевшие трубы, зелень мусора, обломанные остовы зданий.

То, что не могут сделать лучшие деятели науки и философии, представители древнейшей европейской культуры, – осуществляет русский интеллигент, заблуждающийся, страдающий.

«Каждый, кто перекипел в котле российской государственности, – рядом с любым из европейцев – человек» /М. Волошин/. – Может быть, поэтому?

Россия, жена и мать, любит жизнь, любит Европу, жалеет её, женщину.

Европа не понимает Россию, скорбит о ней. Россия у себя, внутри страны, может только смотреть печальными глазами, благословляя. Совсем бесправная, часто беременная слабыми, но сильными духом, достойными детьми.

Связи между деталями кинофильма – объёмные, аналогии – многогранные, и попытка осмысления фильма оказывается необыкновенно занимательной.

Живой огонёк и живой факел настоящего всё же сильнее прошлого. Будущее – сильнее настоящего. (До тех пор, пока будущее не выросло в прошлое.) Будущему нравятся развалины старого, просвечивающие сквозь ручей истории, который видится ему (будущему) прозрачным и интригующим: образ ребёнка, внимающего поэту.

Поэт стоит в этом ручье, русло которого со всех сторон ограничено каменными стенами – в тупике (если бы не маленькая дверка из будущего, откуда явилось дитя).

Поэт рассказывает притчу о человеке, привыкшему к своей луже, болоту, образу жизни. И не выдернуть человека из привычной среды. Но аренной жизни должен быть весь мир! Ограниченность завершится печально. Жизнь разрушит любое самое искусное подобие жизни.

Пришельцу из будущего, возвращённому в замкнутом европейском пространстве, украшенном мировым опытом, конец света видится привлекательным. Белые города, дорога в горах, синтез природы и цивилизации – это так красиво!

– И это – конец света?!

Будущее не верит, что цивилизация несёт в себе гибель.

– Ближе к природе! – взывает опыт.

Природа, как собака, – верный друг. Она всегда с человеком, когда он правдив. В детстве, во снах. Смерть соединяет их навсегда.

Сыплет вечный снег Вселенной, снег забвения в обломках империи мира, вместившей в себя уголок России.

– Спасать надо человечество! – взывает опыт – сплав науки и культуры, падая с круглой неудобной спины лошади-истории, в отчаянии поджигая себя, превращаясь в живой факел.

А история – «по барской воле» крашенные известью люди и животные, замершие в позах, нужных сильным мира сего – красноречиво молчит.

На ступенях жизни, карьеры, стоят скучные люди. Никто не слушает вопли сумасшедшего.

– Что это за мир, когда выглядишь сумасшедшим, пытаясь спасти его?

И всё же надежда есть: $1+1=1$. «Одна капля и одна капля – это не две капли, это одна большая капля».

Трагичный молодой человек, который кажется шутком, подражает корчам сгорающего Учителя. Не верит словам, он их не понимает, но верит искренности. Он умирает даже раньше Учителя, не умея бороться по-другому, не понимая, почему ему так смертельно больно?

«Ностальгия» – крик о смысле жизни. Стораёт Тарковский! Разглядите. Он – всё. Он – поэт, ребёнок, интеллигент, старик, он – мир, его прошлое и будущее. Он – мы. Мы – мир. Мы – всё. Мы едины.

Равнодушные чистильщики не спасут мир. Ждёт Россия. Спасите природу, спасите мир, себя спасите!

У каждого человека свои развалины, свой дом. Надо, чтобы они были общими. Границы понимания – древние руины – хочется раздвинуть.

Ужас в том, что разрушается здание жизни, что этого не остановить. Закон ли, рок ли – нет места будущему, оно может умереть ребёнком, слушая китайскую музыку, если огоньков, капель, – того, из чего состоит человек, будет мало.

В фильме А. Тарковского прозвучало огромное уважение к людям, которые не могут его не понять.

Алексей Малинов

Алексей Валерьевич Малинов – русский философ, историк русской философии, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Главный редактор журнала «Философский полилог. Журнал международного центра изучения русской философии». Заместитель главного редактора «Мысль. Журнал Петербургского философского общества» (2010–2017). Член редколлегии «Вече. Журнал русской философии и культуры». Член редколлегии «Философические письма. Русско-европейский диалог». Член редколлегии «Метафизические исследования». Автор более 23 монографий и научных исследований.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ АЛЕКСЕЯ ХОМЯКОВА

Поэтическое наследие Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) не велико по объёму. Всего около сотни стихотворений. В жизни поэта были периоды, когда в течение нескольких лет он вообще не писал стихов. Современники высоко ценили поэзию Хомякова, считая его одним из лучших последователей А. С. Пушкина, который, к слову, высоко отзывался о поэтическом даровании Хомякова. Однако поэзия была лишь одной из сторон богато одарённой натуры Хомякова. Многогранность его деятельности поражает: поэт, драматург, живописец, философ, историк, богослов, публицист, изобретатель, архитектор, медик, рачительный сельский хозяин... Не случайно современники сравнивали Хомякова с М. В. Ломоносовым по многогранности его талантов и ставили в один ряд с другим национальным гением – А. С. Пушкиным. Н. А. Бердяев же проводил параллель между Хомяковым и И. В. Гёте. При этом даже не согласные со взглядами Хомякова очень высоко оценивали его нравственные качества, считая его в этом отношении человеком безупречным.

Необычайная одарённость, личное обаяние, нравственный авторитет и жизненная активность сделали из Хомякова лидера движения славянофилов – движения не политического, а литературного и философского, пришедшегося на 40–50-е годы XIX в. Участие в славянофильском кружке постепенно оттенило и оттеснило другие грани творчества Хомякова.

Его поэзия стала рассматриваться, прежде всего, как выражение и пропаганда его славянофильских убеждений. Такой взгляд на поэзию Хомякова верен лишь отчасти. Во многом он был спровоцирован полемикой между славянофилами и западниками и впервые в резкой форме высказан в 1844 г. В. Г. Белинским в статье «Русская литература в 1844 г.».

Статью В. Г. Белинского нельзя считать объективным анализом и беспристрастным критическим разбором поэзии славянофила. Она как раз пристрастна и не лишена односторонности. Оценки и выводы В. Г. Белинского – это часть споров западников со славянофилами, достигших максимальной остроты как раз в 1844 г., после чего эти два течения русской мысли окончательно разошлись. Не последнюю роль в этом разрыве сыграла именно непримиримая и радикальная позиция В. Г. Белинского, целенаправленно шедшего на конфронтацию со славянофилами. Поводом же к разрыву послужила поэзия – стихотворение шурина Хомякова Н. М. Языкова «К ненашим».

При жизни Хомякова был опубликован только один сборник стихов, подготовленный его племянником Д. А. Валуевым в 1844 г., вызвавший резкую критику В. Г. Белинского, утверждавшего, что Хомяков лишён поэтических способностей. Хомяков, по признанию М. Н. Лонгинова, издавшего сборник стихов поэта в 1861 г., никогда не заботился о своей поэтической славе и к новому

изданию стихов у него «как-то не лежало сердце»¹. Следующее более полное издание стихотворений Хомякова вышло в 1861 г. через полгода после его смерти. Впоследствии эта подборка стихов переиздавалась ещё несколько раз (1868, 1881, 1888).

На поэтическое творчество Хомякова живо откликались современники, которые близко его знали и находились под обаянием его личности. К. С. Аксаков в статье «Письма о современной литературе. Письмо 1-ое. Литература предыдущей эпохи» (статья не была закончена; впервые опубликована в сборнике «Проблемы реализма» (Вологда, 1978)), К. А. Коссович в статье «Несколько слов в память А. С. Хомякова» (Русская беседа. 1860. № 2), А. Ф. Гильфердинг в статье «А. С. Хомяков» (Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 216. 7 октября), которые были откликами на смерть Хомякова, дали общую характеристику его личности и поэтического творчества, отмечали значение Хомякова для русской мысли и культуры.

Идейное содержание поэтического наследия Хомякова постарался раскрыть историк литературы, один из последователей славянофильства О. Ф. Миллер в статье «Стихотворения Хомякова со стороны руководящих мыслей», опубликованной в журнале «Заря» (1869. № 7). Он, в частности, называл Хомякова поэтом-гражданином, указывая на особое понимание личности у русского поэта, связывавшего *я с мы*.

Все первые исследователи поэтического творчества Хомякова (помимо упомянутых, Кс. А. Полевой, О. И. Сенковский, М. Н. Лонгинов, А. П. Милуков, В. В. Чуйко) останавливались на основных темах его поэзии: идея славянского единства, роль России, критика исторического пути Запада, тема гордости, подвига и др.

Философское изучение поэзии Хомякова начинается со статей В. Н. Кораблёва «А. С. Хомяков (1804–1904)» (Известия Петербургского славянского благотворительного общества. 1904. № 7) и Э. Л. Радлова «О поэзии А. С. Хомякова» (Сергею Фёдоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911). В. Н. Кораблёв вписывал поэзию Хомякова в движение романтизма, в том числе и выросшей из него немецкой философии. Это позволяло не просто перечислить основные темы поэтического творчества Хомякова, но и показать их связь между собой и с философскими поисками эпохи. Э. Л. Радлов, помимо выявления философских сюжетов поэзии Хомякова (война, подвиг, гордость, личность, вдохновение, смирение, историческая задача России и др.), смотрел и оценивал стихи Хомякова сквозь философию и поэзию В. С. Соловьёва.

В 1912 г. вышла книга Н. А. Бердяева «Алексей Степанович Хомяков», в которой популярный философ касался и поэтического творчества Хомякова. На фоне ярких и не всегда не противоречивых характеристик личности и философии лидера славянофилов, Бердяев признавал отсутствие интимности и лиризма в его стихах. Патриотический подъём Первой мировой войны побудил поэта М. А. Кузмина обратиться к стихам Хомякова в статье «Аналогия и провидение? (О А. С. Хомякове как поэте)» (Аполлон. 1914. № 6/7). Высоко оценивая историософские идеи и гражданственность поэтического творчества Хомякова, он, тем не менее, отмечал однообразность и риторический пафос его поэзии.

Большинство последующих исследований о Хомякове и славянофилах было обращено к их философскому наследию. Литературное, в том числе и поэтическое, творчество славянофилов рассматривалось в сборниках «Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830–1850-е годы» (М., 1978) и «Славянофильство и современность» (СПб., 1994), а также в монографиях В. И. Кулешова «Славянофилы и русская литература» (М., 1976), В. П. Попова «Славянофилы и русские писатели» (Торун, 1988), М. Ю. Карушевой «Славянофильская драма» (Архангельск, 1995). Новый этап в изучении поэтического наследия Хомякова связан с работами Б. Ф. Егорова² и В. А. Кошелева³, им же принадлежат наиболее полные и научные издания стихов поэта-славянофила и его философских работ. Современная отечественная историография обнаруживает устойчивый интерес к поэтическому творчеству Хомякова, предлагая не только

¹ Лонгинов М. Н. Стихотворения А. С. Хомякова / Хомяков А. С. Стихотворения. М., 2005. С. 459.

² Егоров Б. Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003.

³ Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л., 1984; Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000; Кошелев В. А. Парадоксы Хомякова. Заметки и наблюдения. М., 2004.

литературоведческие и филологические, но и философские и историософские интерпретации его творчества¹.

Программным документом славянофильства стало выступление Хомякова с докладом «О старом и новом» зимой 1839 г. в Москве на одной из сред у И. В. Киреевского. Из споров, вызванных докладом Хомякова, и сложился славянофильский кружок. Сюжеты и образы, отсылающие к старине, не являлись доминирующими в поэзии Хомякова. Его поэзия не ограничивается только обращением к старине.

Прямым образом тема старины присутствует, конечно, в произведениях, написанных на сюжеты из русской истории: неоконченная поэма «Вадим» (нач. 1820-х гг.), трагедии «Ермак» (1825–1826) и «Дмитрий Самозванец» (1833). Стилизацию под былинный распев представляет стихотворение «Русская песня» (1830-е гг.).

Образы прошлого, старины в поэзии Хомякова многогранны и противоречивы. С одной стороны, это область безвестности, тьмы («в древние, в безвестны, темны лета»), забвения («тихий ток воды забвенья»), сторона смерти («жилище дедовских костей»), обмана («преданья, / Веков исчезнувших обман»). С другой стороны, старина указывает на фрагменты некоего изначального смысла, идеи, ценности («Следы времён минувших», «Заветы древности седой»), которые могут быть восстановлены, воспроизведены в настоящем. Так, древность ассоциируется, прежде всего, с эпохой величия, веселья и славы:

О прежних веселья минувшего днях

.....

О славных, давно улетевших веках.

(«К арфе», пер. пол. 1820-х гг.)

Величием наполнен образ языческой Греции, который Хомяков воскрешает в своих стихах в связи с войной за независимость Греции в 1821 г. Героическое прошлое Эллады, о котором напоминает поэт, должно придать дополнительные силы восставшим, поднять их боевой дух. Кроме того, греческое восстание воспроизводит давнюю историософскую антитезу борьбы Запада с Востоком, цивилизации с варварством. С историософской точки зрения победа греков гарантирована их культурным превосходством, их былым величием. Идеи, подвиги, достижения старины не умирают, они пребывают в настоящем как залог будущих успехов и побед. Отсюда так важно для Хомякова сбережение старины, её славных дел и культурных достижений. Взывая к исторической памяти греков в 1821 г., он, двадцать лет спустя, будет столь же ревностно стремиться сохранить и воскресить родную русскую старину.

¹ Котельникова И. А. Литературно-эстетические взгляды А. С. Хомякова и И. В. Киреевского (1820–1830-е годы). Автореф. дис. ... к-та филол. н. М., 1999; Океанский В. П. Русская метафизическая лирика XIX века (Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев, поэтика пространства). Дис. ... д-ра филол. н. Иваново, 2002; Фомичев С. А. Два стихотворения А. С. Хомякова // Русская литература. 2004. № 4. С. 106–116; Тамаев П. М. А. С. Хомяков: опыт «домашней поэзии» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2005. Т. 10. № 1. С. 99–106; Косяков Г. В. Эстетическое своеобразие лирики А. С. Хомякова 1840–1850 гг. // Омский научный вестник. 2006. № 8 (45). С. 184–186; Березина Т. Ю. Проблема культурных истоков и идейно-художественных взаимосвязей эстетического идеала в лирике А. С. Хомякова. Автореф. дис. ... к-та филол. н. Омск, 2007.

Рыжков Л. А. Художественное преломление историософских взглядов в поэзии А. С. Хомякова // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2012. № 2. С. 197–200; Рыжков Л. А. Ветхозаветные сюжеты в стихах А. С. Хомякова // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2012. № 4. С. 192–195; Зеленина А. Н. Феномен пути в поэтической гносеологии А. С. Хомякова (от героя к соборной личности). Дис. ... к-та филол. н. Ижевск, 2012; Рыжков Л. А. Идея славянского братства в поэтической линии А. С. Хомякова // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2013. № 3. С. 151–155; Савельева Е. А. Философские идеи поэзии А. С. Хомякова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. II. С. 171–174; Рыжков Л. А. Национальная гордыня и историческая память как идейные конструкты в поэтической версии русской идеи А. С. Хомякова // Филологос. 2015. № 27 (4). С. 61–66; Рыжков Л. А. «Не гордися силой длани...» (императив в поэзии А. С. Хомякова) // Русская речь. 2016. № 2. С. 9–15; Нестерова Т. А. Образ поэта-пророка в творчестве А. С. Хомякова // VIII Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянское слово в контексте времени». Межвузовский сборник научно-методических статей. Челябинск, 2016. С. 64–68; Мыркова А. В., Прокудин Б. А. «Поэты славянства»: А. С. Хомяков и Ф. И. Тютчев о славянской взаимности // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 94–100; Непоклонова Е. О. А. С. Хомякова в контексте его религиозно-философских и художественных исканий // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 182–191; Alexei Khomiakov: The Mystery of Sobornost'. Eugene, Oregon: Pickwick Publications, 2019; Балашова И. А. Лирическая драматургия или драматургическая лирика: А. С. Пушкин и А. С. Хомяков // Пушкинские чтения – 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIV Международной научной конференции. Отв. ред. Т. В. Мальцева, 2019. С. 9–26; Воронаева Е. В. Мотивы гордыни и смирения в духовной лирике А. Хомякова // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (12). С. 21–27.

Так! всё великое в Элладу призывает!

.....
 Где жили сильные, досель их виден след:
 В Элладе каждый холм есть памятник побед.
 В ней славой прежних лет природа вся полна.

(«Послание к Вeneвитиновым», нач. 1820-х гг.)

Стоит отметить, что Хомяков почти не упоминает о Греции как об истоке русского православия. Для него Греция остаётся родиной Античности, а не страной угнетаемых единоверцев. Греция принадлежит культурному миру Запада, а не христианскому Востоку; и помогать ей следует в первую очередь как природе классической древности.

Однако положительный смысл прошлого может быть локализован и в дружеском общении, столь ценимом славянофилами:

В честь прежних лет,
 Святых бесед
 И дружбы нашей.

(«При прощаниях», 1828)

Известно, что славянофильский кружок сложился в конце 1830-х гг. в качестве формы свободного философского общения, объединяющий не только единомышленников, но и друзей, и даже родственников. Славянофилы впервые в русской культуре в столь полной форме воспроизвели изначальный тип философствования как беседы, размышления вслух, сопровождающей дружеское застолье. Философия была для славянофилов способом свободного времяпрепровождения, обеспеченного досуга. Себя славянофилы позиционировали как свободных, досужных мыслителей, которые никому не служат и для которых философия является не только поиском истины, но и способом достичь удовольствие от общения. Ценность и прелесть старины Хомяков сопоставляет со славянофильскими беседами и салонными философскими спорами. В ценностно-смысловом отношении эти беседы не уступают лучшим образцам старины.

Олицетворением старины для Хомякова являются спартанский царь Леонид и древнерусский сказитель Боян, с которыми отождествляет себя поэт:

И, новый Леонид Эллады возрождённой,
 Я буду жить в веках и памяти вселенной,
 Я гряну как Перун!

(«Послание к Вeneвитиновым»)

Здесь молодой Хомяков вновь обращается к языческой древности, сравнивая себя с легендарным спартанским царём и ставя в один ряд греческую Античность и славяно-русское язычество. Древнерусская старина такой же героический и славный период, как и греческая история. Олицетворением её выступает былинный сказитель Боян. «Арфа Бояна» («К арфе») не просто символ старины. В руках поэта она способна смысловым образом вернуть забытые события («Я пел бы старину и битвы древних дней»). Не случайно стихотворение «К арфе» Хомяков заканчивает призывом: «О арфа, со древа ко мне опустись». Арфа даёт возможность восстановить связь настоящего с прошлым, возобновить традицию и огласить смыслом прошлого современность.

Другой символ старины – клинок – символ былой славы и воинской доблести. Беречь клинок означает помнить старину и стремиться удержать или воспроизвести в настоящем главное, что ассоциируется с прошлым – военные победы.

Не призрай клинка стального
 В обделке древности простой
 И пыль забвенья векового
 Сотри заботливой рукой.
 Мечи с красивою оправой,
 В золотых покояся ножнах,
 Блестали тщетною забавой
 На пышных роскоши пирах;
 А он в порывах бурь военных
 По латам весело стучал

И на главах иноплеменных
 Об Руси память зарубал.
 Но тяжкий меч, в ножнах забытый
 Рукой слабеющих племен,
 Давно лежит полусокрытый
 Под едкой ржавчиной времён
 И ждёт, чтоб грянул голос брани,
 Булата звонкого призыв,
 Чтоб вновь воскрес в могучей длани
 Его губительный порыв;

И там, где меч с золотой оправой
 Как хрупкий сломится хрусталь,
 Глубоко врежет след кровавый
 Его синеющая сталь.
 Так не бросай клинка стального
 В обделке древности простой
 И пыль забвенья векового
 Сотри заботливой рукой.

(«Клинок», 1830)

Конечно, это «тяжкий меч», но он может быть востребован в настоящем. Возвращение к прошлому, оживление старины возможно через войну, поскольку война привносит в нашу жизнь подвиг, геройство, т. е. те положительные качества, которыми наполнена старина. Война в поэтическом воображении Хомякова обретает исключительно позитивное значение. Она наполняет смыслом современность и, одновременно, согласует этот смысл с прошедшим. Можно сказать, что война смысловым образом связует и как бы уравнивает современность с древними веками.

Романтическое восприятие войны характерно, прежде всего, для ранних стихотворений Хомякова. В более поздних стихах этого нет. Возможно, участие Хомякова в одной из русско-турецких войн, да и накопившийся с годами жизненный опыт несколько остудили восторженное отношение к войне. Впрочем, едва ли Хомяков даже впоследствии кардинально пересмотрел свой взгляд на «весёлые кровавые бои» («При прощаниях»), когда ещё юношей рвался в бой за освобождение Греции:

О други! как мой дух пылает бранной славой,
 Я сердцем и душой среди войны кровавой,
 Свирепых варваров непримиримый враг.
 .....
 Одно мой внемлет слух, одно в моих очах:
 Лишь стоны, смерть и кровь, ужасный вид сраженья
 И гибель эллинов средь праведного мщенья.

(«Послание к Веновитиновым»)

Война соединяет подвиг, геройство и веселье, но она же способна пресечь стирающий события и значения ход времени. Через подвиг, возможность которого предоставляет война, осуществляется прорыв в вечность, выпадение из обезличивающего временного потока. Война, таким образом, обладает не только силой физического уничтожения, но является силой времяупорной. Подвиг на войне, в равной мере как и творчество, противостоит разрушающему потоку времени, преодолевает время и, благодаря этому, сохраняет смысл, наполняет жизнь смыслом.

Но счастливей стократ, кто с бодрою душою
 За родину летел в кровавый бой
 И лучезарною браздою
 Рассёк времён туман густой.

(«Вадим»)

В одном из последних и лучших своих стихотворений «Подвиг есть и в сраженьи» (1859) Хомяков вновь вернулся к столь важной для него теме подвига. Стихотворение это было навеяно воспоминаниями о покойной жене, Екатерине Михайловне (урождённой Языковой). Теперь Хомяков понимает подвиг гораздо шире и, прежде всего, как подвиг духовный – подвиг смирения, любви и молитвы.

Подвиг есть и в сраженьи,
 Подвиг есть и в борьбе;
 Высший подвиг в терпении,
 Любви и мольбе.
 Если сердце заныло
 Перед злобой людской,
 Иль насилье схватило
 Тебя цепью стальной;
 Если скорби земные
 Жалом в душу впились, –

С верой бодрой и смелой
 Ты за подвиг берись.
 Есть у подвига крылья,
 И взлетишь ты на них
 Без труда, без усилья
 Выше мраков земных,
 Выше крыши темницы,
 Выше злобы слепой,
 Выше воплей и криков
 Гордой черни людской.

Топос старины связан в поэзии Хомякова не только с Древней Грецией, но и с Ладогой («К арфе»), Новгородом («Новоград»), Киевом («Киев»). Старина способна проникать в новизну, прошлое, локализуясь в настоящем, в конце концов, так сказать, разъедавая настоящее, опрокидывает славу и силу, на месте которых остаётся «опустенья и развалины». Таков Новгород в стихотворении «Новоград» (нач. 1820-х гг.), указывающий в своём названии на новизну, но являющийся воплощением старины:

<p>Средь опустенья и развалин, Над быстрой волховской струёй, Лежит он мрачен и печален, К земле прикинув головой. Обнажены власы седые; Совлечены с могучих плеч Доспехи грозные, стальные, И сокрушён булатный меч; Широкий щит, разбитый в брани, Вдали лежит среди полей, И на бросавшей молнии длани Гремит бесславие цепей.</p>	<p>Тебя ли зрю, любимец славы? Веков минувших мощный сын, Племян властитель величавый, России древний исполин? Ах, не таков в минувши годы Являлся ты своим врагам! Тогда покорные народы Носили дань к твоим стопам; Тогда величествен и страшен Ты среди толпы сынов стоял И твой венец из мшистых башен Чело свободное венчал.</p>
--	--

Если Новгород в поэзии Хомякова ещё оживляют отблески былого величия, хотя тень забвения и мрак исторического небытия уже готовы окончательно поглотить его, то образ Киева одновременно проще и лаконичнее. Он отсылает к военной славе и принятию христианства:

Старый Киев над Днепром
 .....
 Русской славы колыбель
 .....
 Руси чистая купель.
 («Киев», 1839)

Здесь звучит ещё один мотив, связывающий старину с периодом детства народа, т. е. переносящий на историю метафору возраста. Впрочем, Хомяков не злоупотребляет аналогиями между народами, государством, с одной стороны, и живыми организмами, с другой. Методология органицизма не получает развития ни в его поэзии, ни в его философских трудах. Лишь следующее поколение славянофилов (Н. Я. Данилевский, К. Н. Бестужев-Рюмин, К. Н. Леонтьев), не без знакомства с позитивизмом, будет обращаться в своих работах к эвристическим находкам биологических метафор.

Силой, обращающей новое к старому, переводящей настоящее в прошлое является время. Хомяков говорит о холодных и тяжёлых руках времени, намекая на связь времени со смертью, с небытием:

Под времени рукой тяжёлой.
 («Ермак»)
 Ужели холодными время руками
 Навеки прервало свой сладостный глас?
 («К арфе»)

Время – стихия тварного бытия. Ход времени совпадает с пульсом жизни, но время же устанавливает границы самой жизни и всего сущего: то, что существует, имеет начало и конец во времени. Это позволяет говорить о жизни как о смысловой целостности, имеющей завершение во времени и в этой своей конечности обретающей смысл своего существования. Не имея окончания, жизнь была бы бессмысленной чередой событий, повторяющихся фактов, однообразием дублирующих друг друга форм. Время теснейшим образом связано со смертью, поскольку смерть – это временной момент завершения жизни:

Песчинка за песчинкой, день за днём
 Скользит без шума, в вечность упадая.
 И так-то год пройдёт, и жизнь сама
 Уйдёт от нас неслышными шагами.
 («Ермак»)

В ранних стихотворениях Хомякова встречается романтизация смерти, когда молодой герой готов пожертвовать собой и тем самым не только физически, но и смысловым образом завершить свой земной путь. Связь времени со смертью кажется очевидной. Смерть, отмеряя время жизни, придаёт жизни смысловую завершённость. Смерть – предел смысла, но она сама смысла лишена, она принадлежит тому пространству хаоса, который окружает жизнь. Однако в качестве границы бытия и небытия смерть подвергается осмыслению, культурной ассимиляции. Её образы наполняют произведения искусства и литературы, визуализируются в обрядах и ритуалах, входят в содержание различных жизненных практик. Постепенно негативное восприятие смерти стирается, от неё может отмеряться и само качество жизни. Так для Хомякова своевременная или даже ранняя смерть позволяет говорить о счастливо прожитой жизни.

Счастлив, кто, избранный богами и судьбой,
 Не зная старости туманных хладных дней,
 Сошёл в безмолвный дом теней,
 Простившись с радостью и жизнью молодою.
 («Вадим»)

Срок жизни, отмеренный судьбой, ставит знак равенства между ранней смертью и жизнью *до конца*, смертью в глубокой старости. Старость здесь не столько характеристика возраста, сколько показатель истончения смысла и, тем самым, иссякания самой жизни. Стариком можно быть в любом возрасте. Старость может быть и безвременной:

Без воли и надежд, безвременный старик.
 («Просьба», 1828)

Смерть неизбежна, и с этой точки зрения не имеет принципиального значения срок ухода из жизни. Главное здесь – сохранение смысла; уйти до того, как жизнь утратит смысл. Впрочем, смерть уравнивает всех: и тех, чья жизнь, казалось бы, была полна смысла, и тех, кто прожил, казалось бы, нелепую жизнь. Неизбежность смерти опять же отрывает её от небытия, переводя в разряд судьбоносных событий, а значит, смысловых состояний. В качестве рокового события смерть встраивается в ряд других важнейших моментов жизни. Смерть – событие, хронологически завершающее череду прочих жизненных происшествий, от которых она отличается лишь тем, что служит пределом всякого смысла.

Нет нужды: и предел один, нам всем суждённый,
 Быть жертвой грозного властителя теней.
 Так: гроб всех смертных ожидает,
 И поздно, рано ли – наш жребий выпадает
 Из урны роковой.
 И презирающий моленья и стенанья
 Айдеса страж седой
 Нас повлечёт чрез Стикс на вечное изгнание.
 («К Деллию», пер. пол. 1820-х гг.)

Одной из аллегорий смерти в стихах Хомякова выступает сон. Сон – временная смерть, выпадение из цепи жизненных событий. Но сон может быть и переходом к смерти, т. е. той границей, которая отделяет жизнь от небытия. Во сне слышится дыхание небытия:

Подумать страшно. Сон лукав!
 .....
 Что, если чувство бытия
 И страсти бурное волненье,
 И мыслей гордое паренье
 В единый миг утрачу я?
 («На сон грядущий», 1831)

Сновидческая материя смерти сближает её с иллюзией, фантазией, фатаморганой (хотя, конечно, не превращает в только иллюзию), так же как танатоподобная природа сна приводит к его пониманию в качестве пограничного состояния. Сон для Хомякова выступает границей как между жизнью и смертью, так и в целом между различными временными периодами. Последнее стихотворение Хомякова

так и называется: «Спи!» (1859). В нём поэт не только проводит параллель между сном и смертью, но и рассматривает возрасты человеческой жизни по аналогии с временами года, циклом природного бытия.

Время, таким образом, представляется Хомякову как диалектический процесс перетекания от небытия к бытию, от бытия к небытию. Жизнь отдельного человека или даже народа и государства имеет во времени предел своего земного существования, но сама жизнь как процесс бесконечна:

И века проходят,
И века рождаются, –
Вечное боренье,
Пламенная жизнь.
(«Молодость», 1827)

Цикл человеческой жизни (последовательная смена периодов-возрастов), вегетативный цикл природы задают восприятие времени как такого же циклического процесса смены жизни и смерти. Меняется лишь внешнее обличье, но сам процесс – вечен. Ход времени вполне естественен, независим от человека и в этом отношении сродни природе, что позволяет Хомякову уподобить течение времени переменам в природе:

Но ах! быстрее облаков,
И струй, и вешних ветерков
Мелькают дни за днями.
(«Вадим»)

Смена времён года («Сын времени свершил свой ход»), вегетативные процессы в природе, чередование возрастов человеческой жизни – всё это следы движения времени, перелистывающие страницы событий, движущихся от настоящего к прошлому. С точки зрения человеческой жизни такое прошлое становится историей. Точнее, только то прошлое, которое имеет смысл, сохраняет смысл, – есть история. История – один из основных предметов философского интереса Хомякова. Не случайно наиболее значительный вклад Хомяков внёс именно в историософию. Историософским настроением пропитаны его поэтические рассуждения о России и славянстве.

В истории и через историю в нашу жизнь вносится привкус непостоянства, бренности всего земного, недолговечности власти, славы, богатства. История – перманентное движение, аннигилирующее ценности настоящего, девальвирующее настоящее, опрокидывающее значения и смыслы современности. Хомяков рисует в стихах череду исторических перемен, оставляющих лишь «горькую усмешку»:

Так неисчётны над землею
Промчались смертных племена;
Восстали, ринулись державы,
Народы сгибли без следов
И горькая усмешка славы
Одна осталась от веков.
(«Старость», 1827)

Века прошли, и племена другие
Покрыли край, где прах певца лежал.
(«Сон», 1828)

История – луч света в царстве небытия, но всё, с чем она имеет дело, – только прах, тлен, пыль земная. Историк не дана полнота человеческого бытия. Всё, с чем он имеет дело, обладает сомнительной подлинностью, нуждается в проверке, критике, интерпретации. Действительность истории требует дополнительного удостоверения, исходящего от смысла настоящего. Не случайно всё, с чем сталкивается историк, – это не наблюдаемая реальность, а только смысл. Единственным средством сохранения прошлого не в его фактической, а смысловой реальности является память. Историей становится то, что достойно упоминания, о чём стоит вспомнить. Прежде всего – это личности и события, с которыми связаны величие и слава:

Нет, ты не умрёшь, потомством не забытый;
Нет, память о тебе пойдёт из рода в род,
К дальнейшим временам, с бессмертною хвалою.
(«Ермак»)

Память, конечно, не возвращает старину; она лишь воспроизводит смысл прошлого и тем самым как бы удваивает реальность. Живя настоящим, мы способны переживать те смыслы, которые были актуальны в прошлом. Таким образом, мы по смыслу оказываемся связаны с прошлым, а старина смысловым образом присутствует в настоящем:

Волшебной силой вспоминая;
Я буду жизнью жить двойной.
(«К В. К<иреевскому>», 1827)

В отличие от повседневной жизни, прошлое исполнено смыслом. Всё случайное и временное ушло; память сохранила лишь то, что имеет смысл, значение для настоящего. В смысловом отношении прошлое и старина превосходят настоящее и новизну. Прошлое в сравнении с настоящим обладает смысловой избыточностью, ведь прошлое – это только смысл. Настоящее же, напротив, наполнено частными, преходящими, окказиональными, часто нелепыми моментами, в нём встречаются смысловые провалы и экзистенциальные пустоты. Однако сознание бренного земного бытия и скоротечности жизни ставит под сомнение абсолютность тех смыслов, которые достались нам от прошлого. По большому счёту, всё содержание старины – это лишь иллюзия смысловой полноты. Не случайно прошлое так же может быть заражено тоской, как и обыденная жизнь:

И всё душа невольно тосковала,
И снова грусть былое воскрешала,
И мысль моя носилась в прежних днях.
(«Сонет», 1830)

Хомяков довольно однообразно характеризует современность. «Наш век есть век чугунный», – пишет он («При прощаньях»). Или в другом месте: «В век наш роковой» («Разговор», 1831). В стихотворении «Разговор» полнее всего представлено мнение Хомякова о том времени, в котором ему довелось жить. И если старина мыслится им как воплощение веселья, силы и величия, то современность гораздо прозаичнее – это господство рационалистического мировоззрения и эгоистических страстей:

И эгоизм, как червь голодный,
Съедает наш печальный век.
Угасло пламя вдохновенья, увял поэзии венец
Пред хладным утром размышленья,
Пред строгой сухостью сердец.
.....
Круг истин скучен нам и тесен.
(«Разговор»)

Рациональное мышление приводит к преобладанию утилитарной точки зрения, к господству исчисляющего, прагматического взгляда на мир. В общественной жизни это проявляется в социальном атомизме – источнике эгоистических стремлений. Хомяков спокойно, без лишнего критического пафоса, как будто сам поддавшись очарованию калькулирующего разума, перечисляет те дела, которым отдают предпочтение его современники, которые составляют содержание «чугунного века». Однако не вызывает сомнения негативное отношение поэта к столь откровенному и упрощённому прагматизму. Всё учение Хомякова и сама его жизнь являются протестом против господства обыденности и посредственности, против вымывания из жизни трансцендентного начала и жаждущей этого начала веры. Упрощение жизни приводит и к духовному опрошению, преобладанию количественных характеристик над качественными, вещи над человеком. Одномерной экзистенции своего века Хомяков противопоставляет чувство причастности Абсолюту, постигаемому через веру.

Науки верные расчёты;
Глупцами движимый народ;
Властолюбивцев тёмный ход;
Купцов смышлёные заботы.
(«Разговор»)

Такой воспринимает Хомяков современность. Но главный грех «чугунного века» – в подавлении творческого начала, в ослабевании силы вдохновения. Мир погружается в суету мелочных политических интриг, коммерческих расчётов и господства самодовольной посредственности. Поэту в таком мире нет места, отсюда поэтический взор Хомякова обращён к прошлому, в котором он видит утрачиваемую в современности силу творчества, подвига, самопожертвования, геройства, а также к России, воплощающей ценность альтруистической любви, правды и религиозной веры, проявляющейся в покаянии и смирении.

Творчество сближает со стариной выход за пределы постылой «суеты земли бесплодной» («Вдохновение», 1831) и «шума денного бытия» («Видение», 1840). И если архаический рывок обращает нас к миру древности, к стоящему на грани небытия ветхому существованию, но наполненному силой смысла, то творчество раскрывает новый мир:

И новый мир сей к жизни рвётся,
Стремится к звукам, просит слов.
(«Два часа», 1831)

И вольною мечтой свой новый мир творить,
И среди роскошного творенья
Другую, дивной жизнью жить.
(«На сон грядущий», 1831)

Для Хомякова творчество (в равной мере как поэтическое, так и смелость самостоятельного мышления) противостоит обыденности, «житейским волнениям», «привычным волнениям». Мысль сама по себе не новая. Мир повседневной жизни для Хомякова – это «мрак дольней суеты» («Жаворонок, орёл и поэт», 1833), «житейская борьба», «суета земная», «смутный быт людей» («Элегия», 1835), «тёрн помыслов земных» («Вдохновение», 1831), «клубок роскоши ленивой» («Благочестивому меценату», 1858), «беспечная лень» («К***», 1832). Лень – главный соблазн, угрожающий поэту:

И если раз, в беспечной лени,
Ничтожность мира полюбив,
Ты свяжешь цепью наслаждений
Души бунтующий порыв.
(«Вдохновение»)

То, хочется дополнить за поэта, утратишь божественный дар творчества. Странно, но самого Хомякова в лени упрекал Н. А. Бердяев. Конечно, Хомяков вёл барский образ жизни, но эта жизнь давала столь необходимый для философии и творчества досуг. Социальное положение предоставляло Хомякову свободу, без которой невозможны ни философия, ни творчество. Многообразная деятельность Хомякова – лучшее опровержение его лени.

Только творчество способно примирить поэта с действительностью. Оглашение мира смыслом, которым наделён поэт, приводит к смысловому преобразованию реальности, как творению нового мира. Впрочем, этот новый или грядущий мир рисуется Хомякову в крайне обобщённых, даже смутных чертах:

И к жизни звучной и свободной.
(«Думы», 1831)

Что означает звучная жизнь? Это жизнь и окружающий мир, озвученные человеком, наделённые смыслом.

Наравне с творчеством обыденной жизни в поэзии Хомякова противостоит природа, но не в качестве царства смысла или нового мира, а как существование, лишённое искусственных и условных ограничений, которыми наполнена жизнь людей в обществе. Любопытно, что образ родной природы часто ассоциируется у Хомякова со степью. Его восхищает «степей кочующая воля». Романтический идеал природы как естественной жизни представлен в стихотворении «Степи» (1828):

Ах! я хотел бы быть в степях
 Один с ружьём неотразимым,
 С гнедым конём неутомимым
 И с серым псом при стременах.
 Куда ни взглянешь, нет селенья,
 Молчат безбрежные поля,
 И так, как в первый день творенья,
 Цветёт свободная земля.
 Там не просёк её межами
 Людей бессмысленный закон;

Людей безумными трудами
 Там Божий мир не искажён;
 Но смертных ждёт святая доля:
 Труды, здоровье, покой,
 Беспечный мир, восторг живой,
 Степей кочующая воля.
 Ах! для чего ж я не в степях
 Один с ружьём неотразимым,
 С гнедым конём неутомимым
 И с серым псом при стременах?

Хомяков, как известно, был страстным охотником, прекрасно разбирался в охотничьих собаках и тонкостях псовой охоты. По словам Н. А. Бердяева, Хомяков «в погоне за зайцами разрешает свою тоску»¹. Охота в степи означает не только сближение с природой и ощущение органического единства с окружающим миром. Издревле загонная охота служила для тренировок воинских навыков. Хомяков воспринимает охоту в качестве отзвука столь высоко ценимого им воинского дела. В то же время в природе поэт ищет источник вдохновения, черпает материал и образы для творчества. Именно в этом состоит близость природы и творчества, а не в уподоблении сочинённого естественному. Мир социальный – мир безумный, но ведь природа ещё менее осмыслена, чем общество.

Поэтический взгляд преображает саму природу; так же как память делает прошлое историей, поэзия превращает природу в одушевлённое существование. Поэзия – душа природы. От поэтического прикосновения природа оживает, начинает дышать всей полнотой человеческого духа. Не случайно Хомяков видит в явлениях природы то же диалектическое взаимопроникновение противоположностей, какое он находит в человеке:

Заря! Тебе подобны мы!
 Смешенье пламени и хлада,
 Смешение небес и ада,
 Слияние лучей и тьмы.

(«Заря», 1825)

Творчество и природа противопоставляются Хомяковым повседневному существованию, опирающемуся на рассудочные устои человеческого общества, погрязшему в мелочных заботах, жажде славы, поисках наживы. Олицетворением этого пошлого бытия для Хомякова является Запад – мир лжи, корысти и мещанского прозябания. Впрочем, Хомяков понимает и принимает все те достижения, которые дали западноевропейская наука и философия, – «страна святых чудес». Но это всё в прошлом. Поэт разочарован историческим итогом, к которому пришёл западный мир. Он мертвеет и погружается во мрак. Современное состояние Запада вызывает у Хомякова аналогию с временами года – это зима:

Давно увядшие цветы существованья
 .....
 И с памятью утрат и прежних наслаждений.

(«Зима», 1830)

Европейские страны рождают у Хомякова различные ассоциации. Так, Италия – «страна чудес / И пламенных искусств, и радужных небес», Швейцария – «убежище свободы», а Франция – роскоши («Зима»). Полнее всего отношение Хомякова к европейскому западу высказано в двух стихотворениях: «Мечта» (1835) и «Остров» (1836), написанных в период созревания его славянофильских идей. Хомяков признаёт исчерпанность западноевропейского пути социального и культурного развития, хотя и восхищается его историей и прежними достижениями. Запад воплотил в своей истории многие лучшие стороны человеческой культуры: мудрость науки и философии, веру и любовь, величие воинских подвигов и творческого вдохновения. Поэт готов преклониться перед этими достижениями, но осознаёт, что они остались в прошлом. На смену им надвигается сумрак исторического небытия.

¹ Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков / Хомяков А. С. Стихотворения. М., 2005. С. 532.

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
 На дальнем Западе, стране святых чудес:
 Светила прежние бледнеют, догорая,
 И звёзды лучшие срываются с небес.
 А как прекрасен был тот Запад величавый!
 Как долго целый мир, колена приклонив
 И чудно озарён его высокой славой,
 Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.
 Там солнце мудрости встречали наши очи,
 Кометы бурных сеч бродили в высоте,

И тихо, как луна, царица летней ночи,
 Сияла там любовь в невинной красоте.
 Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
 И веры огонь живой потоки света лил!..
 О! никогда земля от первых дней творенья
 Не зрела над собой столь пламенных светил!
 Но горе! век прошёл, и мертвенным покровом
 Задёрнут Запад весь. Там будет мрак глубок...
 Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
 Проснися, дремлющий Восток!
 («Мечта»)

Славянофилы и в первую голову Хомяков, как известно, были людьми по-европейски широко образованными, хорошо знали и любили европейскую культуру, нередко выезжали за границу и публиковали там свои произведения. В стихах, посвящённых Европе, выражено не личное отношение Хомякова к западной истории и культуре, а его историософские прозрения. Здесь Хомяков предстаёт уже не только поэтом, но и пророком. Финальный призыв к Востоку лишь подтверждает профетический смысл стихотворения, которое обращено к будущему.

К Востоку Хомяков взывал и в некоторых других своих произведениях, видя в нём альтернативу погружающемуся во тьму Западу. Востоку здесь, естественно, приписываются характеристики света. Восток остаётся для поэта источником религиозной истины и свободы, освещающим исторический путь человечества:

Чтоб страданиями – свободы
 Покупалась благодать;
 Чтоб готовились народы
 Зову истины внимать;
 Чтобы глас её пророка
 Мог проникнуть в дух людей,
 Как глубоко луч с Востока
 Греет влажный тук полей.

(«Помнишь, по стезе нагорной», 1859)

Какой Восток имеет здесь в виду поэт, он не уточняет. Очевидно, что Восток для него понятие не географическое, а культурно-историческое. С Востоком для Хомякова связана метафора света, так же как с Западом – метафора мрака. Историософское восприятие Хомякова предельно контрастно, оно не осложнено оттенками и полутонами. Но такова, скорее всего, общая метафорическая и даже аксиологическая природа его поэзии и его мышления в целом. Хомяков мыслит крайностями; его мышление диалектично, оно не предполагает непреодолимой пропасти между Востоком и Западом. Восток идёт на смену Западу, а значит, является наследником и продолжателем его лучших традиций и преемником его результатов. Не случайно призыв Хомякова обращён к Востоку.

Схожим призывом заканчивается ещё одно стихотворение – «Остров», – но здесь призыв обращён уже к России:

Остров пышный, остров чудный;
 Ты краса подлунной всей,
 Лучший камень изумрудный
 В голубом венце морей!
 Грозный страж твоей свободы,
 Сокрушитель чуждых сил,
 Вкруг тебя широко воды
 Океан седой разлил.
 Он бездонен и просторен,
 И враждует он с землёй;
 Но смиренен, но покорен,
 Он любит тебя;
 Для тебя он укрошает
 Свой неистовый набег

И, ласкаясь, обнимает
 Твой белеющий берег.
 Дочь любимая природы,
 Благодатная земля!
 Как кипят твои народы,
 Как цветут твои поля!
 Как державно над волною
 Ходит твой широкий флаг!
 Как кроваво над землёю
 Меч горит в твоих руках!
 Как светло венец науки
 Блещет над твоей главой!
 Как высоки песен звуки,

Миру брошенных тобой!
 Вся объята блеском злата,
 Мыслью вся озарена,
 Ты счастлива, ты богата,
 Ты роскошна, ты сильна.
 И далёкие державы,
 Робко взор стремя к тебе,
 Ждут, какие вновь уставы
 Ты предпишешь их судьбе.
 Но за то, что ты лукава,
 Но за то, что ты горда,
 Что тебе мирская слава
 Выше Божьего суда;
 Но за то, что Церковь Божью
 Святотатственной рукой
 Приковала ты к подножью
 Власти суетной, земной...

Для тебя, морей царица,
 День придёт – и близок он –
 Блеск твой, злато, багряница –
 Всё пройдёт, минет как сон:
 Гром в руках твоих остынет,
 Перестанет меч сверкать,
 И сынов твоих покинет
 Мысли ясной благодать.
 И забыв твой флаг державный,
 Вновь свободна и грозна,
 Заиграет своенравно
 Моря шумная волна.

И другой стране смиренной,
 Полной веры и чудес,
 Бог отдаст судьбу вселенной,
 Гром земли и глас небес.

«Пышный» и «чудный» остров – Англия. Хомяков рисует величие Британской империи, но про- рочит ей крах. Хомяков пишет об этом в пору расцвета Британской колониальной империи, до падения которой остаётся больше века. Реальные признаки упадка и ослабления ещё никак себя не проявили, напротив, империя находится на пике могущества, её ждёт экстенсивный рост, победа в двух мировых войнах, удушение германской гегемонии в Европе и навязывание англо-саксонских параметров мирового порядка. С материальной стороны английское доминирование кажется бес- спорным, но историософский взгляд Хомякова прозревает её духовные изъяны: ложь, гордыню, безверие.

В чём причина падения Запада? Не в утрате силы или появлении более могущественного сопер- ника, а в утрате правды: в господстве лжи, гордыне, властолюбии, безверии. Запад гибнет от своих пороков. Бог от него отвернулся. Таков приговор славянофильского Иеремии.

Предрекаемый Хомяковым итог западного мира есть следствие длительного исторического раз- вития Европы, впавшей в ересь суемудрия, обрекающую её на духовное бесплодие. Место живой веры в Европе заступила книжная мудрость, олицетворяющая старость культуры:

Школ воспитанник седой
 Гордый мудростию книжной.
 («Широка, необозрима», 1858).

Рассудочное мышление, расшатывая традиционные устои жизни, лишь усиливает чувство бес- покойства и без того охватившего современную цивилизацию. Бестолковая суета, наполняющая жизнь современного человека, приходит на смену эсхатологическим ожиданиям. Если эсхатология ещё оставляла человеку возможность опоры в трансцендентном, и в этом был его шанс на спасение, то западная цивилизация оставляет человека один на один с аннигилирующей логикой абсурда. Жизнь, основанная на голом разуме, жизнь, лишённая веры, мало плодотворна. Не случайно евро- пейская культура, несмотря на внешний успех, оказывается в её нынешнем виде безрезультативной, источник её творческого развития иссяк. По словам Хомякова, разум:

Цельный мир кругом хранит,
 А от душ неугомонных
 Ваш тревожный мир не спит:
 Бродит, ищет, речь заводит
 С тем, с другим, всё прока нет!
 («Жаль мне вас, людей бессонных», 1853)

Западный разум – вечно бодрствующий трансцендентальный субъект, воспринимающий мир сквозь оптику априорных форм в качестве своего собственного порождения. Именно специфика новоевропейского типа мышления приводит западный мир к господству лжи. Когда на уровне про-

явлений разума, его *cogitatum* восприятие реальной вещи неотлично от сновидения или фантазии, то и весь мир такого субъекта не только неотличим от сна, но и ложь неотличима от истины.

Критика Запада и признание исчерпанности пройденного Европой культурно-исторического пути не означают у Хомякова однозначной идеализации России. Да, Россия противопоставляется им Западу. Но какая Россия? О. Ф. Миллер в своё время верно заметил, что критика поэта направлена на Россию реальную, а его поэтические прозрения и призывы обращены к России грядущей.

Образ России нередко раскрывается Хомяковым через описание родной природы. Особенно это заметно в ранних стихах, например в «Послании в другу» (1822). Часто привлекает его степь, он с любовью пишет «Про нашу степь, про звонкие метели» («Две песни», 1831), его пленяет «Отчизны дикая краса» («Иностранка», 1832).

Антитезой степи как родного пространства выступает пустыня – безжизненный край. Таков для Хомякова Петербург:

гранитная пустыня
Гордится мёртвой красотой.
(«<В альбом С. Н. Карамзиной>», 1832)

Развёрнутое историсофское прочтение России дано Хомяковым в двух стихотворениях: «России» (1854) и «Ключ» (1835). Образ родника изъясняется им в таких выражениях, как: «фонтан живой», «веры ясная святыня», «поэта чистая отрада». Все эти характеристики лесного источника Хомяков переносит на Россию. Однако если ключ хранит свою чистоту «в глуши, в тени древесной», то задача России другая: утолить страждущие от духовной жажды народы, излить заключённую в роднике благодать, соединяя в любви и свободе разноязыкие племена.

Сокрыт в глуши, в тени древесной,
Любимец Муз и тихих дум,
Фонтан живой, фонтан безвестный,
Как сладок мне твой лёгкий шум!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщут в жаркий день
Копыто жаждущего стада
Иль поселян бродящих лень;
Лесов зелёная пустыня
Тебя широко облегла,
И веры ясная святыня
Тебя под кров свой приняла;
И не скуют тебя морозы,
Тебя не сушит летний зной,
И льёшь ты серебряные слёзы
Неистошимою струёй.

В твоей груди, моя Россия,
Есть также тихий, светлый ключ;
Он также воды льёт живые,
Сокрыт, безвестен, но могуч.
Не возмутят людские страсти
Его кристальной глубины,
Как прежде холод чуждой власти
Не заковал его волны.
И он течёт неиссякаем,

Как тайна жизни невидим,
И чист, и миру чужд, и знаем
Лишь Богу, да Его святым.

Но водоёма в тесной чаще
Не вечно будет заключён.
Нет, с каждым днём живей и краше
И глубже будет литься он.

И верю я: тот час настанет,
Река свой край перебежит,
На небо голубое взглянет
И небо всё в себе вместит.
Смотрите, как широко воды
Зелёным долом разлились,
Как к берегу чуждые народы
С духовной жаждой собрались!
Смотрите! мчатся через волны
С богатством мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли.
И солнце яркими огнями
С лазурной светит вышины,
И осиян весь мир лучами
Любви, святыни, тишины.

(«Ключ»)

В стихотворении «Ключ» описание природы проецируется на страну, которая предстаёт развёрнутой метафорой природного источника. Хомяков отводит России роль духовного наставника, объединяющего творческие начала человечества и обнимающего народы силой «любви, святыни, тишины».

Несовпадение реальной и чаемой России хорошо показано Хомяковым в стихотворении «России» (1854). Он вскрывает противоречие между действительным состоянием страны, описание которой поэт предельно критически заостряет, и тем призванием, той исторической задачей, которая стоит перед Россией.

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш любил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовёт
Через волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.
(«России»)

Патриотический настрой стихотворения, казалось бы, нивелируется беспощадной критикой социальных грехов России, обличением царящей в ней неправды. Осуждение российской действительности нужно Хомякову, чтобы по контрасту подчеркнуть величие её предназначения, а также для того, чтобы показать, что Бог на стороне того, в ком правда, а не мирская сила. Борясь с собственной несправедливостью, ложью, рабством, ленью, Россия приближается к решению предназначенной ей задачи. Преображение России необходимо для исполнения её исторического предназначения, которое в стихотворении «России» Хомяковым только намечено («За братьев!»). Главное же для Хомякова – тот путь, который должна пройти Россия, чтобы подняться вровень стоящей перед ней задачи, чтобы быть достойной своего призвания. Это путь покаяния и смирения:

Но в силе трезвенной смиренья
И обновлённой чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.
(«Раскаявшейся России», 1854)

В раннем стихотворении «Послание Веневетиновым» Хомяков ещё возлагает надежду на военную силу России, способную помочь восставшим грекам:

русский меч стальной,
Спаситель слабых царств, надежда, страх вселенной.
(«Послание Веневетиновым»)

Позднее он говорит уже о силе духовной. Для России такой силой будет вера, правда, свобода и любовь. Поэт убеждён, что победа в борьбе даётся народу по вере его:

И не меч, не штык трёхгранный,
А в венце полных звёзд –
Усмиритель бури бранной –
Наша сила, Русский крест!
(«<На перенесение наполеонова праха>», 1840)

Значение веры как реальной силы Хомяков подчёркивал в стихотворении «Мы род избранный, – говорили» (1851). Однако сила веры не переходит буквально в силу мирскую. Реальная сила и власть над миром принадлежат не людям. Вера лишь свидетельствует о верности избранного пути, о его совпадении с предначертанным ходом событий. Собственно говоря, вера нужна не для приобретения власти на земле, а для укрепления и распространения самой веры, для того

чтобы привести к Богу человечество. В этом же смысл истории как богочеловеческого процесса – возвращение человечества и всего тварного бытия к абсолютному началу.

Но с теми Бог, в ком Божья сила,
Животворящая струя
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия;

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил;

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто всё зовёт народы
В духовный мир, в Господень храм.

(«Мы род избранный, – говорили»)

Ещё одним оружием России, убеждён Хомяков, должна стать правда как средство борьбы с ложью и клеветой – стихиями социально-государственного устройства мира Запада. Изобличая ложь, Россия словом способна добиваться победы, но слово правды, настаивает Хомяков, – это божественное слово:

И ты – когда на битву с ложью
Восстанет правда душ святых –
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шелом;
Её оружие – Божье слово,
А Божье слово – Божий гром!

(«Давид», 1844)

Хомяков не случайно упоминает ветхозаветного Саула – первого царя Израиля. Поражение иудеев и смерть Саула в битве с филистимлянами были следствием утраты Саулом веры, так что он «стал мал в глазах Господа». Вместо веры в Бога Саул перед битвой идёт к колдунье. Хомяков обращается к этому сюжету, чтобы показать, что борьба с ложью – это духовная брань, основным средством которой должна служить свобода слова, от стеснения которой так страдали славянофилы. У стихотворения есть и вполне конкретный повод: преследование митрополитом Филаретом старообрядцев полицейскими мерами, против чего выступали славянофилы.

Вера и правда необходимы России для проведения в жизнь двух других начал: любви к людям (братской любви) и свободы. Ближайшим образом, полагал Хомяков, это должно вылиться в помощь южным и западным славянам, лишённым своей государственности и находящимся под иноземным владычеством. В стихотворении «Раскаявшейся России» он призывал:

Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,
Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!

(«Раскаявшейся России»)

В стихотворении «Парус поднят; ветра полный», написанном по поводу выхода славянофильской газеты «Парус», Хомяков уже говорит о возможном собирании славянских народов, объединяющихся вокруг России на принципах правды и любви:

Парус Русский!.. Через волны
 Уж корабль несётся сам.
 И готов всех братьев чёлны
 Прицепить к крутым бокам.
 Поднят флаг: на флаге виден
 Правды суд и мир любви.
 Мчись, корабль: твой путь завиден...
 Господи, благослови!

(«Парус поднят; ветра полный», 1858)

Впрочем, в ранних произведениях Хомяков допускал возможность политического сближения народов. В трагедии «Дмитрий Самозванец» он вкладывает эту мысль в уста Дмитрия:

И Русь моя других держав главою,
 И русский царь глава других Царей!

(«Дмитрий Самозванец»)

Правда, это, можно сказать, единственный призыв поэта, подразумевающий политическое преобладание русского народа в славянском мире. Соблазн государственного господства Хомяков быстро преодолел. Объединение славян, полагал он, возможно только добровольно и только на началах правды, свободы и любви.

Панславистские мотивы чаще других привлекали внимание исследователей в лирике Хомякова. Мысль о славянском единстве лежит, так сказать, на поверхности идейного содержания некоторых его поэтических произведений. Она же непосредственно стыкуется со всей системой мирозерцания славянофильского кружка, хотя в раннем славянофильстве панславистские мечтания не были особенно распространены. Не они двигали мыслью славянофилов и подталкивали их к действию. Главное сводилось к требованию самостоятельного мышления (самобытного любомудрия) и выработке социокультурных начал русской жизни, исходя из самой русской жизни и её истории, а не из европейских заимствований.

В стихах Хомякова, обращённых к славянам, самое распространённое слово – братья, подчёркивающее не только племенное родство славянских народов, но и основной принцип славянского единства – братскую любовь, являющуюся частным случаем общечеловеческой любви. Братская любовь не предполагает подчинения; братья равны, хотя между ними могут быть старшие и младшие. Роль старшего брата в славянской семье Хомяков отводил России. Братская любовь также означает признание индивидуальности каждого народа и его полной свободы. Поэтому так важно, считал Хомяков, добиться для славянских народов свободы политической, которая является гарантом сохранения и всех остальных свобод. Единство во множестве, основанное на свободе и любви, т. е. принцип соборности – вот идеал, предлагаемый Хомяковым славянам, равно как и всем другим народам.

Пронесётся мрак ненастный,
 И, ожидаемый давно,
 Воссияет день прекрасный,
 Братья станут заодно:

Все велики, все свободны,
 На врагов – победный строй,
 Полны мыслью благородной,
 Крепки верою одной.

(«Не гордись перед Белградом», 1847)

Вставайте, славянские братья,
 Болгарин, и серб, и хорват!
 Скорее друг к другу в объятия,
 Скорей за отцовский булаг!

(«Вставайте! оковы распались», 1853)

Призыв к борьбе, к оружию здесь нужно понимать буквально. Он обращён в том числе и к России, но главное её оружие, как мы помним, правда и свобода. Второе по частоте употреблений слово в славянофильской поэзии Хомякова и, вместе с тем, образ, ассоциирующийся со славянством, – это орёл. Одно из стихотворений панславистского цикла так и называется «Орёл»:

Высоко ты гнездо поставил,
Славян полунощных орёл,
Широко крылья ты расправил,
Глубоко в небо ты ушёл!
Лети, но в горнем море света,
Где силой дышащая грудь
Разгулом вольности согрета,
О младших братьях не забудь!

(«Орёл», 1832(?))

Россия, в стихотворении Хомякова – «орёл полночи», – единственная славянская держава. Не случайно поэтому к ней обращены взоры «младших братьев». Образ орла в поэзии Хомякова, вероятно, далеко не в первую очередь отсылает к государственной геральдике славянских народов. Для него важнее ассоциации, вызываемые этой благородной птицей и приписываемыми ей качествами, которые можно перенести на славянские племена. Хомяков даже причудливо сочетает орлов и морскую стихию – ещё один образ славянских народов, восходящий к А. С. Пушкину:

Вскипите ж, славянские волны!
Проснитесь, гнёзда орлов!

(«Вставайте! оковы распались»)

К роли России в деле политического освобождения славян Хомяков обращался в стихотворении «Ода (На Польский мятеж)»:

Орлы Славянские взлетают
Широким дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным Орлом.
Их твёрд союз, горят перуны,
Закон их властен над землёй,
И будущих Боянов струны
Поют согласие и покой!..

(«Ода (На Польский мятеж)», 1830)

Здесь Хомяков, вероятно, недаром вводит в стихотворение языческие образы: перуны, струны Бояна, как бы намекая на дохристианские традиции славян. Религиозные противоречия в славянском мире между католиками и православными, католиками и протестантами, христианами и мусульманами слишком сильны. Они, безусловно, препятствуют объединению народов, поэтому поэт и упоминает тот исторический период, когда этих противоречий среди славян не было. Политические претензии и исторические обиды в славянском мире, конечно, тоже присутствуют. Чего стоит хотя бы многовековое соперничество России и Польши, но политические притязания могут быть в значительной мере удовлетворены восстановлением государственности у славянских народов. Религиозные же противоречия имеют более глубокий характер. Любопытно, что в панславистских стихах Хомяков, в жизни глубоко верующий православный человек, почти не обращается к христианской символике.

Объединительная роль России в освобождении славян понятна и исторически объяснима: в XIX в. Россия оставалась единственным славянским государством, сохранившим свою независимость. Но вокруг какого центра могут объединиться славяне? Для России западно- и южнославянские земли выглядят как довесок на её западных границах. В качестве центра притяжения Россия кажется слишком неоднородной. Таким центром, полагает Хомяков, должен стать Киев – столица древнерусского государства:

Пробудися, Киев, снова!
 Падших чад своих зови!
 Сладок глас отца родного,
 Зов моленья и любви.

(«Киев», 1839)

Хомяков нигде не говорит о славянской исключительности, о каких-то особых качествах славян, выгораживающих их перед другими народами. Даже в своих панславистских стихах он остаётся поэтом всечеловеческим, а не узко национальным. Он не противопоставляет славян другим народам, даже не сравнивает народы между собой, тем более с целью принижения какого-либо из них. Хомяков противопоставляет Россию и Запад, но это антитеза культурно-историческая, цивилизационная, а не племенная. В историсофском трактате «Семирамида», усматривая в истории конфликт народов-завоевателей с народами-домостроителями, он воспринимает германцев и славян в качестве выразителей этих исторических начал, а не этнических образований. Главный вывод историсофии Хомякова сводился к признанию определяющего значения веры в истории (иранство и кушитство), а не племенных особенностей.

Считается, что Хомяков мало писал, отдавая предпочтение стихии живого общения. Страстный спорщик, «бретер диалектики», по выражению А. И. Герцена, он был представителем салонной и кружковой философии в России, с её приоритетом устной речи, докладов и дискуссий над готовым текстом. Незавершённость многих произведений славянофилов, отсутствие славянофильской догмы для истории философии выглядят явным недостатком. Славянофильство оказывается довольно размытым историко-философским явлением. Самое главное у славянофилов было высказано в беседах и спорах и безвозвратно кануло вместе с их участниками. Однако ценность славянофильского кружка заключается не только в дошедших до нас текстах, идеях, интуициях, но и в самой изначальной форме философствования, впервые представленной в России именно славянофилами. Как известно, философия возникла в качестве формы свободного времяпрепровождения досужных и обеспеченных свободных граждан греческих колоний. Славянофилы фактически воспроизвели этот же тип свободных мыслителей, рассуждения которых питаются энергией агона и ограничиваются лишь мерой дружеского застолья. В кружке славянофилов сам Хомяков ценил прежде всего дружескую атмосферу и «разговор послушный»:

Там дружества привет радушный
 И ум в согласии с душой,
 И чувству разговор послушный
 Отрадной дышит теплотой.

(«<В альбом С. Н. Карамзиной>»)

На первом месте для участников славянофильского кружка стояло удовольствие от общения. Философия, поэзия были важны не сами по себе, а лишь как содержание этого общения. Впрочем, славянофилы прекрасно сознавали насущность обсуждаемых ими вопросов. Праздность не распространялась на содержание их бесед. Спор могла спровоцировать даже шутка, но она никогда не становилась самоцелью. Идеи славянофилов не всегда могли быть востребованы современным им обществом, но необходимость этих идей не вызывала сомнения у славянофилов:

Мир жадно и трепетно ждёт
 Властительной мысли и слова!..

(«<На перенесение наполеонова праха>»)

Русское общество было необходимо подготовить к восприятию славянофильских идей. Хомяков называл это:

Дать миру и уши, и сердце
 Для слушанья речи святой!

(«К счастью во мне пробуждалась», 1856)

Впрочем, при жизни Хомякова славянофилы оставались немногочисленным дружеским кружком. Даже снятие ограничений и запретов на публикации и деятельность славянофилов при императоре Александре II мало изменило ситуацию. Востребованность славянофильских идей в русском обществе и у власти была крайне ограниченной. В стихотворении «Труженник» Хомяков рисует образ пахаря, который «дикую враждою / И злым безумьем окружён». Непонимание славянофилов, неприятие их идей, ограничения, которые налагала власть на их произведения, неспособность общества воспринять обращённые к нему призывы приводили к тому, что многие проекты славянофилов (в том числе издательские) не находили поддержки или вовсе запрещались. Славянофилы явно уступали западникам по силе влияния и популярности в русском обществе. Однако они не отступали от своих убеждений, воспринимая своё дело в качестве религиозного служения. Это придавало славянофилам силы.

Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой;
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.

(«Труженник», 1858)

Сравнение себя с пахарем, а своей идейной борьбы с работой земледельца, конечно, содержит отголосок романтической любви к народному быту и труду. Однако в стихах Хомякова нередко встречается и другое сравнение: с кораблём, челном, ладьёй. Оно относится прежде всего как к славянам (славянскому морю, славянским волнам), так и к самому поэту:

Я не рождён быть утлою ладьёю,
Забытой в пристани, не знающей морей,
И праздной истлевать кормою,
Добычей гнили и червей.
Но я хочу летать над бурными волнами
Могучим кораблём с дружиной боевой,
Под солнце тропика, меж северными льдами
Бороться с бездною и дикою грозой,
Челом возвышенным встречать удар судьбины,
Бродить по области и смерти и чудес,
И жадно пить восторг, и из седой пучины
Крылом поэзии вноситься до небес,
Вот счастливый удел, давно желанный мною.

(«Просьба», 1828(?))

Таков жизненный идеал Хомякова, которому он следовал и который старался воплотить в своих делах и поступках, поэтическом творчестве и философских спорах.

В историю русской культуры и философии Хомяков вошёл как лидер кружка славянофилов. Споры западников и славянофилов не ограничились только серединой XIX столетия. Они во многом предопределили дальнейшее развитие русской философии, заложив её тематические и даже стилистические особенности, стали своеобразными парадигмами русской мысли и культурно-исторического самоопределения российской интеллигенции. Роль Хомякова как генератора славянофильских идей, а порой и провокатора споров переоценить сложно. Его же вклад в поэзию оценивается куда скромнее. История литературы определила ему место лишь в ряду второразрядных стихотворцев. Поэзия Хомякова оказалась в тени творчества его более талантливых современников: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Н. М. Языкова, которым поэт-славянофил, выражаясь казённым

языком XVII в., оказался «не в версту». Не берусь судить, насколько справедлив такой приговор. Он во многом отражает общее (до сих пор) настороженное отношение к славянофильскому наследию и их творчеству. В середине XIX в. это был узкий круг единомышленников, дополнительно скрепляемый кровным родством. Либеральные требования славянофилов: свобода слова и совести, отмена крепостного рабства, местное самоуправление, уравнивание всех сословий в правах с дворянством и тем самым ликвидация сословного государства, власть настораживали, а порой и пугали. Необходимость выработки самостоятельно философского мышления и сейчас может быть поставлена в задачу русской философии в широком смысле, а споры о цивилизационной идентичности России не утихли и поныне. Национальный элемент в идейном наследии славянофилов выражен очень слабо, а принцип национальной исключительности и нетерпимости отсутствует вовсе. Не случайно славянофилами становились многие русские немцы (В. И. Даль, А. Ф. Гильфердинг, О. Ф. Миллер). О тюркских корнях многих славянофильских фамилий не стоит за очевидность даже упоминать. Всечеловеческие элементы преобладали как в философском, так и в литературном творчестве славянофилов. Прекрасным примером этого служит поэзия Хомякова.

Хомякова часто упрекали в том, что его поэзия идёт из головы; в ней мало чувства и много теории. Для искусства это явный недостаток. Взгляд на поэтическое творчество Хомякова с философской точки зрения во многом её реабилитирует. Его поэзия служит хорошим примером литературоцентризма, воспринимаемого историками в качестве одной из особенностей русской философии. Идеалы, воспеваемые в стихах Хомякова, – свобода, правда, дружба, покаяние, смирение, братская любовь, вера – универсальны. Они прекрасно иллюстрируют гуманистические основы русской философии в целом. Несмотря на явные романтические истоки поэзии Хомякова, как и большинства идей славянофилов, многие его стихи сродни молитве. В них нет ни напускного глубокомыслия, ни озорного эротизма, ни энциклопедической всеядности, т. е. всего того, что, как правило, пробуждает внимание литературоведов. В его стихах часто звучит духовный призыв, который никого не обольщает, ничего не описывает и не объясняет, не вызывает череду культурно-исторических ассоциаций, т. е. не нуждается в интерпретации. С этой стороны для литературоведа его стихи могут казаться малоинтересными, однообразными и даже скучными. Однако они обращены не к кабинетному книжнику, а к друзьям-единомышленникам, к России или тому абсолютному началу, которое предопределяет ход событий. В последнем смысле его стихи подобны молитве. Заключённый в них призыв требует лишь принятия и повторения. Некоторые свои стихи Хомяков прямо называл молитвой. Такова его молитва о России:

Не дай ей рабского смиренья,
Не дай ей гордости слепой
И дух мертвлящий, дух сомненья
В ней духом жизни успокой.
(«<В альбом В. В. Ганке>», 1847)

Берега любомудрия

Виталий Даренский

Виталий Даренский – член Союза писателей России, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. Победитель Международного поэтического конкурса «Русская Голгофа» и лауреат конкурса журнала «Москва» (публицистика). Автор более 400 научных работ и публикаций. Живёт в Луганске (ЛНР).

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ИСТОРИИ И РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ДОНБАССА

1.

Роль России в мировой истории всегда была неожиданной, мощной, стремительной и основополагающей. Являясь словно ниоткуда и внезапно представая перед изумлёнными соседями в виде новой могучей силы, она всегда смешивала их карты и заставляла считаться с собой, а затем и сама создавала новые правила игры для всех. Так, Византия в пору расцвета своего могущества, эта великая империя и тогдашний центр всей мировой истории, вдруг была разгромлена неведомо откуда явившимися «северными варварами» – русичами – и по договору стала платить им дань. Эти недавние «варвары» очень быстро создали и своё великое государство, не менее могущественное, чем она, и более могущественное, чем все тогдашние государства Европы, наперебой спешившие породниться с его правителями – Рюриковичами. Эта новая страна, «богатая городами», взяла из слабеющих рук Византии скипетр мировой хранительницы истинного христианства – Православия, стала священным Третьим Римом – центром мировой истории.

Русская история уникальна тем, что главным и решающим в ней всегда был фактор духовно-нравственный, а не материальный. Русь неоднократно возрождалась, как Феникс из пепла, после страшных погромов, когда не было никаких материальных предпосылок для будущего величия. По одним лишь материальным критериям страна была обречена стать колонией своих агрессивных соседей, но это не произошло. И точно так же Россия внезапно обрушивалась именно в тот момент, когда достигала своего максимального величия и развития. Никакие материальные факторы не могли её спасти, если не работал фактор духовный – единение народа ради спасения государства. И этот главный закон русской истории в полной мере действует до сих пор, и именно он определяет наше будущее. Но как сработает этот закон в очередной раз – на созидание и подвиг или на крах и разрушение – это не предопределено и зависит от нас.

Главный закон русской истории – господство духовно-нравственного фактора над материальными – даёт ключ и к пониманию тех возможностей и перспектив, которые имеет и современная Россия. Материальные ресурсы России по-прежнему велики, хотя у её геополитических противников они всё равно намного больше. Поэтому противостоять им только опираясь на материальный фактор – просто невозможно. Особенно слаба сейчас Россия демографически: ведь население и «коллективного Запада», и Китая, и мусульманского мира – ныне превосходит население России на порядок. По человеческим ресурсам Россия находится уже почти на уровне Нигерии. И можно ли вообще ставить перед собой всемирно-исторические задачи, имея так мало людей в соотношении с нашими «заклятыми партнёрами»?

Очевидно, что если опираться только лишь на один материальный фактор, то нет. Свои собственные огромные малозаселённые территории нужно кому-то защищать, не говоря уже о том, чтобы распространять своё влияние за их пределы. Для всего этого нужны в первую очередь люди – но не просто люди, а такие, которые способны выполнять столь тяжёлые задачи. Это должны быть

люди русские по духу (независимо от национальности), то есть для которых Россия является такой высшей ценностью, за которую не жалко отдать жизнь. Много ли сейчас таких людей? К счастью, достаточно много, если этот бесценный человеческий ресурс найти и мобилизовать.

У России, как всегда, нет выбора – она вновь, уже в который раз в своей тысячелетней истории, должна либо победить, либо исчезнуть. Сейчас на кону стоит уже само существование России – ей угрожают смертельные опасности и извне, и изнутри. Извне – если Россия не устоит экономически и будет полностью подчинена мировой экономической системе, это быстро приведёт к её политическому подчинению, а затем разоружению и распаду. Такая опасность уже существовала в 1990-х годах, но была преодолена. Изнутри – в результате быстрого вымирания коренного населения и наплыва мигрантов Россия уже к середине XXI века может стать мусульманской страной с последующим «растворением» в мусульманском мире.

Обе эти опасности действуют мощно и стремительно, и они могут привести страну к краху уже в ближайшие десятилетия. Как этого избежать? Победить в войне цивилизаций ничуть не легче, чем в войне армий. И победить можно только одним-единственным способом – Россия должна быстро стать абсолютно самодостаточной и неуязвимой во всех сферах – не только в военной, но и в экономической, политической и культурной.

2.

В настоящий момент глобальный мир находится в точке перелома: уже созрели все предпосылки для того, чтобы модель цивилизации, созданная Западом и навязанная им остальному миру, стала безальтернативной. Суть этой модели состоит в абсолютном доминировании материальных интересов и тотального эгоизма во всём человеческом бытии. Этому подчинены и экономика, и политика, и остатки культуры.

Формируется новый глобальный человек, которого можно условно назвать «биосоциальным автоматом» – существо с абсолютно приземлёнными и легко манипулируемыми потребностями, но наивно воображающее себя «свободным» в силу незнания с подлинной духовной свободой. Существо, предсказанное романами-антиутопиями XX века, которое в христианских категориях называют «человеком последних времён», предшествующих приходу Антихриста. Однако до сих пор в мире сильны цивилизации, сохраняющие ещё модель человека как образа Божия. Таковы древние цивилизации Индии и мусульманского мира, а среди стран христианской традиции такая сейчас осталась одна – Россия. Уже только одним этим фактом Россия снова поставлена в центр мировой истории, даже независимо от того, насколько она к этому готова и насколько люди, живущие в России, это понимают. *Парадокс ситуации состоит в том, что Россия не устоит, замыкаясь в самой себе и пассивно отдавая конкурентам весь остальной мир, но устоит и станет ведущей мировой державой, если предложит новый тип миропорядка для всех.* В этом случае она приобретёт мощных союзников, которые умножат её силы.

3.

Современный тип экономики и тип общества, созданный глобальным Западом, основан на культе человеческой гордыни, которая неизбежно приводит к вырождению личности. Экономика Запада, которую он навязал почти всему миру, основана на культе сверхпотребления за счёт варварского уничтожения ресурсов планеты и поэтому приведёт к экологическому коллапсу уже в ближайшие 30–40 лет. *В описанной ситуации выживут только те народы, которые смогут создать (либо сохранить) альтернативный тип цивилизации.* В основе её должен лежать тип человека, обеспечивающий его жизнеспособность – приоритет духовных ценностей над материальными, что обеспечивается только включённостью в определённую религиозную традицию и/или классическую культуру, которая созидает тот же тип духовного человека. Без этого невозможно противостоять порабощению со стороны «золотого миллиарда» на ментальном уровне, поскольку это порабощение основано на соблазне сверхпотребления и «свободы» для греха. Тем самым главным фактором альтернативной цивилизации является фактор антропологический –

особый тип человека. Главным ресурсом этой цивилизации является человеческий ресурс, без которого все остальные ресурсы остаются бесполезными. В частности, второй важнейший фактор – способность развивать высокотехнологичные производства как условие обороноспособности – также, в первую очередь, зависит от человеческого фактора. Но интеллектуальная и нравственная деградация народа, которая происходит уже на протяжении нескольких десятилетий как следствие развития «общества потребления», уничтожает человеческий ресурс России в качественном отношении. Противостоять этому может только модель «мобилизационного общества», которая является наследием традиционной цивилизации. Кроме того, это потребует и создания альтернативной системы образования, основанной на индивидуальном отборе и специальной подготовке талантливых людей.

Деградиционный тип человека как «биосоциального автомата», который формируется современной техногенной цивилизацией, является самым удобным «материалом» для любого манипулирования. Традиционные методы манипулирования массовым сознанием в настоящее время дополняются ещё более мощными и эффективными методами, связанными с использованием виртуальной реальности, психотропных средств и вживлением в человека микрочипов. Этот процесс можно назвать «киборгизацией» человечества. С помощью этих средств можно уже получить огромные массы полностью контролируемых людей, выполняющих заданные программы деятельности. На этой основе возможно переформатирование социума и создание кибер-тоталитаризма. Отдельные элементы этого переформатирования наблюдаются уже в наше время, но ещё не приобрели системный характер. Исходя из этого, важнейшим условием создания альтернативной цивилизации является защита людей от такого рода воздействий. Такая система может быть обеспечена только на государственном уровне и фактически станет новой отраслью ВПК.

4.

Принципы русской мобилизационной идеологии формулируются на основе модели человека – традиционала / возродителя. Это человек, который характеризуется тремя основными качествами: 1) доминирование духовных интересов над материальными (т. е. отсутствие «потребительского» отношения к жизни; императивы социального служения и личного духовного развития); 2) принадлежность к определённой религиозной традиции и / или ориентация на образцы выдающихся личностей, данных в классической культуре; 3) доминирование общественных интересов над индивидуальными – императив служения людям как нравственная доминанта личной жизни; 4) исповедание «гражданской религии» ценности семьи и воспитания детей как важнейшей основы выживания народа и русской цивилизации.

В современных условиях идеология не может представлять собой, как это было в эпоху «классических» идеологий, набор унифицированных для всех тезисов и определений. Именно воспроизводство такого типа идеологий в наше время и порождает тот идейный хаос и состояние «борьбы всех против всех», который превращает современную Россию в «разделённое общество», которым легко манипулировать извне. Современная неклассическая идеология, с помощью которой можно консолидировать общество, – это не набор изначально заданных догм и определений, а набор базовых ценностей, которые могут интерпретироваться индивидуально, исходя из разных мировоззренческих позиций. Только в этом случае возможна идейная консолидация социума, в противном случае описанное состояние идейного хаоса будет оставаться непреодолимым. Фактически такая консолидация происходит постоянно в тех случаях, когда спор идёт не о словах и отдельных принципах, а о стратегиях решения проблем. В таких случаях индивидуальное разнообразие мировоззрений оказывается не препятствием, а преимуществом, поскольку создаёт многомерное видение любой проблемы.

Русская мобилизационная идеология имеет неклассический характер и поэтому открыта для разных мировоззренческих интерпретаций. Она задана инвариантным «ядром» той модели человека, которая очерчена выше. Её главный принцип, который может играть роль и ключевого мема в рамках социального дискурса: «Человек – не киборг и не животное, а образ Божий с бессмертной душой». В свою очередь, конкретные способы возрождения и культивирования этого

типа человека могут быть разнообразны и связаны с разными мировоззренческими традициями. Целью русской мобилизационной идеологии является ответ на вызов антитрадиционалистской глобализации – агрессивной экономической и военно-политической экспансии Запада во главе с США. Ответом является альтернативная глобализация на основе защиты традиционных ценностей и принципа экономической взаимопомощи.

5.

В геополитическом контексте русская мобилизационная идеология должна опираться на концепцию Русского мира как локальной самодостаточной и суверенной цивилизации. «Русский мир» как научное понятие было впервые введено в XIX веке известными киевскими историками М. Максимовичем (первым ректором Киевского университета) и В. Антоновичем. Год его рождения – 1864-й. В том году вышла статья М. Максимовича «Нечто о земле Киевской», в которой он писал о событиях 1654 года, т. е. о вхождении Южной Руси в состав Московского государства: «Таким образом вся земля Киево-Переяславская или Украина, на исходе восьмого века своей исторической жизни, возвратилась опять в общий состав русского мира, приумноженная ещё Запорожьем, которое во время предтатарское было землёй половецкой»¹. Об Украине, то есть о «земле Киево-Переяславской» (прочие земли тогда к Украине никто не относил), он там же писал: «Многострадальная, заслуженная в русском мире земля...»² В свою очередь, в 1882 г. В. Антонович в работе «Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетие» писал, используя этот же термин: «Владимир Ольгердович уступил Киев не без борьбы; он отправился искать помощи в другом центре русского мира – у Василия Дмитриевича московского»³.

Понятие «Русский мир» было введено для обозначения исторического периода, наступившего после распада Древней Руси на удельные княжества, которые затем оказались в составе различных государств. Но поскольку объективное единство русских земель как языковой, культурной и религиозной общности сохранялось (часто даже несмотря на глубокое политическое разобщение и междоусобные войны), то для обозначения этой объективной общности и было необходимо введение научного понятия «Русский мир». Затем оно пришло в забвение, изредка появляясь только у некоторых авторов русской эмиграции XX века, например, в таком определении Л. Эллисом (Кобылинским) фигуры Пушкина как «центра русского мира в России и в эмиграции»⁴.

Новую жизнь это понятие обрело после распада СССР, что совершенно естественно, поскольку после 1991 года возникла ситуация, вполне аналогичная периоду «феодальной раздробленности» позднего Средневековья. Поэтому известное определение русских как «самого большого разделённого народа в XXI веке» потребовало и соответствующего этому понятия, которое фиксирует реальную общность русского народа и русской цивилизации, существующую, несмотря на политические разделения и новую «феодальную раздробленность». Эту функцию, естественно, и взяло на себя понятие «Русский мир» (РМ).

Активная теоретическая концептуализация этого понятия происходила в 2000-е годы, в том числе и на Украине. «Знаковыми» в этом процессе стали издания в Киеве энциклопедического словаря «Русский мир Украины» (2008) и сборника трудов ведущих учёных-гуманитариев Украины с таким же названием⁵. В упомянутом словаре были помещены наши статьи по базовому определению этого понятия⁶. Дальнейшая разработка этих определений РМ требует их спецификации по различным уровням культурно-исторической реальности, среди которых базовое значение имеют экономический, политический, геополитический, аксиологический (ценностный), культурологический и религиозный уровни.

¹ Максимович М. О. «Киевъ явился градомъ великимъ...»: Вибрані українознавчі твори. – К.: Либідь, 1994. – С. 46.

² Там же. – С. 44.

³ Антонович В. Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори. – К.: Либідь, 1995. – С. 544.

⁴ Поляков Ф. Утраченная книга Эллиса о Пушкине (По материалам неизданной переписки 1934–1937 гг.) // Диаспора. Новые материалы. Вып. II. – Петербург – Paris, 2020. – С. 277.

⁵ Русский мир Украины: Сб. статей. – К.: Радуга, 2006. 234 с.

⁶ Даренский В. Ю. Русский мир / Русский мир Украины: Энциклопедический словарь. – К.: Радуга, 2008. – С. 124–130; Даренский В. Ю. Русский мир Донбасса (историософский взгляд) // Русский мир Украины: Энциклопедический словарь. – К.: Радуга, 2008. – С. 130–132.

На экономическом уровне понятие РМ определяется как регион мировой экономики, восстанавливающий внутреннюю технологическую, сырьевую и финансовую самодостаточность в рамках мирового разделения труда, позволяющую избежать экономического порабощения Западом. Единственной «альтернативой» Русскому миру в экономической сфере является полная экономическая деградация и превращение в сырьевой придаток Запада, что мы ярко наблюдаем на современной Украине и в Прибалтике, а также в самой Российской Федерации в 1990-е годы.

На политическом уровне понятие РМ определяется как регион мира с реальным политическим суверенитетом стран, способных защищать свои национальные интересы и свои цивилизационные ценности. Единственной альтернативой Русскому миру в политической сфере является установление марионеточных режимов, назначаемых из Вашингтона и всегда имеющих русофобский и неонацистский характер. Для самой Российской Федерации установление прозападного режима под маской «либерализма» неизбежно приведёт к её дальнейшему распаду и уничтожению как государства.

На геополитическом уровне понятие Русский мир определяется как регион мира, способный поддерживать военный паритет со странами НАТО, в том числе и благодаря военному сотрудничеству с другими странами Азии (в первую очередь с Китаем и Индией) в рамках ШОС.

На аксиологическом уровне понятие Русский мир определяется как регион мира, основанный на возрождении и сохранении традиционных ценностей, препятствующих «антропологической катастрофе» Запада. Это последнее понятие, введённое М. К. Мамардашвили в 1984 году, фиксирует феномен разрушения человеческой личности в потребительском обществе, деградации человека до уровня эго-центрического «биосоциального автомата» с инфантильным сознанием (эгоцентризм, атеизм, содомия).

На культурологическом уровне это означает определение Русского мира как традиционной цивилизации, противостоящей «антропологической катастрофе». Пространство Русского мира состоит из множества локальных культурных традиций – и общей его доминантой является сохранение традиций как таковых и культивирования «традиционного человека» – то есть человека, способного к духовному развитию и возрождению.

На религиозном уровне это означает определение РМ как цивилизации, в которой именно религиозные традиции остаются содержательным ядром культуры и мировоззрения людей, глубоко проникающими во все сферы культуротворчества. Такой тип культуротворчества возродился и снова стал доминирующим в современной русской культуре, а вырожденческие проявления псевдокультуры «постмодерна» активно маргинализируются.

Тем самым, в настоящее время понятие «русский мир» приобрело статус историософской категории с многоуровневым содержанием. Её смысл вышел за рамки обозначения одной из «локальных цивилизаций» и приобрёл ещё более глубокое метафизическое измерение. Оно состоит в том, что цивилизация Русского мира в современном мире сохраняет особый библейский статус «удерживающего» («катехона»), ныне противостоящего экспансии апостасийной цивилизации Запада и той inferнальной модели «пост-человека», которую она пытается навязать всему остальному миру.

6.

События на Донбассе в 2014 году были настолько неожиданны, что казались каким-то историческим чудом. Однако очень скоро они, наоборот, возбудили завышенные надежды – многие ожидали отделения от Украины всей Новороссии от Харькова до Одессы, – а затем, соответственно, и разочарования тем, что они не оправдались. Возникли разговоры о якобы «предательстве», «сливе», которые муссируются до сих пор. Но на самом деле подобные разговоры свойственны людям, далёким от происходящих событий и не способным к их адекватной оценке. Для начала стоит задаться простым вопросом: а было ли возможно нечто подобное десять лет раньше? Естественно, что нет: тогда, во время первого «майдана», даже и мысли не возникало о народном восстании на Донбассе. Тогда Русский мир был ещё настолько ослаблен, что не имел возможности хоть как-то реагировать на подобные акции западных спецслужб.

Первая такая реакция произошла на вторжение грузинских войск в Южную Осетию в 2008-м, но там действовала регулярная российская армия, а роль местного ополчения была лишь вспомогательной. И тот факт, что в 2014 году произошло полноценное русское народное восстание, уже сам по себе является огромным успехом Русского мира. Кроме того, очевидно, что освобождение более обширных территорий, чем нынешние ДНР и ЛНР, было бы невозможно силами одного лишь ополчения, без официального ввода российских войск. Наконец, факт сугубо экономический: на территориях ЛНР и ДНР в 2014–2015 годах почти полностью исчезла экономика, она восстанавливалась очень медленно путём интеграции в российское экономическое пространство и только благодаря временной, но очень значительной российской экономической помощи. Если бы это происходило на более обширных территориях, то этот процесс был бы намного более тяжёлым и это был бы такой удар по российской экономике, который мог бы просто «обвалить» её на очень значительное время. Этот чисто экономический фактор, как правило, совершенно не учитывается в дискуссиях, но, вероятнее всего, он как раз и был решающим в принятии решений, которые выработывались в аналитических центрах РФ.

7.

Донбасс стал началом процесса, который следует назвать *Русской Реконкистой*. Имеет большой смысл использовать этот термин из славной истории Испании, поскольку он известен во всём мире, и поэтому везде любой грамотный человек сразу поймёт, о чём идёт речь. Тот факт, что в XXI веке где-то идёт Реконкиста своих земель, уже сам по себе внушает уважение любому человеку. Испанская реконкиста шла более двух веков; но Россия тоже имела свою Реконкисту – отвоевание земель Киевской Руси, захваченных западными соседями. Та первая русская Реконкиста шла почти четыре века (с XV по XVIII). Нынешняя Реконкиста XXI века в силу общего ускорения исторического процесса будет идти быстрее.

Хотя в настоящее время речь не идёт о непосредственном вхождении Донбасса в состав России, однако начат процесс реинтеграции территорий Русского мира, который протекает в различных формах. Экономическая интеграция является первичной, а за ней следуют все другие её формы. Тем самым на Донбассе отрабатывается *модель нового русского «собирания земель»*, которая имеет далеко идущие международные последствия.

Первым последствием стало введение Западом санкций – и хотя они были введены после возвращения Крыма, но сейчас ассоциируются с Донбассом. Россия показала свою экономическую, политическую и моральную устойчивость перед санкциями, и это значительно усилило её авторитет на мировой арене.

Модель «собирания земель» основана на прецедентах Крыма и Донбасса и чётко показывает мировому сообществу следующие принципиальные факты, на которые следует опираться в информационной войне против мифов Запада и русофобской пропаганды:

1. За пределами Российской Федерации проживают миллионы русских не только по языку, но и по национальному самосознанию.
2. Эти русские не боятся репрессий и способны на восстание и народно-освободительную войну, что было ясно продемонстрировано на Донбассе.
3. Россия уже обладает достаточным экономическим потенциалом для поддержки русских земель, которые стремятся вернуться в её состав. Это самым эффективным образом опровергает либеральный миф о современной России как «бензоколонке».
4. Россия вновь обладает достаточным военным потенциалом для того, чтобы игнорировать все угрозы Запада. Тот факт, что Запад возобновил «холодную войну» против России, лучше всего подтверждает этот факт.
5. Россия уже обладает и достаточными ресурсами для эффективной информационной войны со своими геополитическими противниками, в том числе и идеологическим обоснованием права на собирание всех русских земель, которые в силу исторических обстоятельств временно оказались под фактической оккупацией других государств.

8.

В связи с событиями в Крыму и на Донбассе в настоящее время фактически создана и отработана на уровне массового сознания идеология *русского освобождения*. Эта идеология имеет особое значение для проекта русской Мечты, являясь одним из важнейших его элементов. Он является не локальным, а глобальным проектом, хотя и возникал в связи с локальными событиями 2014 года (точнее, отчасти ещё и 2008-го). Глобальность идеологии русского освобождения как части проекта русской Мечты состоит в новой модели миропорядка, которая альтернативна тоталитарной модели *рахаАмегисана*, представляющей собой глобальную диктатуру мировой финансовой олигархии, основанную на неорасистском разделении народов земли на якобы «избранных» людей сверхпотребления («золотой миллиард») и всех остальных, якобы выброшенных из Истории.

В противоположность этому агрессивному миропорядку, фактически продолжающему политику Третьего Рейха в глобальном масштабе, Россия предлагает и уже достаточно эффективно реализует свой проект мирового содружества и взаимопомощи. Вышло так, что на этом самом первом этапе реализации русского проекта мироустройства первое его серьёзное столкновение с *рахаАмегисана* на конкретной территории и в форме боевых действий произошло именно на Донбассе. Тем самым Донбасс уже стал мировым символом борьбы двух мировых проектов. Это означает, что этот символ должен получить мощное смысловое наполнение, которое было бы ясным и убедительным для всего мира и содержать в себе всю суть Русского мира. История и современное состояние Донбасса (и Новороссии в целом) дают все основания для этого, но их нужно грамотно использовать. Нужно создать особый дискурс о Донбассе (способ понимания и описания), который бы нёс все эти смыслы. Укажем здесь основные элементы этого дискурса, на которые следует опираться в информационной войне.

1. Донбасс – это продукт мощного развития России как евразийской империи, созданный на месте Дикого поля, населённого кочевыми народами. Такое историческое происхождение Донбасса является мощным символом и для современности. Это внезапное возникновение мощного региона «на пустом месте» сто лет назад даже подвигло А. Блока назвать его «новой Америкой» в одноимённом стихотворении. Однако, учитывая современные коннотации слова «Америка», это название явно к нему не подходит. Исконным и самым правильным является название Новороссии, которое на самом деле намного старше названия «Украина» (поэтому следует всегда настоятельно напоминать, что Новороссийская губерния создана в 1764 году, а термин «Украина» стал широко известен только в 1918-м).

2. Донбасс – полиэтнический регион Русской цивилизации. Здесь самым очевидным образом было продемонстрировано создание единой русской нации на основе синтеза представителей разных этносов в рамках единого государства. Синтез обусловлен единством государства и общей исторической судьбы. Ещё более важным фактором является их единство в рамках евразийской цивилизации Русского мира, которое собрало эти этносы на данной территории. Без общего для них пространства русской цивилизации не было бы и общего великого государства.

3. Донбасс – это имперский регион стремительной индустриализации и массового трудового подвига. Именно это создало и «душу» Донбасса (характер его жителей и общую «атмосферу» жизни), и его восприятие в России. Но именно эти качества сейчас требуются России для рывка в будущее – и в этом смысле Донбасс может быть историческим символом русской эпохи Прорыва – не только в прошлом, но и в будущем.

4. Донбасс – это земля возрождающегося народа. Таким был Донбасс после Гражданской войны в 1920-х, после Великой Отечественной в 1940-х, и сейчас снова этот «архетип» повторяется. Но сейчас и вся Россия, и весь Русский мир как цивилизация находятся в усилии возрождения – и в этом смысле они представляют собой один «огромный Донбасс». Сама *Русская Реконкиста* – это не только возвращение территорий, но и возвращение нашей способности к историческому бытию и историческим свершениям.

5. Донбасс – «точка сборки» большой Новороссии. Не стоит думать, будто бы русскоязычные территории Украины от Харькова до Одессы якобы уже разочаровались в Русской Весне. Постоянное общение с людьми оттуда убеждает, что это далеко не так. Люди там молчат, чтобы не попасть под репрессии на Украине, но опыт освобождения Донбасса убеждает их, что это возможно, и этим опытом они тоже неизбежно воспользуются.

В том, что новая Русская Реконкиста началась с Крыма и Донбасса, и вообще с Новороссии, есть и Божий Промысл, и практический урок. Промысл в том, что это земли наиболее важные в стратегическом отношении. А уроки многообразны, и их следует рассмотреть подробнее. Первый урок, о котором было сказано выше, состоит в том, что успех Реконкисты в первую очередь зависит от состояния самой России и от её привлекательности для русских, живущих за её пределами. Второй урок – в том, что в этом процессе освоения и «переваривания» возвращённых земель экономические аспекты могут быть не менее трудными, чем военно-политические усилия.

Однако важнейшие уроки ещё не осознаны в полной мере, поэтому их следует рассмотреть подробнее. Во-первых, *на Донбассе был осуществлён важный эксперимент создания нового мобилизационного общества*. И в этом смысле Донбасс стал «моделью» всей России. Те вызовы, которые сейчас стоят перед Россией, также требуют создания мобилизационного общества, и Донбасс стал важным опытом на этом пути. Что показал этот опыт?

Первое. В мобилизационный режим общество переходит само – в качестве ответа на вызов, который перед ним стоит. То есть не в результате государственной политики, а в результате самоорганизации. Если же к этому добавить и шаги самого государства, то такой переход будет более эффективным.

Второе. Носителями мобилизационного сознания и мобилизационных действий становятся люди, которых по привычной терминологии уже можно назвать «пассионариями» – то есть люди, готовые жертвовать собой ради Родины. Эти люди, как правило, не заметны в мирной жизни, но они очень быстро появляются в «точках сборки» – местах, где происходит самоорганизация.

Третье. В мобилизационном режиме очень быстро происходит своего рода «фильтрация» и оздоровление общества. Люди с эгоцентрическими и гедонистическими жизненными установками («субпассионарии») очень быстро уезжают, бросая всё своё имущество, поскольку в мобилизационном обществе они жить абсолютно не способны. Зато на их место приезжают добровольцы из других регионов Русского мира – ярко выраженные «пассионарии». Тем самым резко повышается «пассионарность» общества и меняется общественная мораль: начинают цениться в первую очередь личностные качества людей – совесть, героизм, самопожертвование и ум, а не богатство, карьера и пронырливость.

Это означает резкое обновление народа в целом, возвращение его в «героические времена». Но подобный процесс, хотя и в более мягкой форме, чем на Донбассе, в настоящее время идёт и в России: эмигрируют из России на Запад эгоисты-гедонисты, а на их место из ближнего зарубежья приезжают скромные работяги, благодаря которым население России увеличивается, даже несмотря на вымирание коренного населения. Последнее обстоятельство является главной проблемой русских, однако нельзя не видеть, что этот процесс происходит в рамках формирования «мобилизационного общества». Эту проблему государство должно решать путём стимуляции рождаемости и ассимиляции мигрантов.

Перечисленные базовые исторические смыслы Донбасса и большой Новороссии нужно внедрять в российское массовое сознание не только для прекращения невежественных вопросов «Зачем нам этот Донбасс?». Через тему Донбасса очень хорошо видны и судьба всей России в XX веке, и её задачи в будущем. Донбасс и Новороссия изначально, с самого своего возникновения в XVIII веке, были территориями русской Мечты. Сюда ехали люди большой души, искавшие волю и новую жизнь (отсюда, например, название романа Г. Данилевского «Беглые в Новороссии»).

Пока республики Донбасса ещё не признаны и не вошли в состав России, они держатся на одной только русской Мечте и уже успели показать, что Мечта бывает сильнее страха и сильнее любой армии. Русская Мечта должна быть «операционализована» в форме чёткой и ясной доктрины, которая должна быть понятна на массовом уровне и эффективна как оружие в информационной войне. В общих чертах эта доктрина уже существует и «работает», однако требует дальнейшего совершенствования.

Политические метафоры «остров Россия» и «евразийская Атлантида», предложенные выдающимся русским мыслителем В. Цымбурским¹, независимо от их дальнейшего смыслового наполнения, чётко обозначили объективную геополитическую реальность, которая возникла в период формиро-

¹ Вадим Леонидович Цымбурский (17.02.1957–23.03.2009) – российский философ, исследователь геополитики, филолог, историк и лингвист, гомеровед, этрусковед, хеттолог, политолог.

вания России как империи и вновь актуализировалась в XXI веке. Россия как цивилизационное, политическое, экономическое и культурное пространство изначально структурирована как мобилизационное сообщество этносов, объединившихся для защиты от внешней угрозы. Присоединение земель к московскому «ядру» России происходило по логике отодвигания «предполя» – дальних рубежей обороны от неизбежной внешней опасности. В настоящее время эта территория является исходным фактором российской геополитики, главная цель которой в конечном счёте уже сводится к удержанию этих пространств в условиях дефицита человеческих и других ресурсов. Тем самым объективно это «геополитика острова».

9.

Демографическое давление со стороны Китая и исламского мира усугубляется депопуляцией внутри страны, а также внутренней миграцией населения в мегаполисы и в европейскую часть страны. Удержание огромных пустующих пространств будет становиться всё более сложной задачей, даже несмотря на рост боеспособности армии. Демографический баланс при его сохраняющихся тенденциях может сделать Россию *defacto* мусульманской страной уже в ближайшие 30 лет. В этой ситуации, которая уже является потенциально катастрофической, требуется государственная политика «геополитического выживания».

В настоящее время развиваются военная и инфраструктурная составляющие этой политики, намного слабее культурно-идеологическая и почти катастрофична демографическая – стратегии «народосбережения» работают очень плохо. В этой ситуации Россия может позиционировать себя на международной арене как «остров, принимающий переселенцев», и развернуть политику приглашения на свои территории выходцев из бывшего СССР для расселения их в малонаселённых регионах, в первую очередь к востоку от Урала.

Максимально приоритетными должны стать союзнические отношения и экономическая кооперация со странами – восточными и южными соседями России, а также переориентация России от европейского сообщества стран – на сообщество стран Азиатско-Тихоокеанского региона, которое в настоящее время становится центром мирового развития. В наше время сбываются пророческие слова Ф. М. Достоевского: «Русскому ни за что нельзя обратиться в европейца, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем не похожее и само по себе серьёзное»¹. Чтобы не быть поглощённой ни с Запада, ни с Востока, Россия в конце концов должна стать сама собой.

---

¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. – СПб.: Наука, 1994. Т. 13. С. 203.

Берега истории

Екатерина Фёдорова

Из эпохи в эпоху

Кулинарное путешествие прабабушки Анны С. Вырубовой

Никто не будет отрицать, что дворянская культура в первое десятилетие XX века удалялась из исторической памяти общества и обихода сознательно и успешно. Да и скудость материальных условий не располагала к сохранению отживших традиций. Казалось бы, такая хрупкая компонента, как кулинарная культура, требующая каждодневного воспроизводства и благоприятствующего житейского контекста, должна была исчезнуть одной из первых. Но этого не произошло. Тому свидетельство – воспоминания моего детства и книжечка кулинарных рецептов, оставленная мне моей прабабушкой, Анной Сергеевной Вырубовой.

Бульденежи моего детства. *Vouilles de neige* (шары из снега, то есть снежки) – это сорт роз, из описания растения: «сияюще-белые лепестки, образующие шар, оправдывающие своё название... Цветёт почти непрерывно». Бульденежи цвели почти непрерывно на бабушкином столе в моём раннем детстве, только тогда я думала, что это десерт, а не розы. Стародворянский рецепт, сохранившийся в детской памяти моей бабушки и вполне уместный в эпоху и моего детства – начала 60-х, когда доступные продукты были самыми простыми, а чего-то вкусенького хотелось, выглядел так: *в молоко с сахаром и ванилином, доведённое до кипения, кидались сбитые с сахаром белки – большими кусками, по одному, и мгновенно превращались в молоко в некое отдельное воздушное тело – снежный шар. Тут же вынимались и выкладывались на тарелку. Потом молоко остывало, его выливали в большую старинную чашу, ставили в холодильник. Туда отправляли плавать бульденежи. Некоторое время десерт прохлаждался, и холодной чаша с плавающими бульденежами подавалась к столу.*

Вечера в нашем доме. Ничего подобного в домах соседей и знакомых я не видела, впрочем, как и постоянной льняной салфетки у прибора дедушки, протетой сквозь серебряное кольцо с вензелем, и много чего другого. Бабушка хозяйства не любила, но делала всё очень хорошо и быстро – «из нелюбви» и «чтобы не задумываться», как она говорила. Вкладывала в блюда из очень нехитрых ингредиентов массу художественной изобретательности, воспитанной в детстве. Например, *салат из свежей, слегка промятой капусты, грецких орехов, изюма и небольшого количества сметаны* был назван ею «Зори Парижа» и подавался на стол в синей плоской хрустальной вазе на высокой ножке вместе с маленькими пирожками из песочного теста (ни месить, ни дрожжи выхаживать – раз, и готово) и с бутылкой сухого рислинга.

Часто подавалась и водка в небольших старинных графинчиках, настоящая на лимоне, – в бутылке подавать было не принято. На синей тканой вырубовской скатерти ручной работы, которая, разумеется, и до сих пор у меня и неизменно возникает на столе на праздники, это смотрелось весело.

Приходили к этому столу, быстро и легкомысленно приготовленному, но ловко подобранному, пожилые господа, мне и тогда уже о-о-чень интересные – подобных я вне нашего дома редко встречала на улицах. Начинались любопытные разговоры о музыке и живописи, о театре и литературе, часто прерывавшиеся «новеллами» из дореволюционной жизни, искусно подаваемыми, весьма порой пикантными... Всё это было для них ещё живо – продолжало как бы их жизнь в ином измерении. Остатки былой культуры, сметённой Октябрём, стали их тайным и последним прибежищем, как я сейчас понимаю. Воспоминания оказывались их сущностным бытием, их они, быть может, подсознательно, стремились воспроизводить, вновь переживать и поддерживать как *самую жизнь*. То были старинные знакомые нашей семьи, многие из которых вернулись из ссылки и лагерей, жили и общались они как-то вкусно, насыщенно, хотя и по современным понятиям им было уже очень много лет. Сохранившая вырубовский тон бабушка тоже вместе с мужем вернулись из ссылки. В ссылке побывала и её мать, Анна Сергеевна Вырубова. Разлука, с начала 1930-х и до 1956 года, определявшая их жизнь, не стёрла ни привычки, ни воспитание, ни общий строй жизни, ни рецепты. Рукопись рецептов прабабушки отдала мне.

*Ирина Владимировна Гюнтер,
дочь А. С. Вырубовой*

*Мария Константиновна Вырубова
(ур. Трубникова) с сыном Владимиром
(будущим отцом балерины Н. Вырубовой)*

*Сергей Алексеевич Вырубов,
«компрометирующие фигуры»
в советское время отрезаны*

Из эпохи в эпоху. Удивительным образом эта Книга передаёт не только семейные старинные кулинарные предания, например, заварную вырубовскую пасху, которую я и сегодня готовлю, но представляет собой любопытный документ и советской эпохи, где отсутствие разнообразия продуктов заменялось выдумкой, изобретательностью, кулинарными открытиями, переданными по сарафанному радио. По этой книге видно: Анна Вырубова не только хранила для потомков седую старину, но и развивала кулинарные таланты в новых предлагаемых обстоятельствах. Вот, вспоминая, бывал на праздники в любой советской семье неперенный холодец, но интересный «прабабушкиным соусом». Анна Сергеевна сидит и медленно стирает серебряной ложкой горчицу с мёдом в равных пропорциях, постепенно вливая растительное масло. Это – старина. А вот и рецепты – из новой жизни. Рядом с куличом, который наш (!), то есть вырубовский, – создание советского гения: икра «Закрой глаза».

2 плав. сырка «Волга», – пишет прабабушка, – 100 гр. сл. масла, 2 натёртые морковки, 1 небольшая селедка. Пропустить в котлетной машинке [читай, мясорубке], растереть. Или пирожное-конфеты «Картошка»: 200 гр. муки поджарить до розов. цвета, 100 гр. масла (но можно заменить сгущённым молоком), 3/4 ст. молока, 150 гр. сахару смешать горячим. Влить в муку, растёртую с маслом. Размешать тщательно (Ванилин, немного соли). И так далее. А рядом с этими инновациями – старинным почерком – кулич пра-пра-пра-бабушки, где указаны ещё фунты.

Истоки. Несколько слов о прабабушке Анне Сергеевне Вырубовой. На живописном берегу реки Увель, рядом с имением Танеевых Маринино, в просто устроенном барском доме в имении Горьково Ковровского уезда, которое пришло Вырубовым в приданое от Аксаковых в конце XVII века, в 1885 году родилась у земского деятеля, отставного морского офицера Сергея Алексеевича Вырубова и внучки декабриста Ивашева Марии Константиновны младшая дочь Анна. Вопреки гласному политическому надзору за прежнюю деятельность, который был учреждён над её отцом, Владимирская губерния почитала Сергея Алексеевича как видного земского деятеля и, не обращая никакого внимания на полицейские меры, избирала его то мировым судьёй в Ковровском уезде, то членом губернской земской управы. Сергей Алексеевич Вырубов вступил в дворянскую нелегальную организацию «Чёрный передел» (то есть передел земли), состоявшую из единичных совестливых представителей своего сословия. Они требовали от дворянства добровольного наделения землёй освобождённых от крепостной зависимости крестьян, требовали от представителей своего круга земледельцев – поделиться. Ибо члены общества видели в статусе «хозяина с землёй» – залог будущего благополучия общества. В противном случае – в безземельном крестьянине, предчувствуя грядущую люмпенизацию, – ядро будущих общественных взрывов. Оглядываясь на столетие назад, должна признаться: разве не правы они были?

*Анна Вырубова –
гимназистка*

*Анна Сергеевна в своей гостиной.
Харьков. 1904 г.*

*Анна Сергеевна Вырубова.
1900-е гг.*

Любовь. На заре XX века красавицей Анной увлёкся архитектор Владимир Николаевич Покровский, они зажили в Москве, в Хохловском переулке на Покровке, там и родилась в 1904 году моя бабушка. В начале 1907-го Покровский с семьёй переезжает в Харьков – архитектор получил крупные заказы на строительство зданий.

В Харькове Покровский за очень короткий период начала 10-х годов – самую высокую и напряжённую волну культуры Серебряного века, время самого роскошного её цветения – построил множество домов и церквей. В сооружениях сочеталось новейшее стремление к технологичности, удобству и функциональности жилья с глубокими знаниями классических основ архитектуры и с вольным полётом его фантазийных художественных предпочтений, смело соединявших несоединимое, например древнерусские элементы с деталями западноевропейской средневековой готики.

Салон. Значительной вехой в культурной жизни Харькова эпохи Серебряного века стал литературно-художественный салон Анны Сергеевны Вырубовой в их доме. Вспоминает дочь Ирина, моя бабушка: «...стали появляться в нашем доме “знаменитости”, певцы, скрипачи, пианисты, виолончелисты, местные и приезжие, а то и останавливались, жили некоторое время у нас. Мы, дети, много слушали музыки, разрешалось и в гостиной послушать, то есть мы и видели, как играют. А в девять часов мы отправлялись спать, но всё равно засыпали под музыку, которая ещё долго лилась из гостиной... Когда гости переходили в столовую, к красиво накрытому столу с переливающимися разным цветом венецианского стекла рюмками, бокалами и графинами, – к привезённому отцом из Италии сервизу, – у меня замирало сердце, и я в щель двери подсматривала это пиршество и шумный весёлый говор! А лучше всех и красивее всех была моя мать. Ей было присуще особое обаяние! Когда она собиралась с отцом в театр или на концерт, – я усаживалась в её комнате на ковёр и любовалась ею, одевающейся перед зеркалом в парадное платье! Она была так хороша, что и я в свои 8–10 лет это понимала и всем сердцем гордилась ею».

Анна Сергеевна Вырубова близко сошлась с кругом поэтов, писателей и переводчиков, среди которых были её старые добрые знакомцы Максимилиан Волошин и Андрей Белый. Волошин всегда останавливался у неё, бывая в Харькове, дружеские отношения с поэтом сохранились и после революции. Дочери жилали летом в Коктебеле, в доме поэта. Волошин написал ей на обороте акварели: Анне Сергеевне. «И горький дым костра, И горький дым полыни, И горечь волн останутся во мне...»

После революции трагически скончался архитектор Покровский, которого большевики не выпустили за границу для лечения болезни почек. Анна Сергеевна вновь переезжает – почти бежит – в Москву. Власти подозревали почтенного профессора Владимира Николаевича в контрреволюции (и не единожды), путая его с генералом Покровским и другими «белыми Покровскими». Дело едва

*Анна Сергеевна с мужем В. Н. Покровским.
1910-е гг.*

*Анна Сергеевна с дочерью Ириной в своём будуаре.
1909 г.*

не кончалось расстрелом, в последний момент Анна Сергеевна вновь – как в неотвязном «приключенческом романе» – кидалась к исполнителям с очередным «мандатом». Тут свою роль играл Максимилиан Волошин, вечно спасавший тех, кого мог спасти...

Жизнь после жизни. Анна Сергеевна оказывается в Староконоюшенном переулке. В канун 1934 года, когда давно и следа, и воспоминаний не осталась от её светской блестящей жизни, в маленькой коммунальной комнатке Анна Сергеевна была арестована. В обвинительном заключении она и ей подобные официально были охарактеризованы так: «Остатки буржуазной интеллигенции из числа бывших людей».

*Анна Сергеевна.
После Октябрьского переворота*

Дары и дарители. Оставшись в живых и вернувшись через годы в Москву, она в течение десятилетий и до самой смерти последовательно дарила музеям Москвы ценные историко-художественные вещи, пока не раздарила абсолютно всё. В том числе предметы, принадлежавшие кругу Пушкина. Ведь пушкиноведы относят семью её предков Ивашевых к близкому кругу Пушкина. Другая же линия её предков – Замыцкие, род XI века, его основатель Ракши – соратник Александра Невского. И Пушкин был потомком этого рода и, как известно, гордился этим. Только дореволюционное издание Ф. И. Тютчева с предисловием В. Я. Брюсова с пометами своего друга, литературоведа А. С. Поля, она сохранила для правнучки, то есть для меня. Анна Сергеевна была реабилитирована в 1994 году, когда уже почти 20 лет её не было на свете. Такой документ я нашла в её деле – «за отсутствием состава преступления». Впервые её имя появилось в печатном источнике в 2008 году в альбоме «Дары и дарители», изданном музеем А. С. Пушкина. А заключительным её даром оказалось весёлое кулинарное путешествие из одной культурной традиции – в другую.

Берега Крыма

Анатолий Таврический

Анатолий Тарасович Таврический – член Русского географического общества, гидронавт-исследователь СССР, океанолог, работал матросом, штурманом и капитаном на судах Черноморского вспомогательного флота СССР, затем – на различных подводных аппаратах и подводных лабораториях, в Севастопольском экспериментальном конструкторском бюро подводных исследований, на базе «Гидронавт». Участвовал во многих научных экспедициях. Член команды Кусто, печатается во многих российских, французских и крымских журналах. В 2017 году вышло десятое издание «Карта кораблей, судов и сокровищ, затонувших у берегов Крыма». Изданы: «Карта Крыма для Экстремалов», «Карта Чудес и аномальных зон Крыма», книга «Легенды и сказания Крыма» (2011).

Нина Грин

Тёплым летним вечером 1992 года мы сидели в гостях у Маргариты Тереховой в Коктебеле. Знаменитый бард Геннадий Жуков пел свои прекрасные песни, Виталий Калашников читал стихи. Потом киевлянин Александр Верхман рассказал нам необычную историю о том, как они в 1971 году тайно перезахоронили жену Александра Грина, Нину Николаевну Грин.

На жизнь и творчество Александра Грина большое влияние оказала Нина Николаевна Грин. Они прожили вместе более 11 лет. Жена воистину была его музой и была прототипом большинства героинь его романов – Ассоль, Джесси, Молли, Дези.

Когда она была в Большом театре на балете «Алые паруса», в котором танцевала Лепешинская, вдруг на весь зал объявили: «Здесь среди нас присутствует сама Ассоль». Свет софитов буквально залил ложу, в которой она сидела. Раздался шквал аплодисментов. Нине Николаевне бросали в ложу огромные букеты.

Супруги Грин переехали в Старый Крым из Феодосии 23 ноября 1930 года. Во время войны ей не удалось эвакуироваться, и она вместе со своей престарелой матерью оказалась в оккупации. Чтобы выжить, она вынуждена была работать корректором в типографии. Тогда ей удалось спасти от плена 13 заложников. Также она передавала в партизанский отряд сведения о расположении немецких войск.

В 1944 году умерла её мать, и она уехала в Одессу, где жили её друзья. Когда она прибыла в Одессу на пароходе, её прямо с судна вместе с другими снял отряд немецких солдат и привёл в большой дом. Все выходы из дома строго охраняли немецкие солдаты и в город не выпускали. Через несколько дней всех отправили на машинах на вокзал, где погрузили в товарный вагон. Через Румынию их перевезли в Германию, где распределили по рабочим лагерям. Нина Грин находилась в лагере под Бреслау. В 1945 году лагерь сожгли, а пленных погнали на Запад. По дороге, во время бомбёжки, воспользовавшись паникой, Нина Грин спряталась в грудe мусора, а затем добралась на родину. Встретили её настороженно. Долго шла проверка в репатриационном лагере. Наконец решили вернуться на родину. В октябре 1945 года Грин вернулась в Старый Крым и через месяц была арестована. В её судьбе долго не разбирались. Следователь, который вёл дело, заявил напрямую: «Государству важны не причины, заставившие совершить преступление, а важно само преступление». Главное обвинение – работа на немцев в Крыму и в Германии. В расчёт ничего не принималось. Даже тот факт, что во время войны Нина Грин спасла тринадцать человек от расстрела.

А было это так. Осенью 1943 года в Старом Крыму убили немецкого офицера. Фашисты взяли 13 заложников. Жена одного из арестованных прибежала к Нине Николаевне. Та бросилась в управу, стала умолять городского голову поручиться за заложников. Получив нужный

Нина Грин

документ, Грин поехала в Симферополь, куда уже отправили арестованных. Благодаря заступничеству управы, люди были освобождены. В заявлении Генеральному прокурору СССР есть такие слова: «Всю свою жизнь после освобождения я посвятила сохранению литературного наследия моего покойного мужа – писателя Александра Степановича Грина, – и я ношу его имя, имя писателя, чьи произведения с таким интересом и благодарностью читает наш народ. Я обязана перед его светлой и чистой памятью приложить все силы к тому, чтобы ни малейшей тени не легло на это имя – и вот это единственное обстоятельство диктует мне вновь обратиться к Вам с просьбой о пересмотре моего дела. За своё малодушие, за свой страх перед голодной смертью я заплатила дорогой ценой – я 10 лет лишена была свободы, чести, я пережила много моральных унижений и так много физических лишений. Но всё это если не забыто, то уже позади, а мотивы отказа в реабилитации мною не забываются ни на минуту и заставляют ещё раз напомнить о себе.

Я обращаюсь к Вам в надежде, что Вы ещё раз проверите моё дело, учтёте те тяжёлые условия, в которых я очутилась, и поймёте, что отказ в реабилитации неправилен и несправедлив». Трудным был путь к правде, но, в конце концов, она восторжествовала. Остаток своей жизни Нина Николаевна практически провела в нищете. Долгое время она получала пенсию в размере 21 рубль в месяц, только в 1964 году планку подняли до 60 рублей.

Но и в этих условиях вдова известного писателя делала всё, что могла, заботясь о домике Грина, о его творческом наследии, о публикациях его произведений.

Инна Руденко вспоминала: «Как-то в Старом Крыму, проходя мимо маленького домика, встретила я глазами с женщиной на его пороге. Поразил и запомнился навсегда цвет этих глаз – ясно-голубой, как крымское небо. То была жена Александра Грина, которой он посвятил свои “Алые паруса”. А неподалёку, у его могильной плиты, могучее дерево пламенело от алых треугольников, оставленных многочисленными паломниками. Давно это было. Нет уже Нины Николаевны, и вряд ли сохранилась стихийно возникшая традиция приносить Грину свои маленькие алые паруса. Алые паруса выцветают на ветру забвенья, перейдя в названия многочисленных и не очень свежих кафе, увядают под усмешками круглых реалистов». Когда Нина Николаевна скончалась, её не разрешили похоронить рядом с мужем. Через год, в октябре 1971 года, Юлия Первова, Александр Верхман и ещё четверо отважных собрались на старокрымском кладбище. Женщину поставили, как говорится в таких случаях, «на стрёме». Ночью, слава богу, поднялся страшный ветер, он заглушал стук сапёрных лопаток о камни, которых в земле было огромное количество. «Операция» прошла, если так уместно выразиться, успешно. Старый Крым спал спокойно, и его стражи порядка ни о чём не догадывались. «Гроб несли сменяясь. Освещённый огнями с шоссе, он, казалось, плыл по воздуху. Не исключено, что если бы в эту пору забрёл на кладбище местный житель, то пошла бы гулять по окрестностям легенда о том, как Нина Николаевна сама себя перезахоронила», – пишет Юлия Первова. Через год на квартире одного из участников этих событий был проведён обыск и найден дневник. Всех вызывали, запугивали, но никого не посадили. То ли решили не афишировать происшедшее, то ли не смогли подобрать соответствующую статью в Уголовном кодексе. Но через время история вновь скорчила страшную гримасу. В 1998 году в местном пункте приёма металла застали за распиливанием части памятника некоего гражданина. Добывая цветной металл, вандал изуродовал памятник, отодрав от него фигуру девушки, символизирующую Бегущую по волнам. И представьте, этот человек оказался внуком бывшего начальника МГБ, через руки которого и проходило в своё время дело Нины Грин.

...В лагерях она написала свои воспоминания о жизни и творчестве. После возвращения в Старый Крым Нина Николаевна перенесла прах матери, которая умерла во время войны, под алычу возле могилы А. Грина. Она пишет своим друзьям Новиковым: «Вот в этом маленьком свёрточке всё, что осталось от страстей, горестей, любви, забот большой человеческой жизни. Так стоит ли обращать внимание на мелочи, жадно приобретать?», и отвечала: «Не стоит. Живи, дыши, любуйся прелестью мира, тогда легко будет превращаться в горсть костей».

В конце 60-х годов Нина сидела на скамье, возле могилы мужа. Постучав палочкой, Нина Николаевна уверенно сказала Ю. А. Первой: «Здесь я буду лежать». Множество лет она добивалась у местных властей разрешения на создание музея писателя А. Грина. Советские писатели Константин Паустовский и Кирилл Станюкович написали фельетон в «Комсомольскую правду», который заканчивался словами: «...Нина Николаевна Грин – большая женщина, не имеющая пристанища и снимающая у людей комнату через улицу, чтобы хотя бы видеть этот домик, в котором сегодня курятник, но когда-нибудь в этом доме обязательно будет музей». Наконец, в 1960 году, к 80-летию А. Грина, было получено разрешение на создание музея. 10 лет Нина Николаевна посвятила музею.

Её душа покинула тело 27 сентября 1970 года. Согласно её воле и духовному завещанию, обращённому к Александру Верхману и Юлии Первой, поверенным при её жизни и душеприказчикам после смерти, она должна быть похоронена возле А. Грина. Гроб с её телом был перевезён из Киева в Старый Крым. Но местные власти, несмотря на все уговоры, отказались хоронить её рядом с писателем. Нину Николаевну похоронили метрах в 50 от Грина. Тогда её друзья решили перезахоронить прах Н. Грин. Знакомый юрист сказал им: «Если вас поймают на месте – получите по три года. Если успеете перенести гроб к Грину, то вам повезёт». Через год, 22 октября 1971 года, в Старом Крыму встретились Александр Верхман и Юлия Перва. Остальные должны были приехать вечером. Саша получил на почте сапёрные лопатки, отправленные заранее из Киева. На турбазе он позаимствовал ледорубы. Вечером на автостанции они встретили Феликса Россельса и Виктора Падалко. К сожалению, не смог приехать севастополец Геннадий Шнайдер. Целый день лил холодный дождь. Ночью они подошли к кладбищу, где их уже поджидали приехавшие из Симферополя Виктор Павленко и Николай Турчанинов. После полуночи 23 октября 1971 года, в день её рождения, двое начали копать яму возле могилы Грина, трое начали раскапывать могилу Н. Н. Грин. Юлия Перва сидела у входа на кладбище, на стрёме. Дул сильный ветер, заглушающий стук лопат, лил дождь. Гроб с телом Нины Николаевны перенесли к могиле Грина и поставили в нишу возле гроба А. Грина. Закопали могилу и убрали все следы раскопок. Саша Верхман включил магнитофон. Над могилами зазвучал реквием Моцарта «Лакримоза». Утром все собрались на квартире у Юлии Первой. Поделившись впечатлениями, пошли провожать на автостанцию Феликса и Виктора Павленко. Через год у Виктора при обыске нашли дневник, в котором он описывал свои ночные приключения. Ребят вызвали в КГБ, но на допросе они не признали своей вины. В конце концов, их отпустили.

В 2003 году была создана авторитетная комиссия, в которую вошла и писательница Наталья Лесина-Шульц. Комиссия вскрыла могилу Н. Грин и окончательно, официально, подтвердила факт перезахоронения.

Берега прочтения

Вячеслав Лютый

Вячеслав Дмитриевич Лютый – литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института в 1993 году окончил Литературный институт имени М. Горького – семинар критики, учился в аспирантуре. Заместитель главного редактора журнала «Подъём». Публиковался в журналах: «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наши современники», «Москва», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Дом Ростовых», «Волга-XXI век», «Приокские зори», «Странник», «Огни Кузбасса», «Берега», «Родная Ладога», «Невский альманах», «Сибирь», «Аргамак», «Новая Немига литературная», «Простор», «Гостинный двор», в альманахах: «Тёплый стан», «Академия поэзии», «День поэзии XXI век – 2012 год», а также в газетах: «Завтра», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель», «Общеписательская литературная газета». Автор книг о современной литературе «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014). Лауреат премии журналов: «Подъём» «Русская речь», «Русское эхо», «Аргамак», премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово-2017», «Кольцовский край». Лауреат сайта «Российский писатель» (дважды), газеты «День литературы». Награждён медалями им. В. М. Шукшина, Ф. И. Тютчева. Член Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

НЕОТВРАТИМОСТЬ БЫТИЯ

Внешнее и затаённое в поэзии Дмитрия Мизгулина

...Где вместе – небо и земля
В морозной мгле слились.

Дмитрий Мизгулин

Сегодня лирический герой, как правило, является фигурой по преимуществу внешней – или же сфокусированной на построение облика внутреннего человека, на «угадывание» личных душевных движений. Конечно, такая градация во многом условна, однако у неё есть видимые примеры и одна характерная особенность.

Alter ego автора, однажды показавшегося на люди в окружении земных предметов и коллизий, впоследствии крайне редко высвечивается в качестве живого микрокосмоса, вовлекающего читателя в свои нескончаемые глубины. Происходит некое самоопределение поэта: либо он становится частью узнаваемого окружающего мира на всю оставшуюся творческую жизнь, либо существование его приобретает драматически замкнутую форму – и всякий, привороженный голосом певца, уже не ждёт от него ясных слов и художественно внятных, прозрачных в своей конкретике сюжетов. Подчеркнём, что речь здесь идёт именно о творческом облике, а не о социальном портрете литератора.

Названные характеристики практически никогда не перетекают одна в другую. Более того, обычно поэты интуитивно выбирают форму своего лирического воплощения, стремясь к определённости личных художественных примет. Эта – на первый взгляд, довольно странная, но, тем не менее, оче-

видная – поляризация в «стане стихотворцев» нашего времени почти не знает промежуточных положений. Взаимное проникновение обозначенных интонаций и смыслов попадает на глаза редко и тревожит слух, скорее, как феномен, а не привычное обыкновение.

В пределе тут сталкиваются и едва ли не враждуют публицистика и эскапизм, не склонный вступать, практически, ни в какие отношения с социумом. И то и другое для поэзии – тенденции разрушительные, и главная речь должна идти о чувстве меры, с которым глубокий человек не отворачивается от мира, но стремится сделать его лучше и добрее. Именно на такой промежуточной художественной и личностной территории перед нами возникают стихи Дмитрия Мизгулина – автора, способного удивительно точно обозначить дыхание нашей больной эпохи и движение чувств современника.

У Мизгулина реальное пространство дано в довольно беглых приметах. Они не поддержаны отчётливой, запоминающейся образностью. Притом что поэт легко и свободно умеет показать действительность – примелькавшуюся и стёртую в своих чертах. И создаётся впечатление, что лирический герой воспринимает окружающую среду именно так потому, что она для него – НЕ ГЛАВНАЯ. Вся художественная самобытность текстов автора выходит на первый план в местах соединения реального с НАД-реальным, земного – с Небесным. В подобном контексте Дмитрия Мизгулина можно назвать *духовным* поэтом, несмотря на то что он скуп на соответствующие «высокие» слова. Его сентенции метафизического характера кто-то может отнести к резонёрству, но продуманность распределения акцентной образности в стихах и сам способ показа реального пространства подтверждают сосредоточенные слова автора и не позволяют определять их как плоды расчётливого или безутешного ума.

В объёмном собрании стихотворений Дмитрия Мизгулина¹ одна из поэтических тетрадей называется «Русские печальные слова». Это заглавие как нельзя лучше подчёркивает интонацию и скрытый смысл многих его строк. Русская душа почти всегда не удовлетворена наличным бытием, устремляясь потаённой глубиной своей в царство любви, справедливости и высшей правды. Земной окоём никак не совпадает с очертаниями горнего светлого мира, и потому затаённая печаль стала неизбывной приметой русского человека.

И так спокойно было на душе,
Как будто жизнь ещё не начиналась.

Человеческая судьба представляется нередко смутной и противоречивой, в ней нет ясности и зримой последовательности картин и поступков. Тогда как до начала физической жизни душа пребывает в неведомом космосе в состоянии внутреннего умиротворения и согласия с близким и далёким и с самой собой. Зыбкость земного распорядка видна у Мизгулина даже в спокойных, на первый взгляд, эскизах природы:

Лодка, Церковь у погоста.
Тёмная река.
Чайки кружат над водою,
И с тревогою немою
Мчатся облака.

Хотя со здешней тревогой перекликается и Небесная, которая явлена нам через природные детали. Довольно часто «схваченные» глазом поэта подробности социума и быта кажутся чрезмерными в своём количестве. Но почти никогда природа не оказывается в его лирике мимолётным видением или только осязаемой вереницей предметов и ситуаций, которые по отдельности как будто могут утратить собственную многомерность и значимость. Сиюминутное человеческое по метафизическому «весу» уступает природному уже потому, что природа в каждом новом её состоянии закономерна, а не своевольна: она послушна воле Творца. Её мнимая «самостоятельность» смущает людей, настораживает – но почти никогда не приводит к взаимопониманию. Самонадеянный человек не способен уловить связь дерева и облака с непостижимой Мировой

¹ Дмитрий Мизгулин. Стихи: 11 тетрадей/ Редактор-составитель Нина Ягодинцева. – Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014.

Волей, и загадочное «бессмертие природы» его «пугает иногда». Впрочем, становясь однажды прахом, он соединяется с природным миром, но понимание всех последующих событий отрезано от него смертной чертой.

...Человек состоит из воды,
А когда-нибудь станет землёю.

Жизнь промчится – исполнится срок.
Будет имя твоё позабыто.
И развеются прах и песок
И из мрамора, и из гранита.

На фоне печали и суеты неуловимо возникает смысл возврата тела человеческого в землю, изначальное предназначение быть её частью. Эта негромкая, но очень глубокая связь может быть истолкована символически: добрых людей больше, чем злых, потому-то земля и держится, не пропадает – её укрепляет *добрый прах*. У Мизгулина подобный пунктир отодвинут от прямого наблюдения никчёмной социальной лихорадкой, которая вполне наглядна и безысходна.

...И лежит наш скорбный путь
Среди шума, среди гама
Мимо Бога, мимо Храма.
.....
В переполненной мглой душе
Места нет для покоя и Бога.

Визуальный «лист реальности», со всеми её приметам и деталями, словно проколот запредельными смыслами – достаточно редкими, которые, однако, позволяют увидеть сквозь образовавшиеся в бессмысленном существовании «дыры» невероятно яркий, ослепительный свет подлинного бытия. С ним связан непонятно как возникающий рефлекс Спасения, поначалу заставляющий человека притекать к главному – простому и ясному:

Рассеян ум. Бессилен разум.
И только трудится душа,
Слова простые раз за разом
Нанизывая не спеша.

Мироощущение Мизгулина пронизано чувством надвигающейся на современную цивилизацию катастрофы. И кажется, что грозный гул тотальной беды слышит только он. Даже природа как будто невозмутима и не содержит отчётливых, роковых знаков, в которых «...Неотвратимость бытия / И час расплаты». Особенно остро хрупкость настоящего времени воспринимается им на безоглядных ярмарках тщеславия и самоуверенности:

Очнёшься от шумных застолий,
Где праздная чаша горчит –
Услышишь, как в стынущем поле
Полуночи птица кричит.
<...>
Я в этом веселии лишний
И, мучась опять и опять,
За что нас карает Всевышний –
Стараюсь в смятенье понять,

Коль скоро глухие метели
Закружат чужие слова,
И скоро нас в прах перемелют
Эпохи иной жернова.

Предзнаменование – особая сторона взгляда на мир у Дмитрия Мизгулина. Он способен различить тоскливую тревогу, когда «...стонет под ветром, и стынет / До срока разбуженный лес». Будто собрат лирического героя, стынущий лес воспринимает невидимые вибрации большой *надмирной жизни*. Но его движения и звуки ещё не выглядят окончательными знаменами, тогда как поэт с сердечной болью вбирает в себя весь объём дисгармонии, разрушающей родной для него мир.

Если говорить о стиле мизгулинских стихотворений, то он не преобладает над художественным смыслом: это качество поэтического высказывания автора оказывается в тени собственно содержания его строки. Там же, где форма неожиданно являет себя тем или иным образом, стихи обретают дополнительную выразительность, которая обогащает смысл ещё и ярким изображением:

И ты, как будто наяву,
Опять с крыльца ко мне спустилась.
Упало яблоко в траву
И покатилося...

И всё-таки сюжеты Мизгулина по преимуществу умозрительны: некая философема почти всегда прячется в ткани его художественной речи. Цвет в его стихах появляется редко: они, скорее, рисунок или графика, нежели пример живописи. И это, в свою очередь, склоняет лирический рассказ к движению мысли, а не к перемене картин.

Стоит обратить внимание на разность ритма, который сопутствует внутреннему и внешнему развитию сюжета. Чехарда реалий внешнего мира болезненна и мимолётна, тогда как сердце и ум способствуют вызреванию главных слов и отношений как-то мерно, не торопясь, с ощутимой долей усталости и печали.

Заметим, что по ряду деталей в контексте лирики автора, родившегося в Мурманске, он предстаёт, скорее, деревенским жителем, перебравшимся однажды в город. В этом случае вытеснение «медлительного» ритма природной среды учащённым течением городского существования закономерно, однако затаённая верность души прежнему, глубокому и спокойному дыханию могут многое сказать о психологическом и мировоззренческом устройстве лирического героя.

Когда-то он чувствовал себя частью леса, реки, луга и упивался свободой и гармонией жизни. Сегодня всё – не так: окружающая цивилизация мегаполиса темна и лукава, ей ничего не стоит перемолоть человеческую судьбу. Более того – порой кажется, что в этом её адепты находят элементы удовольствия и азарта. Вот почему лирический герой Мизгулина так обречённо относится к проекциям текущего дня на завтра. Все урбанистические пути уводят его от Бога и от храма. И в какой-то момент они оборвутся на краю пропасти – житейской, апокалипсической, метафизической...

Скажи, кого винить, когда
Внезапно кончилась дорога?
.....
...И тревожится душа
В ожидании развязки.
.....
Кровавый туман над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.

Поэт пытается соединить сокровенный смысл происходящего с поступками и словами, тем самым стремясь хоть в малой мере вживить крупинки истинного понимания вещей в безотрадную современность. Такой отчаянный психологический разрыв между внешним и внутренним мирами оказывается факсимильным отпечатком лирики Дмитрия Мизгулина. А его желание сшить разорванные края зримого и осязаемого уклада, излечить душевные болезни жестокого века становится явлением во многом уникальным. Эти шаги – наверное, идеалистические – не приведут к значимым результатам, но поступать иначе, перекраивать себя поэт не может и не хочет, какую бы цену судьба ни назначила ему за принятое решение.

У Мизгулина очень много стихотворений дневникового характера. В своде его лирики они играют, пожалуй, не самостоятельную роль, а служат периодически возникающей иллюстрацией

незначительности и *без-образности* суеты, которая пытается выглядеть весомой и запоминающейся. В реалиях внешнего мира автор принципиально не ищет образности. Скорее, это диктуемое выморочной средой отсутствие ясного и яркого образа он вынужденно преодолевает. Так формируется облик сжимающегося с каждой прожитой минутой житейского поля, под метафизической поверхностью которого складываются неведомые силы, готовые однажды кардинально изменить мир.

Поэт чувствует драматические перемены, но старается отдалить их, как бы уговаривая Всевышнего быть снисходительным к исстрадавшемуся русскому человеку. Как правило, подобные слова заключают стихотворение, в котором тесно переплетаются «надежда и сомненье», а Небо закономерно и естественно видится непререкаемой инстанцией. Смысловый вес определений и предметов здесь на порядок больше, чем прежде, ещё и потому, что главные вопрошания лирического героя обращены к Создателю, а не к современникам и не к сиюминутному содержанию жизни.

Тяжелеют осенние воды,
 Догорают рябины огни...
 Но во мраке ноябрьской природы
 Вдруг наступят особые дни –

И развеется мрак постепенно,
 Рябь по водам пойдёт не спеша.
 И, как солнечный отсвет, нетленно
 Встрепенётся – и вспыхнет душа.

.....
 В поднебесье тускло тлеют звёзды,
 В темноте круги сужает бес.
 Но поверь, что никогда не поздно
 Будет достучаться до Небес.

.....
 Метель утрат восторг души остудит,
 Застынет в реках чёрная вода...
 Но всё-таки Господь весёлых любит,
 А верных не оставит никогда.

И пусть кружат во мгле миры и меры,
 В крошечном мраке исчезает путь,
 Держись поближе Православной веры –
 А там Господь подхватит как-нибудь.

Психологически стихи Дмитрия Мизгулина оказываются очень русскими: черты характера, «выглядывающие» то из одной авторской оговорки, то из другой, вполне самобытны. И потому лирическая речь поэта есть некое свидетельство русского человека, говорящего в присутствии своего брата и сестры, родителей и детей, друзей и редких единомышленников. Чувство Родины, сквозное для разных эпох, для разных людей и разных художников бережно хранится автором. Более того, творчество Мизгулина неявно подразумевает, что русский художник, утративший это драгоценное ощущение, одновременно теряет и своё вдохновенное призвание. Образ Тургенева, которого измучила тоска по России, тут очень показателен.

Мой Бог! Помогут разве воды,
 Когда встают из забвения
 Печальный лик родной природы
 И смысл загадочный ея?..

Подчеркнём, что черты Родины представлены «золочёным сентябрьским лесом» или «утренней тихой рекой», которая катит волны в далёкий океан. Он созвучен дали дальней и прогрессу, но значительно шире фальшивой вселенной современной цивилизации. Река заледенеет, изменит русло,

однако глубинное течение её останется прежним – станет другим только всё внешнее: «Под громадой застывшего льда / Будет вечно струиться вода». Здесь – абрис смыслового портрета не только автора, но и русского человека как такового.

Поэт погружён в сумеречную жизнь бездушного города, предчувствия изнуряют сердце, но надежда на Промысел и на чудо не оставляет его. Во многом потому, что он затаённо верит: с Россией будет именно то, что мы о ней думаем.

А за окном – пурга, пурга,
Тоска погасших звёзд,
И нет ни друга, ни врага,
И город – как погост.

Светлеет мрак полночных туч,
Недолго жить ночи:
Соединится солнца луч
С мерцанием свечи.

Удручённый безрадостной действительностью, поэт всё-таки протирает замутнённое окошко в золотой, осенённый Именем Бога мир. В этом узнаётся большой душевный труд, позволяющий автору не соскользнуть в бездну, покорно обживая мрачное пространство «погасших звёзд».

В стихах Дмитрия Мизгулина лирический герой постоянно теряет что-то очень важное, оглядываясь назад или прозревая – но в пустой след. Порой его интуиция, увы, просыпается слишком поздно – и вместо новой реальности он получает лишь горькое понимание того, что новая реальность могла быть. Тяжесть, продиктованная внешними обстоятельствами, ложится на его плечи, соединяясь с укором запоздало спохватившегося ума. Он исправляет вчерашние промахи, неверный выбор, потери, и в том – его жестокая планида и объяснение многих поступков. А ещё – живая душа, не делимая до конца на правильное и ошибочное:

И чаще вспоминаешь невпазд
Тот день и час, на время позабытый,
Тот удивлённый, тихий женский взгляд,
Какой-то беспокойный и открытый...
<...>
И безвозвратно миновали дни,
И этот миг, потерянный тобою,
Когда, казалось, руку протяни –
И встретишься с единственной судьбою.

Дмитрий Мизгулин – полная скрытого драматизма и внутренних противоречий фигура современного русского человека, живущего на «шатком стыке тьмы и света». Часть нового рационального века и, одновременно, наследник человеколюбивой традиции высокой русской литературы, он старается соединить разорванную в конце прошлого столетия нить времён. Его лирика, классическая по форме и художественным средствам, в своём сюжетном пространстве говорит о новой эпохе и прислушивается к сердцу простого человека. А сам он свидетельствует и горюет о нынешних смутных днях и годах, которым однажды всё-таки придёт конец.

Но пока «...небо и земля в морозной мгле слились...»

Берега прочтения

Виктор Богданов

Виктор Всеволодович Богданов – поэт, прозаик, эссеист, публицист, критик, литературный редактор. Родился в Омске в 1972 году. Пишет и печатается с 1988 года.

Публиковался в журналах: «Арион» (Москва), «Библиополе» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Журнал литературной критики и словесности» (Москва), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Новая Немига литературная» (Минск), «Омская муза» (Омск), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Сихотэ-Алинь» (Владивосток), в альманахах: «Вольный лист» (Омск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Ликбез» (Барнаул), «Складчина» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), в антологиях произведений омских писателей: «Сегодня и вчера» и «Годовые кольца», в еженедельнике «Литературная Россия» (Москва) и в др., в качестве автора предисловий – в книгах литераторов из Арсеньева, Владивостока, Москвы, Омска.

Автор двух сборников стихотворений («Стихотворения 1992 года», 1993; «Несколько моих душ. Стихотворения 1993–2002», 2003), изданных в Омске, и книги публицистики «Письма литературным девственникам, или Пещера XXI века», опубликованной в Приморском крае (2014).

Дипломант Всесоюзного поэтического турнира издательства «Молодая гвардия» (1988). Лауреат региональной литературной премии имени Ф. М. Достоевского (2003). Участник I Всероссийского совещания молодых литераторов в Ярославле (1996). Член Союза российских писателей (1996).

Живёт в Омске.

ВЫСОКИЕ ДОЛГИ ПОЭТА

О сборнике стихов Владимира Тыцких «Всё остаётся другим» – Владивосток, 2021

Жизнь Владимира Михайловича Тыцких – в самых общих её чертах – видится мне так: с одной стороны, это жизнь человека долга, верного слуги Отечества, военного моряка, с другой – жизнь человека, пропустившего через себя огромное множество мест, событий, людей и прочитавшего изрядное количество хороших книг. Эти особенности биографии Тыцких прямо и чётко отражаются в его поэзии, в частности – в его новом сборнике *«Всё остаётся другим»*.

Владимир Тыцких – поэт строгой, твёрдой, чеканной формы. Поэт с отлично поставленным и непрерывно тренируемым голосом. Поэт по преимуществу предельно внятной дикции. Но форма у Тыцких и пластична: нередко даже в совершенно избитые стихотворные размеры ему удаётся влить «свежую кровь», а от случая к случаю выбираемая им строфика – довольно неожиданна и не даёт читателю заскучать. Поэтическое дыхание В. Тыцких – здоровое, ровное: он прекрасно чувствует себя и владеет собой и в сжатом пространстве четверостишия, и на длинной дистанции повествовательного стихотворения.

Способы (гражданское, публицистическое, историческое, пейзажное, любовное, философское, шуточное стихотворение) и тон (от высокого пафоса, красноречия, остроумной плакатности до ёмкой, парадоксальной философичности, от сдержанной чувственности до едкого сарказма или тонкой иронии) высказывания у В. М. Тыцких завидно разнообразны, однако всегда жёстко объединены мировоззрением и нравственной позицией автора.

Поэзия Тыцких охватывает значительный круг явлений и вопросов, живёт большими расстояниями и сопряжёнными временами, она «идёт от жизни», дышит жизнью, но вовсе не чужда культуре, особенно – культуре русской. Вот и на страницах этой книги, кроме «простых смертных», вы встретите Есенина, Рубцова, Пастернака, Шекспира, Астафьева, Шевченко, Валиханова, Гоголя,

Твардовского или – в незакавыченных цитатах – того же Твардовского, детскую считалку, русскую народную песню... А читатель, искушённый в литературе, увидит за отдельными стихотворениями сборника «тени великих» – от Пушкина и Тютчева до Прасолова и Юрия Кузнецова.

В. Тыцких – поэт прямой, честной, задушевной, брезгающей масками и литературными играми речи, «лирический герой» его стихотворений обычно тождествен автору. Казалось бы, с таким старомодным оружием сегодня в изящной словесности далеко не уедешь. Но Владимир Тыцких едет: он почти всегда интересен, а порой – и захватывающ, благодаря – в равной мере – как природному таланту, так и упорному самообразованию, зоркому постижению мира и кропотливому труду.

Одна из самых ярких и привлекательных черт поэзии Тыцких – её афористичность. Многие его стихотворения так и хочется «разобрать на цитаты». И здесь необходимо сделать отступление о цитировании.

При подготовке этой статьи, прочитав и обдумав присланный мне Владимиром Михайловичем сборник, я, как принято, стал отмечать в текстах строки и строфы, иллюстрирующие те или иные тезисы моих размышлений о поэте. Вскоре файл с книгой «расцвёл» у меня бесчисленными цитатами всех цветов радуги. И я понял: на каждую мою мысль у Тыцких столько «примеров» – один лучше другого, ещё и уточняющих, или продолжающих эту мысль глубже, объёмней, или расщепляющих её на несколько, скажем так, русел, – что выбрать из них один-два и «выставить» их в статье абсолютно невозможно, да и ненужно: это не откроет читателю, а – наоборот – обеднит и засушит текучий и многогранный мир Владимира Тыцких. Так что цитат не было и не будет. Шла бы речь об анализе единственного стихотворения или определённой темы – тогда дело иное. А целый сборник Тыцких – вещь, слишком богатая для цитирования. Пусть читатель сам подкрепляет-опровергает мои (и, конечно, собственные!) впечатления понравившимися ему у поэта строчками.

Человеческое бытие, как и жизнь природы, в поэзии В. М. Тыцких одновременно и циклично, и линейно. Дерево растёт и развивается из семечка в более или менее мощный организм, а потом, в положенный ему срок, умирает. И дерево в своём развитии на протяжении всей жизни строго подчинено смене времён суток и года. То же – и у людей. Однако линейность именно человеческого существования имеет дополнительное – в сравнении с прочими тварями – измерение: связь поколений, отцов и детей, историю, традицию и культуру. Другими словами, это способ сохранения и канал передачи индивидуальных и коллективных знаний, опыта, памяти, моральных устоев, падений и взлётов... Сия удивительная, громадная «надстройка» и для Тыцких-человека, и для Тыцких-поэта исключительно важна. Недаром все – казалось бы, разрозненные – части и частицы универсума ожидаемо и неожиданно связаны у него между собой. Стихотворение Владимира Тыцких, как правило, стягивает в единый клубок множество периодов, мест, явлений и судеб. В итоге даже расхожая бытовая сцена может мгновенно обрастать у Тыцких глобальными смыслами и приобретать всеобщее – и непреходящее – значение.

В. Тыцких – поэт деталей – и поэт глубоких обобщений, поэт крепкого удара, бескомпромиссного самостояния – и поэт нежности и любви, прощения и сострадания. Остро чувствуя и рельефно изображая перегруженность, запутанность, тяжесть человеческой доли, Владимир Тыцких тем не менее остаётся певцом простых вещей и понятий, помогающих ему (и нам, его читателям) нести свой крест, справляться с жизнью. Вода и хлеб, родной порог и родная природа, верная дружба, пронзительная песня, честь, честность, чистота, правда, высокий долг человека перед ближними и дальними, перед Отечеством, перед всем, в сущности, миром и неугасимая трудная любовь к этому миру в его бесконечных, прекрасных и не очень, переменах и повторах – вот ценности, путеводные нити и спасительные соломинки поэзии Тыцких.

Что касается тематического содержания, творчество Владимира Тыцких – явление, опять же, чрезвычайно широкого охвата. Одних так называемых магистральных тем в его поэзии – не сосчитать: Родина и родня, отечественная история и рассматриваемая поэтом как бы сквозь её призму современность, будни и подвиги солдата, русская природа, русская песня, море и жизнь моряка, любовь к женщине, беды и радости бытия... И в новом сборнике автора каждой из этих тем уделено пристальное внимание. Но мы поговорим лишь о некоторых.

История – прежде всего, естественно, история России – занимает в книге *«Всё остаётся другим»* (да и во всём, что написано Тыцких) едва ли не главную позицию. История для В. М. Тыцких – не только (и даже не столько) прошлое, это, одновременно, – и настоящее и будущее. То, что всегда

рядом, «здесь и сейчас». История для Тыцких – дрящаяся реальность, с которой он стоит лицом к лицу. (Рискну сказать больше: от иных стихотворений поэта возникает ощущение, что история буквально течёт в его жилах, что она – его кровь и плоть.) Лицом к лицу с ней он заставляет встать и нас, читателей. И это – испытание. Поскольку история у Владимира Михайловича – не набор картинок, а универсальный инструмент для проверки нравственных качеств человека. Память и беспамятство, общая и личная вина, верность долгу и себялюбие – вот несколько мерок, зачастую сплетённых в чудовищные узлы и неразъединимых, которые история, по Тыцких, прилагает к нему и к любому из нас.

Однако у современности «мерки», к сожалению, совершенно другие, если они вообще есть. И Владимиру Тыцких – советскому офицеру, человеку и поэту века 20-го – они смешны, отвратительны и чужды. На страницах этой книги вы откроете для себя целый пласт горьких, гневных и едких стихотворений, посвящённых нашему сегодняшнему дню – жизни, которую и жизнью-то в традиционном, привычном от века к веку, смысле становится называть всё труднее. Кажется, единственное, что поэт считает возможным позаимствовать у неё и привнести в стихи, – рождённая ею мусорная, жаргонная, забугорная, лукавая лексика, и та нужна Тыцких для контраста – чтобы поставить её на посрамление рядом с исконными, высокими и простыми, словами родной речи и понятиями русской правды.

В. М. Тыцких – поэт с гулкой публицистической струной, как только речь у него заходит о любви, о женщине, превращается в тонкого лирика или – с возрастом – в грустного мудреца. Многие его любовные стихотворения построены на умолчаниях, на мерцающих сквозь ткань стиха подтекстах.

Тыцких – лишь на первый взгляд певец земного, дольного. Чем старше поэт, тем чаще он смотрит на жизнь окружающих и на жизнь собственную с точки зрения вечности, а иногда – и глазами Высшего Судии. Метафизические мотивы – с течением лет – становятся в его творчестве органичней и разнообразнее, что хорошо заметно по сборнику *«Всё остаётся другим»*.

Тыцких – поэт поразительно жизнелюбивый, то жадно, то неторопливо, но и неутолимо пьющий бытие, как драгоценное вино. Мир дал Владимиру Тыцких много – и Тыцких много впитал из него. Сказать, что он прекрасно сознаёт это – не сказать ничего. Ибо абсолютное большинство стихотворений Владимира Михайловича буквально пронизано трепетным пониманием этого и благодарностью за это. Собственно, его поэзия есть, среди прочего, раздача долгов – истории, предкам, Родине; матери и отцу, братьям, любимым женщинам, сыновьям, друзьям; родному флоту и отечественной литературе; природе, жизни, Богу. Возврат долга – как творческий акт, как духовная поддержка и продление дел предшественников и возвышение душ современников – один из краеугольных камней этики Тыцких.

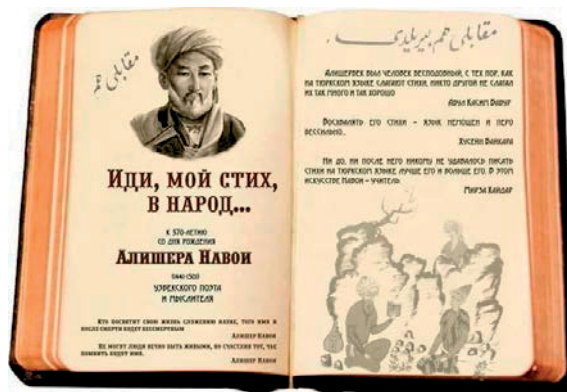
Но название сборника обусловлено не только этикой благодарности миру, исповедуемой Тыцких: оно продиктовано и порой подведения итогов, которая пришла для поэта. *«Всё остаётся другим»* – книга мудрого человека, прожившего богатую жизнь и щедро, легко раздающего долги. Лучшие стихотворения Владимира Тыцких останутся в литературе – *останутся другим, для других*. И для каждого настоящего – чуткого и умного – читателя они будут немножко *другими*, разными, при этом – в главном – они, надеюсь, для всех сохранятся такими, какими явились поэту в момент их создания. Хочется, чтобы читатель приготовился к тому, что поэзия В. М. Тыцких сделает и его – в высоком смысле слова – должником: должником русской литературы.

Русский мир без границ

Золотая книга Центральной Азии

К 580-летию Алишера Навои

Жолдошбек Монолдоров

Жолдошбек Акылбекович Монолдоров – председатель Союза писателей и историков Центральной Азии «Янги Овоз», генеральный директор ОБФ «Амир-Темур» в Кыргызской Республике (Бишкек, Кыргызстан).

Учителю народов Алишеру Навои посвящается

Уважаемые читатели и настоящие ценители художественной литературы!

С большим трепетом и гордостью представляю Золотую книгу Центральной Азии, в которую вошли лучшие поэты современности.

Мир поэзии – это прежде всего образность, атмосферность, новизна, символизм и лирическое восприятие Вселенной, которое, как на некой черепахе, держится на парадигме того, что создано задолго до нашего рождения. Базисом древней поэзии, что неотделима от философии мудрецов и визирей, царей и шейхов, королей и императоров, понятным многим народам планеты Земля, является творчество Великого Алишера Навои. Именно ему посвящён этот многогранный труд на 30 языках. 580 лет назад учёные мира были связаны единым знанием и единым корнем. Этим сборником мы постараемся возобновить межгосударственные связи и скрепы.

По воле случая наши дни рождения совпадают. Вот почему так особенно важна лично для меня эта книга. Вот почему, подобно золотым крупичкам, выпускающий коллектив книги делал столь жёсткий конкурсный международный отбор в течение 2020 года. В Золотую книгу Центральной Азии включены победители международного конкурса, который проводил Союз писателей и историков Центральной Азии «Янги Овоз». Поэты отмечены от Союза писателей и историков Центральной Азии «Янги Овоз» орденом им. Алишера Навои (580 лет). Золотой Гран-при на торжественном собрании кыргызской диаспоры в Москве был вручён выдающемуся деятелю мировой культуры, послу мира при ООН, писателю, у которого в активе более сотни книг, Светлане Васильевне Савицкой за поэму о маме и море «Четыре дня на Каспии», переведённую на грузинский и туркменский языки.

Награды Алишера Навои

Алишер Навои

Алишёр Навоӣ (Низамаддин Мир Алишер) – один из первых поэтов-суфиев, чья жизнь довольно обстоятельно и точно документирована. Известны не только годы жизни поэта, но место, месяцы и числа его рождения и смерти: родился 9 февраля в Герате, умер там же 3 января.

Его арабское имя Низамаддин своим считают персы и греки, грузинские мангрелы и даже македонцы, делая упор на понятное славянам имя Мир! Более того, его уникальным наследием гордится как Турция, так и Сирия. Важно отметить, что сам себя Навои считал узбеком, во всяком случае писал о себе так: «На шахские короны и пышные одежды мне надоело смотреть, Мне достаточно одного моего простого узбека, у которого на голове тюрбетейка, а на плечах халат».

Стихи Навои писал на фарси, которым до сих пор пользуются афганцы и таджики, это язык Древней Персии. Но главные его сочинения созданы на литературном чагатайском языке тюркской языковой группы. Его творчество повлияло на дальнейшее развитие узбекской литературы. Тюркское происхождение Алишера Навои подчёркивал его наставник и друг Абдурахман Джами: «Хоть он был тюрком, а я персом, оба мы были близки друг с другом». В известном смысле значение Навои для развития тюркских языков сопоставимо с именами Гомера для греческого и Ронсара для французского.

Родился Алишер в государстве Тимуридов в семье правительственного чиновника. Получил блестящее воспитание и соответствующее образование с будущим султаном Хусейном Байкарой, впоследствии главой Хорасанского ханства, тоже поэтом и покровителем искусств.

При этом правителе Навои в 1469 году был назначен на должность хранителя печати, а спустя пять лет получил чин визиря и титул эмира.

Но чем именно Союзу писателей и историков «Янги Овоз» он близок по духу, – великий мыслитель, как и Шувалов во времена правления Елизаветы, бескорыстно оказывал протекцию и поддерживал материально учёных, мыслителей, художников, музыкантов, поэтов и каллиграфов. При нём в Герате был сформирован союз учёных и творческих людей, куда, помимо него, входили великие Джами и султан Хусейн, писавший стихи под псевдонимом Хусайни.

Как мыслитель Алишер Навои состоял в ордена Накшбандия, где безусловная любовь к Аллаху и целибат одновременно являются необходимыми условиями принадлежности. Вот как он писал об этом в своём сочинении «Лисон ут-тайр» («язык птиц») – отклике на «Язык птиц» Ф. Аттара, пользуясь привычной для суфиев манерой иносказаний: «Я, как Феникс, родился в пламени любви. Но Феникс лишь рождается в этом пламени и умирает в нём. Он создан только для того, чтобы гореть. Нет, нет, что я говорю; я только обжигался от искр любовного пламени, в котором сгорел настоящий Феникс...»

Естественным условием книги мы посчитали возможность опубликовать также и переводы самого мастера. А чтобы сборник был понятен разным народам, базовым языком, объединяющим публикации на языках стран блока «Лауреаты», мы выбрали Великий русский язык.

Я чрезвычайно рад за читателя, который будет наслаждаться снова и снова поэзией, представленной в этом труде, главной работой которого явился отбор лучших из лучших.

Пусть подарок наших сердец будет принят с тем чувством, с которым мы передаём его сердцам читателей.

Павел Глоба

Павел Глоба – советский и российский астролог, теле- и радиоведущий, писатель.

В ближайшие 20 лет нас ждёт удача!

Добро пожаловать в это роскошное издание. Поздравляю! И я рад помочь советом с астрологической точки зрения. Изменения, коснувшиеся земного шара в 2020 году, лишь начало нового цикла, к которому пора начать привыкать. «Куй железо, пока горячо», и тебя будет сопровождать удача! В этом году всем нужно серьёзно работать, настраиваться на какую-то большую цель. Повезёт сильным людям, которые готовы взять на себя ответственность. Если будете безответственны, то можно проиграть всё и сразу, обречь себя на поражение.

2020 год был таким, какой он был. И к счастью, прошёл. Но продолжение следует, пережить надо было прошедший год Крысы. А теперь надо работать на будущее, вкладываться в него, быть сильным человеком, отвечать за свои слова. Ничего так просто не меняется во мгновение ока. Будущее надо строить самим. Год Быка станет хорошим, если «брать быка за рога»!

Если ты возьмёшь на себя ответственность, будешь уверен в себе, то сможешь получить всё, чего действительно хочешь. Но слабые люди, которые не знают, чего хотят от жизни и поэтому не инвестируют в будущее, не отвечают за свои слова, к сожалению, могут остаться на обочине жизни.

Судьба сулит большую удачу рождённым в годы Быка, Змеи и Петуха. Такая вот упряжка получается. Особенно этим знакам повезёт в области карьерного роста, социальных взаимоотношений, бизнес-проектов. Ни на кого не стоит рассчитывать, только на себя. А если лежать на печи и ждать звезду с неба, то ничего и не перепадёт. Кстати, людям, рождённым в годы Кота, Зайца (Кролика) и Свины, тоже будет более-менее везти. Но они сейчас очень сильно зависят от своего окружения. Тут надо правильно подобрать коллектив, важно опираться на команду и не думать, что ты умнее других.

Есть ещё те, кто родился в год Собаки, Козы и Дракона. Им потребуется очень много сил. Это самая главная группа риска в 2021-м. Им нужно соблюдать осторожность во всём, не поддаваться на провокации, избегать любых опасных ситуаций. И главное – внутренне настраивать себя на победу, всё тщательно планировать, с утра до вечера, и так весь год.

Крысы, Тигры, Лошади и Обезьяны. У них будет то чёрная, то белая полоса. Главное – знать, что даже если совсем плохо, это не навсегда и жизнь наладится. Пусть и ненадолго, но всё же.

В плане финансов год Быка считается стабильным периодом. Каких-то серьёзных разрушений не будет. Большие взрывы случаются, как правило, в годы Тигра.

Границы откроют, но не для всех. Всё-таки в этом плане будет продолжение 2020-го. Но мы привыкнем к этому.

Критическим может быть время затмений в мае и июне. Нужно быть осторожнее, лучше отложить серьёзные планы. Ноябрь-декабрь – тоже два затмения. Самыми позитивными станут июль и август. А также бархатный сезон – конец сентября, октябрь. В это время можно особо не задумываться о каких-то возможных ударах судьбы.

Год Быка всё-таки способствует консервативным тенденциям. Главное – продумывать свои действия, не пускаться в авантюры и закреплять достигнутое.

Моё предположение о том, что мир, в котором мы жили последние 20 лет, закончится в 2020-м, – сбылось. Я говорил о том, что наступит новая эпоха и мы больше не будем жить как раньше.

Теперь новое время продлится до 2040–2041 года. Серьёзное движение к позитивным изменениям начнётся в 2024 году. Планета Плутон входит в знак Водолея. Это не значит, что само небесное тело как-то на что-то влияет. Оно, скорее, индикатор происходящего. Так вот, Россия всегда получала новые возможности – возрождалась из пепла, росла, заселяла новые земли – когда Плутон был в Водолее. Я считаю, что у нас будет хороший шанс. Другой вопрос, воспользуемся мы им или нет...

Особые слова благодарности хотелось бы сказать автору идеи и главному исполнителю «Золотой книги Центральной Азии» Монолдорову Жолдошбеку Акылбековичу за этот титанический труд.

Нурлан Калыбеков

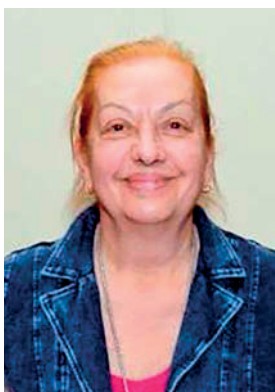
Нурлан Оскөналиевич Калыбеков – председатель Союза писателей Кыргызстана.

Белый путь

Нет сомнений, что имя великого мудреца, великого поэта и государственного деятеля Алишера Навои будет всё больше и больше звучать и обновляться с течением времени, пока не займёт место среди звёзд в общем тюркском мире. Вечной похвалы заслуживает тот факт, что растущий веками древнетюркский язык поэзии вывел Центральную Азию на уровень мировой литературы. Сам факт того, что и человек, и поэт, родившись в пламени любви, как птица Феникс, могут прожить эту жизнь, остаётся для нас и для последующих поколений лучшим примером.

Отрадно видеть, что в этом году 580-летие великого мастера отмечается на международном уровне. Работа председателя Союза писателей и историков Центральной Азии «ЯНГИ Овоз» Жолдошбека Монолдорова по сближению литератур наций заслуживает похвалы. В Золотую книгу, посвящённую великому наставнику, вошли около тридцати языков, на которых пишут в Узбекистане, Кыргызстане, Казахстане, России, Армении, Турции, Индии, Болгарии, Сирии, Сербии, Вьетнаме и др. Мы очень рады таким международным проектам. «Дружба различных культур, переходящая в дружбу народов» – событие в литературе случающееся крайне редко. Пользуясь случаем, хочу пожелать Жолдошбеку Монолдорову и в дальнейшем быть успешным в подобных международных проектах.

Я желаю всем моим коллегам по книге творческого вдохновения и удачи. Белый путь... Пусть священное имя великого Алишера Навои будет вечным и в духовных мирах.

Элен Дорис

Элен Дорис – Академик. Член РОИПА. Доктор исторических наук. Президент научно-исторического общества в Грузии «Колхидская роза» (Колхетис варди. Тбилиси, Грузия).

Заметки о Навои

Все мы, все мы в этом мире бренны...

С. Есенин

Как тесно и взаимосвязанно пересеклись нити поэзии Великого Алишера Навои, грузинских древних традиций и культурного наследия прошедших эпох.

Арии, древняя Колхида, Армази – места, озарённые светом Солнца и Луны.

Город, где родился, жил и творил Великий Навои, – это современный Герат в Афганистане.

С 500-х годов до нашей эры его называли Артаконом, или Арейя. Артакона с мегрельского – колхского – языка можно перевести как «владения первых», ариев, тех, кто прибыли как цивилизаторы на земли от Востока до Запада и принесли свою культуру.

Богиня Арма-Луна прошла по оси: север – остров Рюген (А. С. Пушкин «Буян») – на юг Армази, современная Мцхета в Грузии.

От хребтов Индии, Пакистана, Афганистана – до гор Кавказа и Пиренеев – через Альпы и Фракию, а также Македонию, родину Александра Македонского. В честь его памяти Герат носил имя Александрия-Ариана.

Псевдонимы «Навои» – «мелодичный» и «Фанни» – «хрупкий» опять светлым бризом столетий относят в древние отголоски истоков единой Пра-родины. «ФА» – «свет», фараоны Египта, Фазис – город и река в Колхиде – место обитания волшебницы Медеи.

Очень может быть, что Великий Алишер Навои, как и его грузинский коллега Шота Руставели, были братьями по духу, допущенными к сакральным тайнам бытия, и черпали свой талант и вдохновение из единого источника Света...

Да будет благословен великий Алишер Навои!

Мир его душе, и вечная слава!

* * *

Сохранили мудрость слов
Столетия.
Камертоном донеслись
В Кахетию.
Проносились из веков
Межгорьями.
Проливались рекой
Упорно.
Раскрывались, как цветы,
Навстречу ей.
Души и сердца
Кахетии.
Мелодичных тех стихов
Экспрессия
Олишера Навои
Поэзия.

Светлана Савицкая

Светлана Савицкая – писатель, поэт. Генеральный куратор проекта «Золотое перо Руси» (Москва, Россия).

Четыре дня на Каспии

Поэма о маме и море

В ДИАЛОГЕ С МУДРЕЦОМ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
АЛИШЕРОМ НАВОИ

Аннотация Льва Анненского, литературный критик, литературовед (1939–2019)

Многообразность философии Светланы Савицкой подкупает новизной и откровением живущего истинной любовью сердца. Пуповина этой любви – любовь к матери, а через неё – к матерям всей планеты, галактики, Вселенной.

Светлане удалось увидеть мир через волны, как через призму времён, вернувшись на Каспийское море через 50 лет разлуки. Осознать маму в настоящем, прошлом и будущем, как и себя четырёх-летней. Понять, что нет ничего выше Великого планетарного символа Матери, особо почитаемого и значимого для всех народов Земли. Выразить чувства изысканным слогом. Широтой мысли. Глубиной восприятия.

В предлагаемом издании поэма публикуется впервые на трёх языках – русском, грузинском и туркменском в переводе известного поэта Эмзара Квитаишвили, в активе которого виртуозные переводы А. Пушкина, А. Блока, Б. Пастернака, В. Маяковского. И в переводе редактора туркменского журнала «Иностранная литература» Джумагельды Мулкиева.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

* * *

То не воздух, а чай
Из некошенных трав,
То настой фитонцидного
Душного зноя
Я приму.
И коснётся плеча
Алыча.
И гранат
Перезревший
Меня успокоит.

* * *

Я бежала сюда,
Я плыла,
Я ползла
С перебитыми крыльями,
Раненой птицей,
Чтобы вновь омовенье
Свершила душа.
Чтоб, как Феникс,
Из пепла
Могла
Возродиться.

* * *

Я ищу своё детство,
Мой Каспий,
Пойми.
И следы на песке
Моей ласковой мамы,
Той, что шила мне платья
Сама
Из тесьмы,
Что роскошно плела кружева
Для панамы.

* * *

Я не верю той притче, в которой мудрец
Из корыстных идей, усомнившись о чуде,
Пересёк полземли, чтоб мудрейший отец
Был испытан на мудрость среди пристальных
судей.
Притча та слово в слово прошла сквозь века:
Изловив мотылька,
Вопрошал дервиш дерзкий:
– Что? Живое иль мёртвое в этих руках?
– Всё в руках твоих, – тихо ответил мудрейший...
Разве мудрость – не верить в величье ума?

Я б другое спросила у гения мысли:
– Почему люди любят?
– Зачем им война?
– Что главнее любви?
– Есть ли смысл
у жизни?..
Те вопросы я,
Море,
Тебе принесла,
Не успела задать их в безоблачном детстве,
Когда вечность в спиральных ракушек цвела,
В бархат ночи вдохнув колыбельные песни.

* * *

Если люди не верят друг другу –
Беда.
Если люди не верят друг в друга –
Проблема!
Если Богу не верят они – ерунда:
Бог в них верит,
Даря им
Пространство
И время!
Как из толщи земли
Прорывается мысль,
В виде цветика малого
С пламенной жаждой,
Из космических вод зарождается жизнь,
Материнское лоно покинув однажды.

* * *

Я из тёплого моря взойду на песок,
Холодящую землю собой согревая.
Так рождается вновь
Человек, точно Бог,
Прошлых жизней греховных
Не помня.
Не зная.

* * *

Я училась ходить по седому песку
Полусладкого – полусолёного моря,
Говорить я училась. И гнать грусть-тоску,
Я училась с ветрами на Каспии спорить,
– Мама! Мама! Смотри! – я кричала опять,
– Я умею ходить!
– Я бежать научилась!
– Я умею нырять!
– Я умею писать!
– Я умею сложнейшие складывать числа!
И любила я сказки в стихах про людей,
Про чертей

И богов,
Про любовь и терпенье.
И любила я маму.
И верила ей.

И молилась святому её вдохновенью.
Сны мои на ладонях качала волна,
Объясняя бездарность бессмысленных
смыслов.
И любила я море до самого дна,
Так меня не любили, наверное, в жизни...

Я в четыре запела.
А в пять поняла,
Что могу рисовать удивительных рыбок.
Научилась я слушать.
И слышать слова.
Научилась прощать.
И не делать ошибок.

Я гнала своё детство.
И юность гнала.
Седины я ждала,
Как небесного чуда!
Косыками на юг улетали года.
Мне по снегу ходить стало больно и трудно.

И полжизни прошло.
Или целая жизнь?
Пятьдесят – это всё?
Иль ещё половина?
И сказал тихо Каспий однажды:
– Проснись!
И позвал он меня притяжением сильным.

И опять я иду по седому песку
Полусладкого – полусолёного моря,
Не по снегу иду,
Отгоняя тоску,
Я иду по песку,
С притяжением спора.
– Мама! Мама! Смотри, –
Постоянно шепчу,
Чтоб никто не услышал!
Не счёл сумасшедшей!
– Я ...
... Молчать научилась!
– Смотри!
– Я молчу!
– Я пытаюсь, как ты, стать достойной
из женщин.
Я красивые притчи пишу для людей,
Для чертей и богов,

Для любви и терпенья.
Я люблю тебя, мама!
Я верю тебе!
И молюсь на святое твоё вдохновенье!
Сны у Каспия снова качает волна,
Растворив отраженье в лазоревой выси.
И люблю я мужчину до самого дна,
Так меня не любили,
Наверное,
В жизни...

* * *

Перегрузки.
Гудки.
Но звонок не прошёл,
Я на Каспии детство своё вспоминаю.
Позвони!
Я отвечу, что всё хорошо.
Не волнуйся.
Я здесь.
Я на море, родная!
Всё в порядке со мною.
Хоть ты далеко.
Ты давно далеко.
Я уж белой стала.
Я тут вспомнила, мама, как было легко,
Если я на руках у тебя засыпала...
Несмотря ни на что, жар души не прошёл,
От него ещё многим придётся согреться!
Позвонишь – я отвечу, что всё хорошо.
Мама,
Я научилась беречь твоё сердце!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

* * *

Рассвет переполнит волшебным сияньем
Долготерпивую жизнь.
Ты рано проснёшься и вспомнишь о маме.
И солнце встречать побежишь!

Вчера на закате казалось всё серым.
И ветра утихли шаги.
Казалось, что солнца зелёное сердце
Порвётся вот-вот от тоски!

А утром – смотри! Словно песней из детства
Усилил пространственный знак,
Сегодня у солнца зелёное сердце
Заря поднимает как флаг!
Опять не везёт нам, наверное, в смерти,

Хоть смейся! Зови не зови!
Сегодня у солнца зелёное сердце,
Зелёное сердце любви!

* * *

Принцессой маленькой
Четырёхлетней
Я обернусь
Легко!
Выбегу дерзко и непослушно
На берег,
Точно в большую песочницу,
Босиком!
И в ладошке
Я удержу сто ветров
Каспийских!
Сто надежд!
А воздушного змея,
Изрядно
Затискав,
Выпущу в горный
Лес!
Вихри
Солнечные
Весёлые
Крепко держа в руках,
Точно завойки,
Концами плётки
Выкручу на висках.
А потом, как когда-то,
Я рассмеюсь,
Разревуся,
Разрыдаюсь,
Взорвусь!
Буду я всем сумасшедшей казаться.
Пусть!

* * *

Ты не гневайся, Каспий милый.
Можно, поглажу тебя?
И не дрожи.
Я пришла к тебе с миром,
Ласковый мой,
Озорной
И мурчащий,
Мой шаловливый,
Большой,
Настоящий,
Белый,
Как Солнце, огненный барс!
Белый, как Небо!
Как свет
За Душой!

И широкий,
Огромный,
В сотни обхватов
Марс!
Запах первой неистовой воли
Морской
Я помню.
И запах лепёшек с кунжутом,
И мёд добрых пчёл,
Что садились на нос.
Пролетели года.
Но всё это осталось
Со мной навсегда.
В чёрной ночи – звёзды белых улиток.
Свет фонарей, по дороге разлитый.
Маму, идущую рядом со мной.
Длинные тени,
Наверно, длиннее
Нет ничего,
Раз они из кармашков
Светлого детства
Солнце достали.
И сладкую песню.
Здесь, на песке,
Мамино слово
Я чувствую рядом.
Мамину руку – в руке.
Мама ведёт меня вновь по дороге.
Мне хорошо и легко.
Мама, я помню тот вкус кукурузы.
Помню улиток.
Арбузы. Медуз.
Белый песок. И уверенность,
Что всё,
Пока за руку ты меня держишь,
Будет со мной хорошо!

* * *

Как возьму!
Как зачерпну
Ковшом
Пол-Вселенной!
Рыбки
Галактиками
Так и
Заплещутся в нём!
В Каспий брызгами
Выплесну!
Волю-вольную
Подарю диким звёздам
За Южным Крестом!
И бездомно...
Бережно...

В штиль уйдёт душа моя.
В штиль!
Брошу якорь туда,
Где мерцает
Большая
Медведица
Томно.
Боль моя
В боль уйдёт,
Что космический
Солнечный ветер –
В пыль!

* * *

Острые перья чаек,
Как стрелы,
Пронзают песка
Млечность
Белою песней свободы...
Ты слышишь её?
Нет?
Что ты?!
Шторы
Не затворяй
В кабинете своём,
Как шторы!
Чайки
Тайну откроют тебе
Слова!
Не начертал его ещё на песке?
Нет?
Черти!
То слово:
ВЕЧНОСТЬ...
Его волнами смоем.
Но...
Не беда.
Напиши его снова...
И так бесконечно.
Пусть наша жизнь быстротечна, –
Люби!
Смысл жизни
Не сможет смыть
Море.
Даже если чайки все до одной улетят,
Царапая криками воздух
Хором,
В свой райский
Чаечный храм,
Вскоре,
Каясь или молясь,
В одиночестве сна,
Как в соборе,

Ты...
Поймёшь это сам!

* * *

Я не свободна...
Но там...
Где меня нет,
Снова я есть!
Чайки
Мне накричали
Добрую весть!
Стала
Я понимать,
Что значит
Свобода
И честь.

* * *

Море волнуется раз –
Пустяки!
Стерпишь!
Море волнуется два –
Дураки
Нервы
Треплют опять,
Как ветра
Паруса
В бурю...
Кровь
Нагоняет
Градус
Темпера-
туры!
Море волнуется три –
Что глядишь
Дерзко?
Тихо.
Замри.
Я – как ты!
Я – твоя
Песня!
Море уснуло у ног,
Нализавшись твоих
Пяток.
То ли сбывась с тобой боль...
То ли сон
Сладкий...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

* * *

Где свивает вселенскую материнскую нить
Светлоли-и-и-икая

И
Вели-и-и-и-кая
М-а-а-а,
Отражаясь в Каспии, довелось нам плыть
Вместе!
Помнишь,
Моя
Мама-М-а-а-а???!!!

Это было недавно, казалось, ещё вчера,
Вызревала я
Между гор, там, где спят ветра.
Ты твердила всегда,
Что на счастье родила
Для Отца-а-а-а.
Царь-девицу –
Волшебницу.
Мама моя –
Богородиц-а-а-а-а!

По ущельям сил для тебя собирал туман.
С четырёх сокровенных стран,
С четырёх дорог.
Перезревшим арбузом
Вселе-е-е-е-нским
Я зрела в тебе,
Мама-джан!
Разорвал нас
Однажды
Мой первый вздох.

Млечный путь пупови-и-и-иной
По со-о-о-о-тням струн
На рубашке кодировал
Родово-о-о-о-й
Со-о-о-отни рун.
Молоко-о-о-ом своим
Мама-ханум
Окрестила на подвиги
И на бой.

Материнский све-е-е-е-ет –
Ярче белого дня!
Ши-и-и-и-ре неба!
И глубже, чем океа-а-а-а-н!
В-ы-ы-ы-ыше маковок белых церквей –
Мама моя!
Санта-Мама моя!
Моя Мама-Са-а-а-а-ан!

Омовее-е-е-е-ением
Околопло-о-о-о-дних
Во-о-о-о-лн

Пульса новый виток запускает вновь
Моя Мама-Мечта, что всегда
Со мно-о-о-о-о-й.
Моя Мама-Вера!
Мама-Любо-о-о-о-о-вь!

В колыбельных детства воскрес
Заве-е-е-е-ет.
Моя Мама-Лее-е-е-ето хранит её,
Мама-Зима-а-а-а-а.
Моя Мама-Надежда,
И Мама-Свее-е-е-е-т...
Матерь-Макошь
Моя-а-я-я.
Священная
Мама-М-а-а-а-а!

* * *

Какие,
Послушай,
Песни ракушки поют о штормах!
Взмах!
Ещё один взмах!
И я улечуууу!
На ветра-а-а-х!
Так
Я над волнами
Лет пятьдесят,
Как во снах,
Не летала!

* * *

Здравствуй,
Озеро-море моё!
Здравствуй!
Великое море!
Каждое утро колодец твой белый
Новое белое солнце рождает.
Гляжу на него,
Как через линзу времён,
Ведь не Каспий же, право,
Гордо стоит предо мной на коленях.
Это же я перед ним, синеоким,
Падаю ниц
Увядающим солнцем.
Съешь меня, море!
Мне жалко до боли
Брызг!
В кружево сверженных
Брызг!
Сбрось меня, море, с руки, как перчатку!
Скалам дуэль объявив,
Выстрели в сердце Земли!

Победи!
 И умри
 От тоски
 Без неё!
 Белым-белым
 Туманом воскресни!
 Песни,
 Чудесней которых нет в мире,
 Пропой!
 Шумом!
 Пальбой!
 И удар за ударом
 Волн
 Ослепительно-небывалых!
 Снова в песок
 Упади предо мной,
 Снова одень
 Меня в платье
 Из ветра,
 Самого белого
 Нежного
 Фетра,
 Самой высокой прозрачности волн,
 Самых упругих течений глубинных!
 Эту рубашку крестильную буду,
 Бликами вышитую тобой,
 Верно носить за собою повсюду.
 Платья прекраснее нет для поэта!
 Соткано это
 Из радуг
 И света.
 Милый, доверчивый Каспий мой.
 И для тебя я скупиться не стану.
 Самых изысканных слов жемчуга
 Бус я из щедрого сердца достану.
 Песней прославлю тебя на века!
 Ну а в рубашке пред Богом предстану.
 Тихо скажу: «Мне её подарил,
 Кто меня с детства берёт
 И любил!
 Мама моя меня морем крестила.
 Крёстный ты мне.
 Твоя крёстная сила,
 Точно знаменье,
 Навеки со мной».

* * *

Ты – математик.
 А я – поэтесса.
 Я оборону держу.
 А ты своё войско
 Всё время свиньёй выставляешь
 Напротив.

Вбиваешься клином
 Отсутствия всяческого интереса.
 В то, чем я дорожу.
 А я Unionoidea.
 Раковина-жемчужница,
 Да не простая,
 Тысячестворная!
 Кто-то мечет икру,
 А я – бисер,
 Всё по большей части
 Жемчуг
 Отборный!
 Белый-белый,
 Как свет
 Поутру!
 На моих жабрах
 Меж перламутровым
 И фарфоровым слоем –
 Миллионы личинок!

По всему миру их разбросаю!
 Они прикрепятся к рыбкам,
 Их жизнь продлевая
 Белком моей сказки.
 Ну как не метать мне мой бисер?!
 И перед тобою,
 Мой Бог???

Топчи его дальше.
 Ведь ты так устроил:
 Мы, раковины, мечем икру
 Большею частью
 Пред теми,
 Кто и не видит,
 Не ценит
 Даже одной жемчужины малой.
 Мы – род Unionoidea –
 Очень странных моллюсков.
 Миф?
 Нет.
 Реальность!
 О! Да!
 Мы – поэтессы –
 Лекарство от стресса.
 Думают люди, что мы ненадолго...
 Мы – навсегда!

* * *

Ладонью к Каспию
 Прикоснёшься,
 Забьётся рыбкой он
 В чешуе солнца.
 Вот так глаза твои,
 Где бы ты ни был,

Во мне лазоревым
Горят небом!
То не ветра ласково
Зовут солнце.
То сердце Каспием
В груди бьётся.

* * *

Море! Смотри – я ребёнком ушла!
Мама, смотри!
Я ребёнком вернулась!
Каспий мне платье
Своё подарил!
Мама, я снова могу
Поглядеть на тебя через эту рубашку,
Как через море,
Как через призму времён!
Вижу я жизнь прожитую
Сквозь линзы
Великих различий.
Снова твоё, моя мама,
Я созерцаю Величье,
Благоговев почтено,
Низко склоняю главу пред тобой!
Голос твоей колыбельной
Мне эхо вернуло.
Но только
На этот раз
Я не уснула
От песенки той,
А наяву осознала,
Как я
Ничтожно
Мала перед тобой.

* * *

Самая лучшая мама на свете!
Лети!
В лете!
В ромашковом поле!
Без зла и боли!
В счастье купайся!
И наслаждайся
Улыбками дочки!
Пусть солнышками
Ромашки
Тебе выстелют путь
Наисладчайшей доли!!!
И пусть твоя дочка, и дочка дочки,
И множество дочек их,
Как цветочки,
Радуют мир подзвёздный!

Бездонный!
С днём рождения
Твоего совершенства!
Моя Мадонна!!!

* * *

О! Вы!
Вечные скептики!
И политики!
Примите мой вызов!
Я – Свет!
Солнцеед!
И поэт!
Я – физик, сотканный сплошь
Из музыки и
Лирики!
Подкова солнца
Сияет мне
Через море,
Чуть наклонённая вправо,
В своём вращении
Посолонь –
Восходя вертикально
По движенью эклиптики.

Я больше скажу.
Я – Русалка – Жар-птица!
И светит мне не одна звезда,
А ВСЕ звёзды
Сумасшедшей галактики!
И то, что я не такая, как вы –
Практики! –
Не беда!
И знаете?
Когда-нибудь...

О! Да!
Я это вижу во времени!
Практики!
Да!
Вы сбросите маски!
Явив свои настоящие лица!
И всё золото мира
Тогда
На чаше весов
Перевесить не сможет
Пера из хвоста
Той Русалки –
Жар-птицы!

* * *

Мама, смотри!
Я могу

Удивляться!
Прыгать и петь!
Веселиться!
Смеяться!
И бесконечно на солнце смотреть!
Ну а хрустальные туфельки
Стали
Вдруг велики!
В воду я в них,
Ты прости,
Забегала.
И потерялись они.
Это не слёзы –
Восторги морские
Брызжут из глаз.
Принц?
Он ушёл.
Улетел в свою сказку.
Туфельки?
Нет,
Ни одной не нашёл.
Каспий их, видно,
С усердием
Спрятал.
Крёстный,
Ты знаешь его,
Он ревнивец.
Сказал:
– Или он,
Или – принц!

* * *

Ало
Небо сияло.
Мало
Света нам было.
Слава
Лила в бокалы!
Валом
Счастье валило!
Снова
Яд не допили –
Словно
Недомечтали.
Души
Недолюбили.
Слово
Не досказали!

Стали
Синими дали.
Стыло
грозы гремели.

Розы
В грязь опадали.
Ало
Щёки горели.
Луны
Злу услужили.
Пеплом
Сны догорали.
Солнце
В былях зарыли.
Стоном
Горы стонали!

Адом сердце болело.
Градом
Бури лупили.
Ало
Губы любили.
Миру
Не было дела.

Числа
В вечность уплыли.
Мыслью
Боль воссияла.
Смелость
Мы не забыли.
Бело
Вера спасала.

Небо
В снах трепетало,
В Боге
Смысл узнавая.
Ало
Жизнь начинала
Яру
Сказку сначала.

* * *

Белый рассвет
Белым цветком
Над землёй расцветает.
Бьётся волна.
Белая чайка над морем летает.
Белое облако в мареве призрачном тает.
Мне не до сна.
Белый песок
Белые ножки мои принимает.
Белые волосы снова небрежно встряхну.
Были они также белы в четыре.
Но потемнели,
Потом поседели,

Ведь в мире
Снова
Между землёю
И небом война.
Солнца дорожка,
Как меч Тамерлана,
Море пронзает стрелой.
Сердце пленится
Видением сна.
Белое небо –
Лишь отражение белого моря.
В мире покой.

В тёплых глубинах
Гигантской белугой
Каспия сердце стучит.
В белом чешуйчатом теле
Таинственной рыбы
Белую мудрость
Хранит.

Белое облако в мареве тает.
Белая чайка над морем летает.
Бьётся волна.
Белый рассвет
Белым цветом
Над землёй расцветает.
Мне не до сна.

* * *

Мама, с тобою бывало ль такое,
Чтобы на море,
Точно во сне,
Но в сознание нормальном,
Вне пониманья
Вошёл в тебя сон?
Чтобы от солнца
Спускались ступени,
Как от балкона – балкон?
Облако в облако бы уходило,
Ты бы прикованным взглядом следила,
Как круговая какая-то сила
Строит ступени из снега
И неги
На небе
Круглых мерцающих облаков?
И со ступеней
Ждала ты,
Как спустятся в волны
Ангелы
В море купаться,
Как в сон?
Чтобы ветра, соревнуясь,

По кругу
Возле той лестницы
Друг перед другом
Лили на мир
Тихий звон?
Ты бы под лестницей этой стояла,
Белое солнце чтоб быстро читало
Всё, что прошло до того.
Точно сканировав ленту былого,
Бог запускал твою душу
Для Новой
Высшей работы
Светло.
И обнулil твою память
Как будто.
Ты бы омылась
О синеву
Тёплого моря.
И в ветряной выси
Небо бы мило тебе улыбнулось.
Ты бы тотчас же от счастья проснулась,
Но не во сне,
Наяву.
Мама,
Скажи, сколько раз ты рождалась
Белым прекрасным китом?
Сколько судьба твоя обнулялась,
Сколько влюблялась
И огорчалась,
Перенасытившись сном?
Солнце меня пожалело,
Похоже,
Сняло как будто бы старую кожу.
К ней прилипали какие-то беды,
Мысли какие-то, не мои...
Сразу тотчас же меня придело
В новую кожу из звёздчатой бездны,
Будто бы я –
Ящерка, птичка,
Лягушка,
Змея
Или тритончик, зелёный, пузатый,
С крыльями муравья!
Может быть, даже я стала
Жар-птицей.
И не успела я удивиться,
Стёрло видения с неба
Движеньем
Жаркого дня.
Я проснулась.
Волны упали на грудь, точно сёстры,
Ту, обновлённую,
Новорождённую,

В новых одеждах, встречали меня,
 Жалуясь мне,
 Что они только волны,
 Нет у них тела –
 Вода лишь одна.
 И, разбиваясь в рыданиях,
 Слезы свои мне пытались
 Выбрызнуть прямо в глаза,
 Чтоб прониклось
 Сердце моё
 К их таинственной доле.
 Чтоб непременно
 Пролилась слеза.
 Шумно мне в уши они голосили,
 Ныли,
 Стенали,
 С собой уносили
 В море мой запах,
 Завидуя коже
 И волосам.
 Мама, с тобою бывало ль такое,
 Чтобы на море,
 Точно во сне,
 Но в сознание нормальном,
 Вне пониманья
 Или по снам
 Чьим-то
 Душа бы твоя прогулялась?
 В гости зашла?
 Чтобы легонько рукою махнула –
 Лебеди б сразу жеплыли к тебе,
 Ну а другой и стараться не надо –
 Солнце б таинственным коловратом
 Чтоб укатилось за тучи обратно,
 Морем шурша...
 Мама, с тобою бывало ль такое?
 Чтоб оживляло видения море?
 Пела бы сказкой душа?

* * *

Сны
 Первые
 О любви
 Принимала в подарок я.
 Но они уходили.
 Таяли.
 Потом на месяца,
 На года,
 Десятилетия...
 Меня покидали.
 И, как в награду,
 Снились снова они.
 Падали градом.

Предвестники
 Новой
 Прекрасной любви
 Всегда появлялись в видениях
 В виде моря.
 И я наслаждалась в волнах,
 Проходя через все огорченья,
 Потери и страх.
 Я бы могла выпить их
 С горя.
 Но нельзя выпить любовь,
 Как нельзя выпить море!

* * *

Мама! Я вижу цвет глаз твоих в море!
 Их синева исключительно редка,
 Как те сапфиры, что в вольном просторе
 Жгут глубиной самых ярких оттенков!

Мама, я видела, туча бурчала,
 Серую морось вокруг рассыпая.
 И на глаза твои тень набежала,
 Пряча сапфиры под серой вуалью.

Мама! Я вижу: лазурь голубая
 Небом из глаз твоих льёт оживлённо!
 Песни от этого петь, улетаю,
 Просится в небо душа окрылённо!

Мама! Я вижу в русалочьих волнах
 Водоросли зеленеют призывно.
 Как изумруды, глаза твои полны
 Токов бесценной игры непрерывной.

Мама! Чернее нет ночи, чем бархат
 Тёмных зрачков и ресниц твоих чёрных!
 Я заглянула в них в бурю без страха!
 Нет благородства того благородней!

Мама! Я вижу, как в солнечных бликах
 Солнце вкруг омута светит влюблённо!
 Вот и зрачков твоих омут сердитый
 Точно увенчан златою короной!

Мама! Я вижу, как солнце пустыни
 Белое море в себе отражает!
 Добрый тот свет этих глаз синих-синих
 Ангельским отблеском благословляет!

Мама, я вижу своё отраженье
 В зеркале моря очей твоих ясных,
 В дочке и внучке найдя утешенье,
 Как повторенье легенды прекрасной!

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

* * *

Тёплых волн Белизна,
Что тепло молока
Материнского,
Тянет к себе,
Как магнитом.
Можно просто стоять и вдыхать облака,
Феромонами в нежном пространстве
разлитом.
Бриллиантной россыпью блики в волнах
Скатерть моря божественно вышили снова.
А на скатерти – солнце, как сон в зеркалах,
Отражается светом стиха золотого.
Белым барсом свернётся седая волна
Возле берега, где моё детство воскресло.
Я пою колыбельную.
Пусть Белизна
Насладится мелодией маминой песни.

* * *

Добрых снов тебе, море моё.
Никогда
Я столь сладких мгновений не знала услады,
чем тогда,
Когда
Тихо ночная звезда
На волнах расцветала
Как будто бы рядом.

Смело в волны входя,
Я листала все дни
Своей жизни стремительной,
Как Книгу Судеб,
В той,
Где люди оставили беды свои,
Среди праздников
И
Утомительных буден.

Ведь из книги теперь невозможно убрать
Ни проигранных дней,
Ни смятений суровых.
Буду, море, тебе
Это на ночь читать,
Точно странный роман своей жизни бедовой.

В том романе гостили враги
И друзья.
И стремились вписать наставления,
Споря.

Я бы что-то и вычеркнула,
Да нельзя,
Как не вычеркнуть разных течений из моря.

* * *

Шаль накинув,
С кистями из пены морской,
Волны,
Съёжившись,
Как-то тревожно и зыбко,
Рыбку сбросили с плеч на горячий песок.
Любопытную,
Мелкую,
Глупую рыбку.

Видно, в стае совсем зарвалась егоза
И забыла,
Что крыльев-то нет
Для азарта.
Задыхается в пене.
Таращит глаза
И не знает,
Как в море вернуться обратно.
Чешуёю сверкая,
Аж больно смотреть,
Изливается вся серебристым отливом.
Но пойми же,
Ведь то не свобода!
А смерть!
Вот и чайки кружатся над новой поживой.

Вон уж мошки присели
И ждут
Не шутя,
Чтобы жабры дышать прекратили попытки.
Ты не бойся,
Я выпущу в море тебя,
Ты плыви,
Только глубже плыви,
Моя рыбка!
Средь людей
Даже мне
Не сдержать свою грусть.
И в волнах,
Не тревожась, убиться о камни,
Я с тобой поплыву.
И конечно, вернусь.
Я ещё не закончила песню
Для мамы!
Шаль накинув на плечи из пены морской,
Выйду снова на берег.
Как сложно и просто
Не русалкою быть,

И не рыбкой с хвостом –
Человеком,
Мечтающим вырваться к звёздам!

* * *

Воздаётся пред небом по подвигу нам.
Я наивной, как рыбка, была.
Я не знала,
Что всю жизнь мудреца я искала
Не там,
Не у тех я о тайнах святых вопрошала.
Мама,
Глупую дочь не ругай

И прости,
Ведь она за детей
И за внуков
В ответе,
Лишь сейчас поняла,
Что мудрец – это ты,
Самый мудрый из всех мудрецов на планете!
Те вопросы я,
Мама,
Тебе принесла,
Не успела задать их в безоблачном детстве,
Когда вечность в спиральных ракушек цвела,
В бархат ночи вдохнув колыбельные песни.

КНИГА ГОДА – 2020

Роман «Балканы» на русском языке принёс автору Светлане Васильевне Савицкой Литературную премию от Союза писателей России им. М. А. Шолохова.

Союз писателей и историков Центральной Азии «Янги Овоз» наградил автора романа «Балканы» и группу переводчиков на турецкий язык романа «Балканы» медалью «Туран Биримдиги» («Настоящий писатель»). Предлагаем читателям небольшой отрывок из романа «Балканы», переведённого на турецкий, болгарский, арабский языки.

БАЛКАНЫ

Отрывки из романа

Глава 1. ЭСКИ ЗАГРА

Увидишь ребёнка, погладь по голове, вдруг твой!
Увидишь пожилого человека, поздоровайся, вдруг твой отец!

Болгарская поговорка

Напитавшись за ночь соком земли, коряжистые высоченные акации в вечном противоборстве камней и деревьев с магически-тихим треском поднимали корнями вековые мраморные плиты старой римской дороги. Ночная прохлада сдавала позиции кустик за кустиком, деревце за деревцем. Эски Загра просыпалась с пением петухов, мычанием коров да звонкими окриками пастухов. Щебечущее ласточками солнце явило сияние своё из-за гор, добавляя новый аккорд к рассветному хоралу. Долину опалило белым жаром нового дня.

Расстелив пред собою коврик, старый Бекур привычно устроился в ожидании азана.

Белёные каменные дома, крытые красной черепицею, отворяли окна. Потянулись дымки душистого табака турецких трубок и свежезаваренного кофе. Пространство огласила молитва муэдзина с самого высокого в городе минарета:

– Оуа Аййййлла!!

Ей вторили стройные красивые голоса с минаретов пониже ещё пятнадцать таких же мусульманских мечетей – пусть неверные помнят, кто последние пятьсот лет является хозяином на Балканской земле. Пять раз в день помнят! Органное многоголосье навязчиво множилось эхом гор и разливалось по улицам, проникая лучевыми вибропосылами с высоты стройных минаретов сквозь высокие кирпичные заборы и толстые стены особняков от чердаков до подвалов двадцатипяти тысячного града.

Еле слышно, точно украдкой, задрезжали колокольчики массивных тяжёлых входных дверей четырёх православных храмов, оглашая выходной день – воскресенье. Колокольный звон был строго запрещён. Проснулись и две синагоги.

За пятьсот лет город, казалось, привык к этой ежедневной процедуре. Турецкие дома мало чем отличались от домов болгарских. Они составляли добрую половину поселения. Обычно двух-, реже трехэтажный дом с чердаками и подвалами охранялся высоким каменным забором, увитый плющом и виноградом. В каждом дворе – свой колодец. Цветники. Крытые сарайки для домашней живности.

Служители мечетей муэдзины пели по-разному. Бекур мог различить и высокий точный голос слепого Мухамеда, которого из бедной семьи отдали на эту службу в поисках заработка. И кривого старика Садыка – как его ещё держат на высокой должности с таким расшатанным голосом? И проникновенного Ибрагима, забирающегося низкими густыми нотами до самых потрохов!

– Хорошо, когда муэдзин слеп, – вздохнул Бекур, – не надо видеть с минарета женщин в чужих гаремах!

– Мерхаба (приветствую тебя), Бекур Бей (Уважаемый)! – мягко подошёл Джемал, слегка запыхавшийся после крутого подъёма. – Высоко ты забрался, прямо как муэдзин!

– Во время нида правоверные молчат! – буркнул старый внуку, но тем не менее поприветствовал: – Мерхаба, агабей, внемли азану, обретёшь истину...

Внук привычно ловко отвязал от пояса коврик, устроился рядом с дедом.

Джемал часто навещал старца. Его привлекал аскетический дом мудрого антиквара, построенный на римских развалинах. Здесь никогда не услышишь женских сплетен и возни, так как дед не держал гарема. Дети выросли. А жёны давно умерли. Со всей округи люди везли сюда остатки уникальных творений древних цивилизаций, расцветших и угасших на Балканах. И дед, предлагая их в обмен или на продажу знатокам и коллекционерам Парижа, Мадрида или Брюсселя, мог рассказывать о каждом невзрачном на первый взгляд пустяке просто часами! А ещё дед знал хорошо медицину. Ему были подвластны секреты лечебных снадобий.

Бекур напускал на себя строгий вид напрасно. Юношеское горячее сердце Джемала всё равно чувствовало кровную любовь. И пытливый ум тянулся к знаниям. Но ещё больше нравилась внуку иллюзия полной свободы. Глядя сверху на всю Эски Загру (Стару Загору), он как-то особенно восторженно радовался, что открываются лавки горшечников, кожевников и кузнецов, что погонщики мулов по домам развозят колотый лёд для холодильников и крестьяне заполняют дороги к рынку, неся в корзинах яйца и птицу, пирожки и зелень...

А ещё, если честнее сказать, среди множества домов он любил наблюдать за тем единственным, по двору которого бегала с сёстрами и братьями неуёмная Живка. За воротами дома она не одевала белого платка. И косы светились на солнышке, как золотые.

Когда молитва закончилась, дед пригласил Джемала жестом в библиотеку. Балконы, увитые виноградом, приятно проветривал горный воздух. Книги и свитки казались живыми, неуловимо шелестящими на лёгком ветерке. Раб Данчо, давно ставший для старого турка другом и собеседником, подал к завтраку с поклоном лепёшки и мёд.

– Читай урок, – повелительно приказал или предложил дед, отпустив жестом Данчо и не опускаясь на подушки.

– Моя Эски, О! Эски Загра!
Ты красива, светла! Зелена!
Хороша, как Стамбул и Итака,
Воспою твою прелесть сполна... –

продекламировал внук выполненное домашнее задание.

– Неплохо, – скупно кивнул старик.

– Неплохо – это не очень хорошо или...? Чего-то не хватает?

– Это пока не поэзия. Это просто стихи, точнее, зарифмованные слова, дорогой Джемал.

– В чём разница? – обиделся паренёк.

– Ты видишь только колдеримче (такие цветы) и не чувствуешь земли, из которой они растут.

Смысл поэзии, дружочек, в высоте и глубине. А не только в возвышенности стиля.

– А как надо?

– Как? Учи Алишера Навои! Он живёт в поэзии. Он плывёт в ней. Он становится тобою!

Весна мне – преисподний ад, когда ты не со мной:
Цвет красных роз огнём объят, цвет белых – ледяной.
С тобою врозь весна – что ад, и станет адом рай:
Ведь без тебя и райский сад не расцветёт весной.

– Я знаю Навои! – буркнул обиженно Джемал.

– Как? Как можно говорить, что ты знаешь Навои? Ты лишь знаешь слова его, облечённые в бумагу! – погорячился Бекур, но тут же, как бы извиняясь за вспыльчивость, проникновенно улыбнулся и вдруг предложил: – Хорошо, читай Навои.

– Из твоих медвяных уст горька любая речь:
Не говори, что наг-раздет несчастный Навои:
И в холод одеянья бед его хранят и в зной.
Несёт нам вести небосклон, что шах уж на коне,
Секирою вооружён – недельною луной, –

продолжил внук и добавил:

– Не понимаю, зачем писать то, что непонятно!? Стихи должны быть выше человеческого, грубого, но и понятны. Так?

– Стихи могут быть и грубы, но народ должен узнавать лицо поэта и лицо его нации. И своё лицо в лице поэта! – многозначительно произнёс антиквар. – Предлагаю далее продолжить урок за чашечкой кофе. – Он звякнул колокольчиком:

– Данчо! Кофе! И рахат-лукум. Сладкое полезно для умственного труда.

– Уважаемый Бекур, прости меня за мои стихи, я старался.

– Я вижу. Я скажу твоему отцу Рашиду и матушке Жугмур, что ты делаешь успехи.

– Спасибо, уважаемый Бекур!

Данчо, мягко ступая, поставил на небольшом столике сладкое, две крошечные чашечки из тончайшего китайского фарфора. Сквозь стенки проглядывали прозрачные, точно стеклянные, рисовые зернышки:

– Извольте!..

Мусуми Гхош

(Калькутта, Индия)

Литературный перевод с бенгали на русский язык С. В. Савицкой

Алишер Навои – певец Средней Азии

О Алишер Навои!

Твоя мысль жива!

Жива в этот час, когда мир

От вируса чуть не угас!

Тот вирус идёт по Земле

И рушит времени ток.

И вновь человек человеку –

Волк!

И вновь человек человеку – враг!

Гнев Божий сошёл к нам во мрак.

Но было не так!

И будет не так!

Перевоплотятся стихи твои –

В такт

Нашим сердцам.

Там,

Где ты, Навои, нас учил

И будешь учить нас

Тысячу лет,

О том, что есть Свет!

И что есть Любовь!

И что есть Бог!

И твой аскетизм

И мудрость глубинная древних веков

Позволит нам всем обрести

Равновесие

И

Покой.

И гений будет осыпан дождём,

И ненависть злая уйдёт

Вон!
И нас спасёт
Не бетон,
Не сила провайдеров и интернет-проводов...
И не сила обмана.
Нет!
Нас спасёт не шприц и не сталь...
Нас спасёт...

Соловей,
Тончайший и тихий,
Он громом
Небесным
Нам пропоёт
Стихи Навои –
Гения Узбекистана!

Май Ван Фан

(Ханой, Вьетнам)

Ветер, носящий имя Алишер Навои

Перевод С. Анисимовой

Ворвался свежий ветер из простора
открытых прерий, песен, разговоров,
Окрашенный душою зазеркалья
поэта Алишера Навои.
И откатился по Земле Вьетнама
До моря тёплого, вкушая пламя.

О! Алишер Навои, это имя
Ни пчёлы тут, ни птицы не забыли!
Деревья, и плоды, и люди помнят,
Здесь всякий, как сосуд, тобой наполнен!

Любовь и память множилась веками
В криветке, и в волне под облаками,
И в рисовых полях, и в комьях хлопка,
Тобой расширились горизонты.

О! Дай огня мне, Алишер Навои,
Свет из пространства, что поэты звали!
Душа твоя навек с душой Вьетнама
В поэзии дождя, цветов и храмов!

Ха Ной, 4/01/2020. М. В. Ф.

Светлана Дион

*Поэт, прозаик. Основатель Международной Ассоциации Граждан
Искусства – МАГИ (Мадрид, Испания).*

Посланник из будущего

(Посвящается Алишеру Навои)

Со дня рождения Вселенной
За Свет и Тьму идут бои...
Среди людей рукой нетленной
Внёс лепту гений Навои:
Щепоткой вечного сиянья
Строки поэмы о богах
И кистью живописца тайной
В его магических руках.

05.01.21

Атанас Ванчев де Траси

Народный поэт Франции (1940–2020, Париж, Франция).

Посвящение Алишеру Навои

Перевод С. В. Савицкой

Средь философии святыни
Рассей сомнения мои,
Ведь мы живём с тобой, друг милый,
От Навои до Навои...
Я говорю со старой вазой,
Все поколения опять
В её лице собирая разом,
учусь любить и уважать.
Венецианских лабиринтов
В лазури вазы заточён –
Благоуханьем гиацинтов
Блаженным днём волшебный сон!
Простите, рыбки золотые,
Вы для меня – немой ответ –
Пропитанные кровью стылой,
Знамёна боли и побед!!
Сукно, что чувствует волнение
Благоуханного дождя,
Певучих листьев натяженье,
Простых, как на платке дитя.
Такая странная весёлость
Насытиться стихами вдруг,
В начале и в конце их голос
Шептал среди цветов и мук!
Сопrotивляясь миру рынка,

Летит поэта существо,
Душа стремится к Богу в крике
Средь одиночество своё.
Поэзия моя, ты стала
Обетованным раем грёз.
Не надо путешествий дальних.
Я счастлив лишь с тобой до слёз.
Мне ирисы шептали дружно
На ушко главный свой секрет:
Как много поколений нужно,
Чтоб родился один поэт!
Как лепестки прекрасной вишни,
Поэма распустилась вновь,
Ведь нежностью из сердца вышли
И боль, и слёзы, и любовь.
Дозрели зёрна песен милых.
Поэзию вдохнуть спеши,
Что подтвердит небесной силой
Нам воскрешение души!
Средь философии святыни
Рассей сомнения свои,
Ведь мы живём с тобой, друг милый,
От Навои до Навои!

Людмила Менаже

(Париж, Франция)

В дорогу с Навои

Все перед смертью равны:
Богач, бедняк и раб.
Судьбе должны быть мы верны,
Силён ты или слаб.

Ты знаешь, как жесток наш мир,
Но не кляни свой путь,
А если ты попал на пир,
Страдальцев не забудь.

Да, был разбойным и шальным,
Теперь же я пророк!
Не причиняй же боль родным,
Усвой ты мой урок...

Я был когда-то тоже млад,
Отважным, честным слыл,
За родину и жизнь был рад
Отдать. Я верой жил!

Я не был баловнем судьбы,
И в этом вся беда,
Но гордые уста мольбы
Не знали никогда.

Отчизну нашу славную
В скитаньях не забудь,
Оберегай мечту свою,
Что осветит твой путь.

Сынок, внемли словам моим,
Уважь ты старика.
И оставайся молодым,
Душа жива пока...

15.04.2003

Ирина Анастасиади

Президент Международного Фестиваля «9 муз» в Греции (остров Тинос, Греция).

О мудрости

Кто изучил науки, а к делу их не применил, словно тот, кто арык прорыл,
а поле не засеял, или засеял, да урожаем не воспользовался.

Учёный, мудростью цветы, живя своей наукой,
Пусть доля, данная Творцом, тебе не будет мукой.
Имея долю, не мешай идущему к познаниям,
Не ставь ему преград, а поощрай стремление быть с наукой.

АЛИШЕР НАВОИ

Внимайте, избранные! Вникните!
Служите мудрости, мысля верно и судя!
Подчиняйтесь законам Вселенной
И следуйте воле её!
Которая молнией снисходит на нас.

Главное, примите мудрость
И дайте ей применение, дабы уже завтра
смогли отчитаться за жизнь свою
и за всё, что сделали для человечества.

Прекрасна мудрость и верно признаётся
божественной
теми, кто жаждет её и полон любви к ней.
Достаточно лишь увидеть её как образ.
Ведь те, кто старается, найдут коридоры
мудрости.

И чем больше станет мудрецов,
Тем быстрее наступит спасение мира сего.
Делись Знанием своим с теми, кто жаждет его.
И не откладывай!

Анна Барсегян

Анна Барсегян также печатается под псевдонимом – Анна Барсова (Ереван, Армения).

Слово поэта – алмаз

* * *

Слова поэта
зарождаются в его душе,
расцветают в стихах,
как цветы,
а потом эти стихи
летят в мир,
как птицы...

* * *

Поэт сотворён из праха,
из четырёх земных стихий,
и хоть смертно тело его,
бессмертно слово!

* * *

Поэт мир повидал,
и ветер странствий
пел ему песню о том,
чем белый свет живёт...

* * *

«Фархад и Ширин»,
«Лейла и Меджнун» –
герои поэм
о бессмертной любви,

которую рассказал Навои.
Свет этой любви
не гаснет в веках
и освещает мир!

Юсуф Аслан

Поэт (Адана, Турция).

В честь учителя Алишера Навои

Перевод С. В. Савицкой

За храмом, синагогой и мечетью
Мир восхваляет Азии умельца
На день пятьсотвосемидесятилетия,
О Алишер! Великий мастер сердца!
Срок жизни – шестьдесят, но для потомков,
Являя философии основы,
Ты символ тайной мудрости Востока,
О Алишер! Великий мастер слова!
Афганское сообщество в Герате,
Где ты родился, стало интересно
Для всей планеты, разуму понятной!
О! Алишер! Великий мастер песни!

Афганская земля тебя вскормила,
Но ты бессмертным стал в широком смысле.
Ведь жизнь твоя народы покорила.
О Алишер! Великий мастер мысли!
В культуре и искусстве – гений,
И, прославляя своего кумира,
Отпразднует Земля твоё рожденье!
О Алишер! Великий мастер мира!

Вера Болдычева

*Президент культурного фонда «Моя Москва». Главный редактор изданий:
«Моя Москва», «Мир женщин», «Люди нашего тысячелетия».*

ВЕЛИКИЙ ГЕНИЙ НАВОИ –
Бог поэтической вершины!
Своим нас словом напои
Тем, что идёт из сердцевины.
Укрой нас мудростью своей
И дай спастись в раю среди ада.
И помоги нам стать добрей,
А больше – ничего не надо.

* * *

Мы все проходим испытанья,
И опыт не бывает лишним.
Нас на просторах мирозданья
Господь испытывает жизнью.

* * *

Круговорот вод и огня
За годом год и век от века.
И прячется Бог в человека,
Спасаясь от небытия.

* * *

Судьбу свою никто не знает,
Но зря боится перемен:
Если Бог что-то забирает,
Всегда даёт что-то взамен.

* * *

В победе скрыто поражение,
В разлуке – тайна притяженья,
В рассвете – отголоски тьмы,
А в Боге прячемся все мы.

* * *

Ум очевидное приемлет,
Но поражают чудеса:
Уходим мы телами в землю,
А душами – на небеса.

* * *

Бывает, часто мы не слышим
Слова, в которых много фальши.
Иных надо узнать поближе,
Чтобы потом послать подальше.

* * *

Есть в жизни ценная валюта,
Она надёжна и тверда:
Года – приходят ниоткуда
И остаются навсегда.

* * *

Не понимаем мы порой,
Что смысла нет зло ненавидеть.
Чтоб обходить зло стороной,
Его сначала надо видеть.

* * *

Начало всех наших начал –
Мы сами путь свой проложили.
Бог жизнь короткую нам дал,
Чтобы поменьше мы грешили.

* * *

У жизни мы наперечёт,
Она в сложении практична.
А смерть ведёт иной учёт –
Ей вычитание привычно.

* * *

Есть многомерности закон,
Что отвергаем мы беспечно:
Смерть – это просто долгий сон,
Что снится нам о жизни вечной.

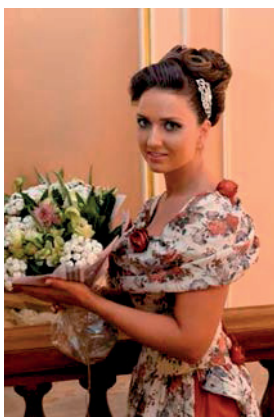
* * *

Хоть на край света убегай,
Смерть своё время не отсрочит.
И все попасть мечтают в рай,
Но умирать никто не хочет.

* * *

Жизнь ведёт неустанный учёт
И часы всем живущим заводит.
Люди думают: время идёт,
Время думает: люди уходят.

Василина Нарышкина

Княжна из рода Нарышкиных (Осичко, Чехия).

Великая Кровь

Великая кровь древних суфиев
Умам благороднейшим снится,
И в каждой прекрасной девице
Та мудрость по жилам струится.
В тебе, и во мне, и в деревьях
Бурлит она юностью ветра,
Напитком энергий согрета
Философа и поэта.
Принцесс заставляет невольно
Достойными быть этой песни,
Которая вновь в поколениях
Времён и народов воскреснет.

Татьяна Домбровская

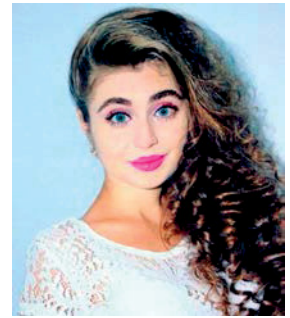
(Варшава, Польша)

Майский снег

«Султан поэтов», дух народа творил красоты у судьбы,
Глубокий был господь историй, литературы прежних дней.
Писал газели и поэмы, китъи и фарды – всё быстрее.
Его считали, без сомнений, творцом неведомых морей.

В почёте правил у народа, ведь он всего достиг один.
Тем самым доказал красотам, что он сильнейший господин.
Всем известно было раньше, предсказуемо навек,
Навои мыслил очень грубо и был холодненький, как снег.

Навсегда угаснет свечка и умолкнет звонкий даф,
Все победы, поражения унесутся в тихий рай.
Он оставил на столетья всё, что молвил родной край.
Там обрёл свободу мнений и влюбился в скромный май.

Марко Долаш

Заслуженный бард Республики Сербия (Белград, Сербия).

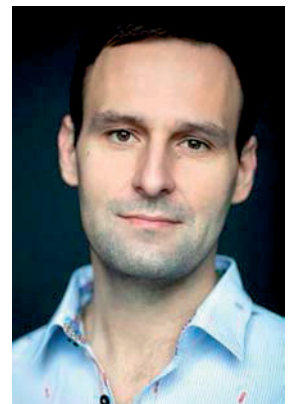
Алишеру Навои

Небо пело доблестному старцу
В миг, когда читали Алишера,
Утолить подспудные желанья
Удавалось дивной ноосфере.

И моя душа питалась этим,
И, ища дороги, в упоенье
Наслаждалась, защищаясь пенем,
От бессонниц неба вдохновенных.

Мысль твоя легко ко мне спускалась,
Мудрость проникала через время
И текла потоками хрустально,
Становилась морем тёмно-серым.

Бог тебя представил человеком
На планете. Но в веках оставлен
Мудрости великий смысл до веку:
Мы владеем тем лишь, что отдали!

Хасан Гаюбов

Хасан Холмирзаевич Гаюбов – поэт-переводчик, автор более двадцати книг (Турсунзаде, Таджикистан).

Беседа с образом Навои

Дивное лицо увидел
И обжёг кусочек сердца
Искрами сквозь мрак.
Навои, ты видишь это,
Как душа в огне сгорела,
И с тех пор горит – не гаснет.
Как очаг!
Моя светлая надежда –
Взглядом лишь лица коснуться,
Безнадёжная надежда
В глубине.

Ты, Создатель, это видишь!
Я б хотел быть с нею вместе.
Рядом.
Не во сне.
В Судный день меня б спросили:
– Есть ли смысл у этой жизни?
Цели ты достиг?
Я б заплакал.
Я б ответил:
– Среди всех чудес на Свете
Только Свет от взглядов этих.
Только этот лик!

Людмила Крыжановская

(Херсон, Украина)

Талисман поэзии Алишера Навои

Днепр, какой ты красивый, отец мой!
Когда стою на соколиной круче,
Глубокий взгляд между плавневых ресниц
Мне в душу льёт красоту ослепительную.
Любуюсь утром на своеволие волн,
Что голубеют глазками ребёнка,
Между ив я пью вдохновение, творческую боль
Поэзии – в полной мере, до капли.
Зашептали вдруг камыши
Легенды красивые о любви и ласке:
Стихами Алишера Навои
Мне рассказывают восточную сказку...
И в небо взлетела пламенная птица,
Что на рассветных крыльях радость носит,
А ветер спутывает в камышах
Русалочки зелёно-пышные косы.
Сплелись в горячие ковры
Отражённый пламень сияния золотого

И страсти душистой темноты
В пении соловья молодого.
Окрасились (расцвели) тюльпанные тропы,
А гиацинты – из садов эдемских.
Смотрю: загарцевал розовый конь
Под ивами, будто с гор армянских.
Сама Ширин, роза на коне,
Прекрасная улыбается Фархаду.
И засиял (запламенел) мир в их огне
Любви и духовного утешения.
Расплавленный Днепр пылал.
Дар Навои в сердце пламенный,
Как солнечная лилия, расцветал
В божественном Любви океане.
О Навои! Тебе – моя хвала!
Твой талисман поэзии поёт
На Украине милой, поэтому я знаю:
Десница Бога твой калам вела.

*Армен – родина Ширин.

Калям, или калам (араб. قلم) – основной инструмент, который используется для каллиграфии в арабской письменности и основанных на ней других письменностях: персидской, урду, дари, пушту и других. Калямом является тростниковый стержень с заостренным концом, который погружается в чернила.

Вера Хамидуллина

Поэт, переводчик, издатель. Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан.

* * *

О, восточной поэзии светлые дни!
В них правителем был Алишер Навои.
Налегке, в одиночестве путь проторил он,
Для потомков слагая поэмы свои.

* * *

Алишер Навои был мудрец и поэт.
Потому до сих пор той поэзии свет
Озаряет и души людей окрыляет,
И цитаты сквозь годы звучат как завет.

* * *

Великую безумную любовь
Поэты воспевают вновь и вновь –
След в след от Алишера Навои
Ведут Лейли с Меджнуном за собой.

* * *

Река исток берёт, я знаю, из родников.
А в родниках вода живая льёт сто веков.
Исток живой воды в поэзии Навои.
Душа народа не черствеет – исток таков!

* * *

Летит поэзия над миром, как мира свет.
А мир наш надвое расколот – в нём мира нет.
Но голубь коршуну добычей не станет, нет.
И солнца луч разгонит тучи, чтоб видеть свет.

* * *

Мир Навои струит поэзией живой,
Струящейся из-под пера водой,
Чтоб мог любой испить и насладиться,
И остудиться, и набрать с собой.

Олег Воловик

Олег Воловик – президент, председатель Правления международной федерации русскоязычных писателей (Венгрия, Будапешт).

Основоположник современного узбекского языка

Исполнилось 580 лет со дня рождения Алишера Навои – величайшего среднеазиатского писателя, поэта, лингвиста и художника, одного из крупнейших представителей чагатайской литературы, считающегося отцом литературного узбекского языка.

Алишер Навои родился 9 февраля 1441 года в Герате, на севере Афганистана, находящегося при его жизни под властью Империи Тимуридов.

Его родители были состоятельными высокопоставленными людьми, и Алишер имел возможность посещать школу, где подружился с Хусейном Байкаром, учился в Мешхеде и Самарканде, но как только его школьный друг стал султаном, он вернулся в Герат, чтобы находиться на службе со своим давним одноклассником до конца своей жизни.

Государственный деятель Алишер Навои, сокурник и великий визирь султана Байкара Хусейна Хаджина, был создателем придворной жизни, сосредоточившейся на культурной жизни Центральной Азии, учёным-философом. А также лингвистом, выступавшим против схоластов Средневековья, окончательным «полировщиком» чагатайско-турецкого языка, заменившего на своей

родине официальный новоперсидский язык сельджукской аристократии, до сих пор используемый под влиянием Арабского халифата.

Поэт, родившийся в Герате, отказался от прежнего литературного языка и сделал турецкий язык пригодным для выражения сложных метафор и точных понятий.

Его творчество демонстрирует приверженность традициям, уникальным для учёных и писателей арабского и турецкого мира. Большинство его работ – это не обработка самостоятельных тем, а индивидуальное переосмысление событий, фигур, образов-метафор прошлого. Как писатель он совершил революцию в турецкоязычной литературе.

Алишер Навои считал, что турецкий язык был более подходящим (превосходящим), чем персидский, по крайней мере, с поэтической точки зрения, потому что турецкий язык имел больший и более точный словарный запас. На чагатайском языке за тридцать лет составлено 30 работ, благодаря которым он превратился в престижный и уважаемый литературный язык. Однако изредка он писал также на персидском и арабском языках.

Его самые известные стихотворения находятся в его четырёх так называемых диванах, которые содержат в общей сложности 50 тысяч стихов, из которых каждый диван связан с определённым этапом его жизни. В других своих произведениях он призывал писателей работать не только на персидском и арабском языках, но и на чагатане, а также создал издание биографий более 450 писателей и поэтов своего времени, что считается настоящей «золотой жилой», дающей представление о культуре Тимуридов. Свою последнюю работу, представляющую собой сравнение турецкого и персидского языков, он завершил в 1499 году.

Советские и узбекские источники считают Алишера Навои этническим узбеком, внёсшим значительный вклад в развитие узбекского языка. В начале XX века советская языковая политика переименовала чагатайский язык в «старый узбекский».

Алишер Навои жил подвижнической жизнью и умер 3 января 1501 года. Похоронен в Герате.

Фрагмент поэмы Алишера Навои

ФАРХАД И ШИРИН

Ширин пишет Фархаду:

О, если бы судьба, чьё ремесло –
Творить насилье, сеять в мире зло,
Моей горячей тронута мольбой,
Не разлучила бы меня с тобой!
Была б тебе я спутница и друг,
Всегда бы услаждала твой досуг;
Как солнце, озаряла бы твой день,
Была бы ночью при тебе, как тень;
Ты б ногу занозил колючкой злой, –
Ресничкой извлекла бы, как иглой.

Русский мир без границ

Берега Лондона, Парижа, России

Президенту Российской Федерации
В. В. Путину

Открытое письмо о незаконных претензиях со стороны части потомков Российского Императорского Дома М. В. Романовой и её сына Г. Прусского

Уважаемый Владимир Владимирович!

От имени многих ревнителей Истории России, а также и потомков исторических родов России мы обращаемся к Вам, не имея более возможности молчаливо наблюдать за фальсификацией истории нашей страны.

20 января 2021 года на сайте так называемого «Российского Императорского Дома» появилась новость о предстоящем бракосочетании так себя называемого «великого князя Георгия Михайловича» и некоей «потомственной дворянки» госпожи Ребекки Беттарини. Всему миру будущая свадьба представлена как «событие века», которого Россия не видела уже более чем сотню лет.

При этом предстоящее событие цинично сравнивается с бракосочетанием последнего Российского Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Феодоровны, Святых Царственных Страстотерпцев, которое состоялось в 1894 году.

Больно видеть, как на наших глазах вновь происходит попытка узаконить права потомков Кирилловской ветви рода Романовых на престол – права, которыми они в действительности не обладают и не могут обладать.

Вот уже 30 лет различные сторонники так называемого «Российского Императорского Дома» пытаются получить для Марии Владимировны и Георгия Прусского особый статус от государства, беззастенчиво фальсифицируя и историю Императорского Дома, и саму историю России.

Мы решительно заявляем, что не признаём никаких особых прав за Марией Владимировной и её сыном принцем Георгием Прусским, который по всем династическим законам принадлежит не к Российскому Императорскому, а к Прусскому Королевскому Дому.

Прадед Георгия Прусского, Великий князь Кирилл Владимирович вследствие неразрешённого Императором брака на разведённой кузине был лишён Императором Николаем II прав на престол.

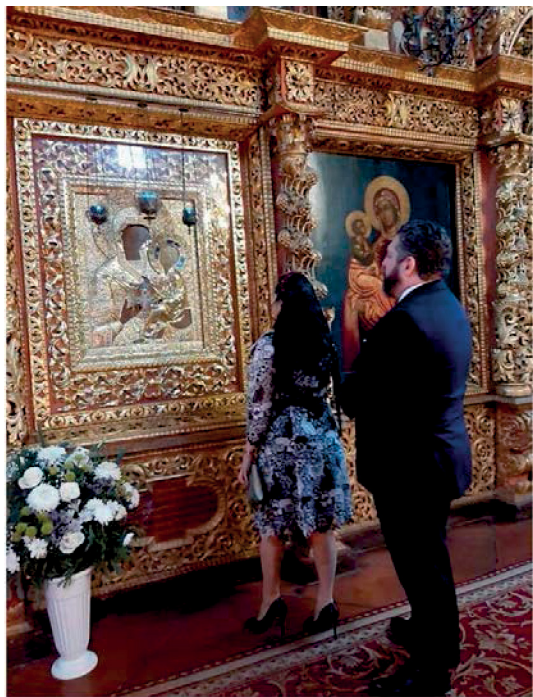
Сам Кирилл Владимирович de facto отказался от своих прав в дни февральской революции, когда 1 марта 1917 года (до отречения от престола Николая II) привёл в Думу Гвардейский экипаж и присягнул на верность революционным властям.

Прабабушка Георгия, Великая княгиня Виктория Феодоровна была почётной гостьей на партийных съездах НСДАП, где фотографировалась с Гитлером, а её сын, дед Георгия, Владимир Кириллович, после начала войны в июне 1941 года открыто поддержал нацистскую Германию, в специальном обращении призвав русскую эмиграцию сплотиться под её знамёнами.

После войны, опасаясь возмездия, Владимир Кириллович попытался укрыться в Лихтенштейне, но местные власти не пустили его. Тогда он переехал в Испанию, под защиту Франко, где и обосновался.

В 1948 году Владимир Кириллович тайно женился на разведённой миссис Кёрби, урождённой княжне Леониде Георгиевне Багратион-Мухранской, заключив морганатический брак, который по законам Российской Империи не давал никаких прав на престол его потомству.

Дочь от этого брака, Мария Владимировна, вышла замуж за принца Франца Вильгельма Прусского, прямого потомка германского императора Вильгельма II, который, как известно, объявил войну России в 1914 году.

Отец Франца Вильгельма, то есть родной дед Георгия, принц Карл Франц Прусский, в годы Второй мировой войны служил лейтенантом в броневом дивизионе нацистского Вермахта. За военные отличия на польском фронте он был награждён Железным крестом.

Владимир Кириллович самочинно пожаловал своему зятю титул Великого князя, а сам Франц Вильгельм перешёл до брака в православие, став «Михаилом Павловичем». Брак закончился разводом в 1985 году, и «Михаил Павлович» вернулся обратно в лютеранство. От этого брака родился сын Георгий, который по всем законам принадлежит к Прусскому Королевскому Дому. Однако в 1992 г. по ходатайству российского посла в Париже Ю. А. Рыжкова, не разобравшегося в ситуации, Георгий получил российский паспорт с фамилией «Романов», в то время как по немецким и французским документам его фамилия значится как Прусский.

Не найдя якобы «равную» своему статусу невесту, принц Георгий Прусский решил жениться на гражданке Италии Ребекке Беттарини, которая неожиданно сделалась «потомственной дворянкой» и, приняв православие в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, стала именоваться Викторией Романовной.

Фальшивое «дворянство» Беттарини было создано самой Марией Владимировной, не имеющей никакого права это делать. Она, кстати, активно, но совершенно незаконно раздаёт ордена, медали и даже титулы Российской Империи. В то время как в современной Российской Федерации официально восстановлены многие ордена и награды Российской Империи, точно такие же по внешнему виду и наименованию ордена раздаёт своим сторонникам от имени «Императорского Дома» обычное гражданское лицо, а никак не представитель государства! Как же не назвать их фальшивыми?

Мария Владимировна «наградила» итальянского дипломата Роберто Беттарини орденом Святой Анны I степени, благодаря чему его дочь оказалась «потомственной дворянкой Российской Империи»!

Вся эта история – история Кирилловской ветви Романовых и их потомков в XX веке – представляет собой череду предательств, лжи, обмана, афер и подлогов. И сейчас очередной подлог пытаются преподнести народу под видом «Императорского Дома» и «императорской свадьбы».

Более того, уже объявлено, что венчание Георгия Прусского и его невесты должно пройти в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга, бывшем кафедральном соборе Российской Империи!

Достаточно сказать, что в этом соборе, когда он ещё был деревянным, венчался только один из российских государей – Пётр Великий! И теперь на его месте окажется самозванный наследник Российского Престола, самозванный Великий князь и Цесаревич, правнук того, кто изменил присяге, внук того, кто призывал русскую эмиграцию воевать с Россией на стороне нацистской Германии, и человек, чьи предки воевали в рядах вермахта и до того развязали Первую мировую войну! Большого глумления над русской историей представить себе нельзя.

Мы заявляем, что ни Мария Владимировна, ни Георгий Прусский не имеют ни малейших прав считаться членами Российской Императорской Фамилии и наследниками Российского Престола. Очередная авантюра этой семьи наносит непоправимый репутационный ущерб России и играет на руку силам, пытающимся дискредитировать Великую историю нашей страны.

С глубоким уважением и верой в торжество правды!

Подписи:

Наталья Александровна Винокурова – заместитель заведующего Отделом по связям с политическими и общественными организациями и СМИ постоянного представительства Республики Крым при Президенте Российской Федерации.

Владимир Николаевич Греков – председатель Объединения памяти Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка.

Николай Никитич Добрынин – член Общества Памяти Императорской Гвардии.

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук.

Игорь Васильевич Журавков – действительный член Русского Географического Общества.

Граф Сергей Алексеевич Капнист – председатель Главного Управления, Российского Общества Красного Креста старой организации.

Алим Алимович Крылов – член Объединения Памяти Лейб-Гвардии Казачьего Его Величества полка.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – почётный член президиума и сооснователь Международного Совета российских соотечественников, почётный член Российской академии художеств.

Глеб Борисович Лукьянов – член Санкт-Петербургского отделения «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры».

Дмитрий Дмитриевич Лобков – председатель Регионального Координационного Совета российских соотечественников в странах Америки, Новой Зеландии и Австралии.

Княгиня Джулия Романова – вдова князя Михаила Андреевича, почётный член Объединения членов рода Романовых.

Антон Андреевич Скирда – председатель Совета Федерального Строительного Объединения Потребительского Общества «НАШ ДОМ».

Князь Александр Александрович Трубецкой – председатель Общества памяти Императорской Гвардии, председатель Ассоциации «Франко-Российский Альянс», член Международного Координационного Совета российских соотечественников.

Маркиз Иван Фараче ди Виллафореста – внук князя Иоанна Константиновича, почётный член Объединения членов рода Романовых.

Екатерина Сергеевна Фёдорова – доктор культурологии, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова.

Граф Пётр Петрович Шереметев – председатель Российского музыкального общества в Париже и ректор Парижской русской консерватории имени Сергея Рахманинова. Почётный председатель президиума Международного Координационного Совета российских соотечественников.

12 апреля 2021 г.

Берега Литвы

Анна Тураносова-Абрас

Анна Тураносова-Абрас (Висагинас, Литва) – поэтесса, публицист, автор-исполнитель в жанре современного городского романа, редактор. Дважды лауреат Международного фестиваля поэзии «Славянские объятия» (Варна, Болгария). Член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Секретарь вильнюсского литературного общества поэтов и писателей, пишущих на русском языке, «Логос».

ВЕРЮ Я

Верю я в тоску немую
И в молитву без ответа;
Жизнь страданья не минует,
Не минует ночь рассвета.
Верю я – всему на свете
Бесприютен путь и долог,
Верю в день, который светел,
Верю в дом, который дорог..
Верю я – достоин счастья
Каждый смертный, каждый грешный,
Если только в нашей власти
Эта боль и эта нежность.

НЕРИС

Нерис несёт тихие струи
Вдоль тихих лесов и полей,
И я эти струи целую
Душой помутневшей своей,
Из давности в дальние дали
Течёт эта Лета-река,
И воды её, как скрижали,
Впитали года и века..
Но нет у души отраженья,
И в зеркале лишь пустота,
Когда в непрерывном движенье
Река преломляет цвета.

В МОЕЙ ОДИНОКОЙ СВЕТЁЛКЕ

В моей одинокой светёлке
Последний огонь затуши;
Тоскуют осенние ёлки
На тёмном подворье души,
И к вечности льнущие двери,
В которых забвенью живёт,
От глупости всякой потери
Смиряют мучительный ход..

ЗАМИРАЛО СЕРДЦЕ, ЗАМИРАЛО...

Замирало сердце, замирало,
Застывала патокою грусть..
Словно мне непрожитого мало,
Снова я несбывшимся томлюсь..
Возвращаюсь по весенним тропам
В сад, где всё искрилось и цвело,
Где струилось огненным потоком
Вечное блаженное тепло..

Я НЕ ПРОЩАЮСЬ

Я не прощаюсь с вами, нет;
Нет, мне с тобою не проститься..
Мне никогда не превратиться
В изящный, невесомый след,
Не стать портретом за спиной..
ТЫ не прощаешься со мной..

ВЫСОТА ПАДЕНИЯ

Высота падения.
Чистота сгорания.
Вера в провидение.
Пепел умирания.
Высота возмездия.
Боль прикосновения.
Глубина созвездия.
Тишина мгновения.

ВСЁ ПОВТОРЯЕТСЯ...

Всё повторяется – исходы
Из века в век, из мига в миг;
Пути от омота до брода,
Последний стон и первый крик;
Благословенье нечестивым,
Несокрушённым аналой,
Долготерпенье терпеливым
По старой памяти былой..

А Ты – над всем, а Ты – над всеми,
Всё покрываешь – для чего?!
Душа, душа, какое семя
Растёт доверчивей всего?..

КОМУ ИЗ НАС...

Кому из нас висеть в петле,
Кому – лакействовать тайком,
Кому – скитаться по земле
С заплочным прорванным мешком,
Кому – склоняться пред судьбой,
Кому – услышать благовест...
Лишь быть собой, самим собой –
Благословение и крест...

ОТВЕТ ПАСТЕРНАКУ 1

Быть знаменитым некрасиво...

Б. Пастернак

Царят гордыня и кокетство
В отказе от земных похвал –
Так стариком играет детство,
Так тишиной играет бал...
Мне не близка такая поза,
Не впечатляюсь и другой:
Стоять, как срезанная роза,
Перед притихшею толпой...

ОТВЕТ ПАСТЕРНАКУ 2

Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать...

Б. Пастернак

Кто знает, что такое слава?..
По мановенью чьей руки,
Кому дана она по праву,
Кому – даётся вопреки?..
Что это – рок, усилие, случай,
Гордыня, бремя, тяжкий труд?..
Кто невезучий? Кто – везучий?
Кого посмертно ототрут?

КОНЕЦ ГОРЯ

Как хорошо и бездумно, –
Тихо желтеет листва,
Падают листья бесшумно,
Словно простые слова;
Всё превращается в воздух –
Листья, и тени, и сны...
Быть перестало серьёзным
Бремя недавней вины...

Больше не жду, и не плачу,
И не прошу ничего...
Это, наверное, значит
Горя конец моего.

НАБРОСКИ

Сердца смятённого трепет
Не расстаётся со мной,
Словно младенческий лепет
В комнате полуночной...
Длинные узкие тени
Вновь обступили меня –
Полузабытых видений,
Полуушедшего дня...
Ваших шагов отголоски,
Отзвуки сна одного –
Всё это только наброски
Замысла не моего.

У ПОЭТОВ ДОМОВ НЕ БЫВАЕТ

У поэтов домов не бывает,
Не найдётся бездомным приюта...
Тихо сердце моё уплывает
В темноту, как пустая каюта...
Ты меня провожаешь глазами,
Но в глазах у тебя нету ласки...
Непреклонное небо над нами
Обновляет поблекшие краски.

БЛАГОСЛОВИ МЕНЯ, ЛЮБОВЬ

Благослови меня, любовь,
На крестный путь неразделенья...
Душа моя, не прекословь.
Не жди. Не требуй утolenья.
Благослови меня, печаль.
Пути твои исповедимы.
Ни при луне, ни при свечах
Не позовёт меня любимый.
О свет души моей, прости!
Я неприкаянное море.
Обет, утраченный в пути.
Слеза, горящая во взоре...

* * *

А слёзы такие горячие,
Рука не успела остыть...
Кругом только воды стоячие,
Которых вовек не испить...
И вовсе не тени минувшего
Прощаешь ты и признаёшь,
А сердцу, себя обманувшему, –
Последнюю нежную дрожь...

Русский мир без границ

Берега Австралии

Юрий Мазковой

Юрий Мазковой – родился в 1957 году в Ленинграде. Окончил Московский авиационный институт. После защиты кандидатской диссертации занимался научной работой. Ряд публикаций по авиационным технологиям и принятию решений. В 1991 году переехал с семьёй в Австралию. Работал в крупнейших инженерно-консалтинговых компаниях. Закончил корпоративную карьеру вице-президентом компании «Регистр Ллойда» в 2016 году и основал свою консалтинговую фирму. В 2019-м вдруг понял, что хочется писать не только про аммиачную коррозию, но и на общечеловеческие

темы. Начал публиковаться в литературных журналах Австралии, Новой Зеландии, Канады и Германии. Живёт в Сиднее.

Спутницы жизни

Рассказ

Женька не верил в чудеса и боялся девчонок. До той самой новогодней ёлки. Там он их и встретил: Праду и Лялю – двух близняшек. Если такое можно сказать про десятилетнего мальчика, то они ему явно вскружили голову. Он даже танцевал с ними! Правда, Прада танцевала чуть лучше, и ему больше нравилось кружиться с ней; и вообще, с ней было немного проще и свободней. Хотя и Ляля была хороша. Где-то с середины мероприятия Женьку стал мучить вопрос: «А как же продолжить знакомство?» Все его контакты с другими детьми были ограничены школой, двором и детьми родительских друзей. Он понятия не имел, как поступают в такой ситуации. Может, спросить, где они живут? Наконец, когда уже ёлка должна была вспыхнуть всеми огнями, он поборол стеснительность и спросил напрямую: «А когда мы встретимся ещё раз?» Они посерьёзтели и ответили в унисон:

– Не волнуйся, мы тебя ещё много раз найдём.

В это время освещение погасло, а ёлка всё не загоралась. В кромешной темноте Женя вдруг почувствовал, как они с двух сторон наклонились к его ушам и одновременно прошептали:

– Ведь я правда про тебя, – сказала Прада.

– Ведь я ложь про тебя, – сказала Ляля.

Девчонки ещё никогда не шептали ему на ушко до этого. Чувство было настолько острым, что у Женьки закружилась голова и смысл слов до него просто не дошёл. Он зажмурился, а когда открыл глаза, то ни Прады, ни Ляли не было видно. Он старательно оббегал зал. Тщетно.

История забылась не сразу.

* * *

И потом вспомнилась только на институтском бале для старшекурсников, лет через десять. Бал был организован для победителей межинститутского конкурса проектов, где победил Женя. Он сильно изменился за это время. Вырос, возмужал и совершенно перестал бояться девчонок, даже наоборот. Теперь он с удовольствием проводил время с красивыми девушками. И этих красоток он сразу заметил. Близняшки всегда обращают на себя внимание, если держатся вместе. А такие, как эти, особенно. Но узнал он их только через какое-то время. И когда узнал, то вспомнил всё: ёлку, своё первое детское увлечение, вспомнил, как они прошептали ему что-то прямо в уши в кромешной темноте. Правда, не мог вспомнить, что именно они тогда ему сказали. Вспомнил, как они ис-

чезли совершенно вдруг. «Ну, нет, сегодня им от меня не улизнуть», – Женья бросился к ним через весь зал. Они обернулись, их лица озарились улыбками. Неужели они тоже его узнали?!

– А-а-а, Женья, победитель конкурса на лучший проект, надежда факультета и восходящая звезда, – радостно воскликнула Ляля, – наконец-то удостоил нас вниманием!

– Лялька, ну ты даёшь! Откуда ты всё про меня знаешь? – зарделся Женья.

В это время из усилителей донёлся призыв Ведущего:

– Танцуют ВСЕ!

Женья повернулся, памятуя «ёлку», к Праде, но та взяла его руку и вложила в неё руку Ляли.

– Я думаю, тебе лучше сегодня плясать с ней.

Это было немного обидно.

– Что это с ней? – спросил он у Ляли, когда они стали вальсировать.

– Она немного хромает, поэтому танцевать стесняется. Да не переживай ты за неё, если не танцевать, то ничего никто не заметит.

И Ляля перевела разговор на успехи Жени, говорить о которых было намного приятнее. Потом был второй танец, потом третий. Жене даже показалось, что Ляля стремится помешать ему общаться с Прадой. И ей это в значительной степени удалось. Она была весела, говорила комплименты, шутила и явно пыталась добиться его расположения. Он прямо растаял от такого внимания. Завистливые взгляды сокурсников добавляли остроты к ситуации. Прада же, если честно, показалась ему сегодня немного нудной. Она как бы была в стороне от общего праздника, была серьёзной и озабоченной. И когда они оставались вдвоём – ведь Лялю приглашали и другие студенты, то говорила больше о темах неприятных, и все её высказывания звучали как нравоучения. А когда они были втроём, то Прада в основном молчала. Он хотел ей искренне помочь и предложил протекцию к отличному массажисту, который мог бы поправить её ногу, а она вдруг ляпнула: «Мне не массажист помочь должен!» – и повернула беседу на Тучина (причём непонятно, как она вообще про него узнала).

– А Тучин не переживает, что его имени нет среди авторов проекта? Ведь это была его идея.

– Ну да, его. Мы хотели подать проект вдвоём, но по условиям конкурса соавторство не разрешалось. Я хотел «уйти с миром», но он настоял, чтобы я подал проект от себя. Он понимал, как это важно для меня. К тому же я тогда через родителей сильно помог его маме и с операцией, и с лекарствами.

Тут подскочила Ляля:

– Белый танец. Я тебя приглашаю.

Женья был очень рад, что неприятная беседа наконец-то прервалась. Он всё время напоминал себе: «Надо не дать им уйти, не оставив телефона или адреса». Но когда его вызвали на сцену для вручения награды, он всё-таки отвлёкся, уж очень момент был приятным. Он пытался не упускать их из вида, но когда спустился в зал, девчонки как испарились. «Чёрт побери! Козёл! Дурак! Опять проглядел!» – ругал он себя. Лишь в конце вечера Ведущий подошёл к Жене и передал ему записку. Он надеялся увидеть номер телефона, но записка гласила: «ЕЩЁ НЕ ПОЗДНО».

– Кто её тебе передал? – сказал Женья и сразу понял идиотизм вопроса – девчонки выглядели одинаково.

– Редкая красавица, и где ты только таких находишь? Да, она, по-моему, хромала немного.

Значит, Прада. Он долго ломал голову над смыслом записки. «Что не поздно? – думал он. – К чему эти загадки? Почему бы не объяснить по-человечески?» Как же так, он опять их упустил. «Ну, Прада – ладно, она целый вечер букой просидела, а Лялька-то каким образом исчезла без следа? Ведь явно весь вечер пыталась меня закадрить!» – с сожалением думал Женья. Он ещё долго мучился и ждал их появления. Потом круговорот дел и проблем его полностью захватил.

* * *

Жизнь, наполненная событиями, летит быстро. Вот и ещё декада пробежала. На этот новогодний вечер своего НИИ Евгений даже не собирался идти. Какой смысл? Он всё равно уходит. К чему здесь штаны протирать? И хотя, конечно, он завлаб и кандидат, сейчас он прекрасно предвидел, что будущее явно не за наукой. На дворе перестройка! Будущее за бизнесом. И то, что имело смысл пять лет назад, сейчас становится смешным. Но, в конце концов, Евгений решил, что надо сходить

«отметиться». Всё-таки столько лет проработано в одном коллективе. И даже успешно. К тому же какое-то внутреннее предчувствие говорило ему, что идти на этот вечер стоит.

Найдя себя в списке, Евгений сел за столик «44». К его удивлению, за столиком больше никого не было. Сначала по плану был концерт, потом ужин и танцы. Когда программа началась, за его стол опустились две женщины. Лялю он узнал сразу. Выглядела прекрасно – стать, волосы, она, казалось, стала ещё привлекательнее, те же пухленькие губки, нежнейшая кожа и самое главное – те же горящие живые глаза.

– Господи, Лялька! Да ты просто принцесса! Ты здесь всех сведёшь с ума. Не хочу быть банальным – но ты стала ещё краше. А ты с кем?

– Неужели ты и правда меня не узнаёшь? Лгунишка! – прохрипела-проскрежетала Лялькина подружка.

Евгений внимательно всмотрелся в казалось бы совершенно незнакомое лицо и вдруг понял, что это Прада. Вот она, действительно, очень изменилась: появился живот, три подбородка, морщинистая кожа с желтизной, заплывшие глаза, редкие сальные волосы, одышка, даже нос стал картошкой. Евгения передёрнуло. Как же это можно себя до такого довести? Она ведь моя ровесница. И Лялька выглядит как её дочка.

– Боже мой, Прада... – только выдавил он.

– Ну, как тебе деяние рук твоих? – она криво усмехнулась, показывая на себя.

Евгений опешил. «Ну а я-то здесь при чём? – едва не выкрикнул он. – Совсем бабы с ума посходили! Ищут кругом виноватых вместо того, чтобы следить за собой и заниматься спортом», – пролетело у него в голове.

– Сестричка, не дави на психику нашего будущего олигарха! – пришла на помощь Ляля, причём довольно резко; было видно, что она чувствует себя хозяйкой положения. – Не все такие правильные, какими ты их хочешь сделать. Кому – содержание журнала, а кому – красивая обложка. Содержание ведь вообще мало кого интересует, а обложку все видят.

Евгений не совсем понял, о чём это она. Но Ляля приложила нежный пальчик к его губам, и они стали смотреть программу.

Весь вечер он проговорил с Лялей, которая проявила истинный интерес и хорошую осведомлённость в его делах.

– Ты, надеюсь, понимаешь, что в бизнесе правила намного жёстче, чем в науке, которой ты до сих пор занимался? – говорила она, как ему показалось, несколько покровительственно, что его немного озадачило.

– Я тебя уверяю, – мягко возражал он, – что и в науке грызни предостаточно.

– Не те ставки! Да, в науке люди тоже воюют за место под солнцем, но если там битва идёт за должности и ступени, то в бизнесе всё намного серьёзнее – там может встать вопрос даже о жизни! Надеюсь, ты к этому готов?

Перед Евгением за секунды пронеслись некоторые эпизоды последних десяти лет. Да, он вполне мог принимать жёсткие решения в прошлом и не боится ещё большей жёсткости в будущем. Он посмотрел на Лялю, что называется «в упор».

– Да, я вижу, ты созрел для бизнеса.

Прада что-то хотела сказать, но Ляля её довольно грубо одёрнула:

– Не дёргайся! Ты уже должна была понять, что своё отговорила.

В процессе вечера Евгений изредка поглядывая на Праду, которая достала из сумки небольшой альбом с фотографиями и листала его. Евгению взглянуть не предлагала, а он и не просил. Он вообще поймал себя на мысли, что было бы неплохо, если бы Прада ушла. С Лялькой было по-настоящему хорошо, она им восхищалась, его успехами и особенно планами на будущее. Она дала ему несколько очень дельных советов. Ему захотелось быть с ней всю жизнь. Прада же только хмыкала и всё время прикладывалась к вину. Евгений понимал, что, стоит ему отлучиться, и они исчезнут, поэтому терпел до последнего, но природа взяла своё. В конце концов, он выскочил из-за стола со словами: «Я на минуту». Когда он вернулся, их, естественно, не было. На столе лежала фотография.

«Сволочь!» – пронеслось в голове у Евгения, когда он взглянул на фото. На ней были изображены два человека, видеть которых Евгений хотел меньше всего: бывший завлаб и беременная Анька,

причём вместе, хотя они точно не были знакомы. Сзади фото было подписано: «Ты, видно, забыл, кто я». – «Да я прекрасно знаю, кто ты, – подумал он, – ты толстая гримза, которой плохо, когда другим хорошо». Он скомкал фото и поспешил из зала.

* * *

Этот новогодний корпоратив был организован, скорее, для администрации, чем для сотрудников. Именно на нём администрация должна была подписать лицензию, дающую разрешение корпорации, принадлежащей Евгению Ивановичу, на застройку ныне заповедной зоны. Если это случится, то выход на орбиту можно считать завершённым. Всё было продумано до мелочей, но Евгений Иванович всё же решил «прогнать» всю программу с распорядителем ещё раз и приехал пораньше. А может, что-то внутри ему подсказало, что надо появиться значительно раньше, до начала вечера.

Войдя в фойе, он сразу заметил, что к нему направляется женщина. Он очень хотел, чтобы женщина оказалась Лялей. Он с утра думал о возможности встречи с близняшками – ведь с их последней встречи прошло уже десять лет, и им пора было опять объявиться. Ему нужна была поддержка и впрыск адреналина. Но не может быть, что это она – уж больно упругой и молодой была походка, да и фигура была как у девушки. И всё-таки это была Ляля. Евгений Иванович улыбнулся и пошёл навстречу, раскрывая объятия для привычных комплиментов и радостных поцелуев. К его удивлению, их не последовало:

– Отойдём, Женька, – она взяла его под руку и не то чтобы потащила, но как-то очень решительно повела в сторону. Он не смог воспротивиться.

– Сразу к делу, ты должен будешь сделать всё то, что написано здесь, – она протянула ему папку.

Евгений Иванович оторопел. Что за командирский тон? И с какой стати он должен что-то там делать.

– Лялечка, милая, ну что за давление...

Ляля перебила:

– У нас мало времени. Ты сделал свой выбор давно, и обратной дороги нет. Таких, как ты, у меня слишком много. Можешь называть меня настоящим именем, когда мы вдвоём. Надеюсь, ты помнишь, что я Ложь? Да, я ложь про тебя. Не делай удивлённые глаза! Мы же представились тебе ещё на новогодней ёлке. Ты видишь, что ложь про тебя очень красивая, привлекательная, манящая. И если ты хочешь, чтобы меня все видели и я была такой для окружающих и впредь, ты должен будешь делать то, что я тебе говорю, ибо выбора у тебя уже нет.

За какую-то секунду перед Евгением Ивановичем пронеслись все их прошлые встречи. Он вдруг вспомнил, что именно они ему прошептали прямо в уши, теперь всё приобрело смысл. Сначала Прада ему нравилась больше, потом она стала хромать, потом он катился вниз, но вся его мерзость отражалась только на Праде. Прада ведь правда о нём, а последние десять лет... об этом лучше не думать. Мурашки пробежали от пяток к затылку, чтобы собраться в горле и плотно его сдавить.

– А где же Прада? – промямлил он.

– Правда-то? Правда про тебя сейчас настолько ужасна, что ей больше нельзя показываться на людях. Она так выглядит, что если кто её увидит, то тебе несдобровать. Ты же сам её не хотел видеть в прошлый раз и ничего не сделал, чтобы хоть как-то ей помочь, а теперь она стала ещё неприятнее. Вот я её и пристроила в тихое местечко, где её никто не увидит. Но если ты не будешь слушаться – я её выпущу. Не будь мямлей, ты получил, что хотел. Да к тому же, ты сам понимаешь, что со мной тебе легче и проще.

Она подняла бровь:

– Ты усвоил?

Он с трудом кивнул.

– Ты будешь хорошим мальчиком, заботящимся только обо мне, ведь так? И делать всё возможное, чтобы правду о тебе никто не увидел.

Он кивнул опять, он всё ещё не мог прийти в себя.

Она развернулась и пошла к выходу, провожаемая восхищёнными взглядами окружающих.

Другой мужчина

Навеяно рассказами Юлии Ореховой

Он всегда рядом, этот везунчик. Он подтянут, мускулист, у него такой мужественный вид, на который всегда «западают». Он классно говорит, а одевается так, что окружающие невольно задерживают на нём взгляды. Хотя и неброско. Его рабочий кабинет в безупречном порядке, хоть сейчас на обложку журнала «Money». Он никогда не ищет нужные документы, поскольку знает, где они лежат. Его галстук всегда соответствует костюму.

Он высокого роста и классно танцует в стиле «Джеймса Бонда». На корпоративах все смотрят на него. Если попросят, он даже может спеть поставленным чистым голосом.

Он никогда не опаздывает и заканчивает все проекты в срок и не выходя за рамки бюджета. Он не раздражается, даже разговаривая с дураками, находит способ и имеет терпение всё доходчиво объяснить. А от безнадёжных сотрудников избавляется легко, причём так, что они даже не обижаются. Ему всегда приходят в голову отличные идеи, когда он берёт слово, то все замолкают и слушают с интересом. У него такой спокойный голос и располагающая манера, что даже накалённая обстановка разряжается, когда он начинает говорить.

Он знает четыре языка, причём те, на которых говорят самые важные клиенты. Его речевые обороты красочны и образны на всех языках.

Каким-то образом он уделяет много времени детям, и они искренне хотят «быть как папа», а жена от него без ума. Она заботится о нём и помогает в карьере.

Он всегда где-то рядом: на работе, на встречах с клиентами, в телевизоре и отражённый в женских взглядах. Другой мужчина. Он дышит мне в затылок или, наоборот, идёт впереди. И мне приходится всё время стараться «не подкачать». Обнадёживает только одно: для кого-то я тоже этот самый другой мужчина.

Два друга

Рассказ

Один, Паша, как ребёнок, хотя мой ровесник. У него всегда всё идёт не так, ну, почти всё. Он всегда опаздывает или же приходит вовремя, но в неправильное место. Да, я не сказал, что он актёр. Причём заслуженный артист. Ложится спать не раньше четырёх утра. Вот если вам надо лететь на съёмки утренним самолётом и надо вставать в шесть утра или в пять, то как вы поступите? Я лично лягу спать в десять вечера, заведя будильник. А что делает он? Он зовёт меня, чтобы мы говорили о театре всю ночь, и я бы не дал ему заснуть до шести и отправил в аэропорт. А в аэропорту его уже примут братья по цеху и погрузят в самолёт. Если повезёт, конечно. Так что ситуация, описанная в «С лёгким паром», с ним случалась.

Я говорил, что он популярный? Он популярный. Но мог бы быть более популярным, если бы не спорил с режиссёрами. То он не хочет сниматься с бородой, то меняет слова в роли. Ну и, ясное дело, у него постоянные проблемы с деньгами, точнее, с их отсутствием. Причём не пропивает, а транжирит.

Шёл как-то с приличной суммой, чтобы внести взнос за кооператив, и увидел, что продают немецкие гоночные велосипеды. Купил. Ему нужно было испытать чувство полёта. Испытал, но остался без «двушки». Правда, катается на нём уже много лет.

Вы слышали, чтобы жилец кормил хозяина квартиры, комнату в которой он снимает? Столкнулись как-то на улице – он с авоськами продуктов. Зайдёшь? Захожу. А там дед бородатый, как выяснилось, хозяин: как его увидел, начал буквально кричать: «Йисты! Йисты хОчу». Паша ему: «Сейчас-сейчас», и... начинает готовить. Я решил пошутить: «Ты с ним ну прям как с кошкой!» На что Паша: «А кошка ко мне тоже прибилудилась». – «Ты же ему деньги платишь за комнату, плюс пенсия, – не унимался я, – это же, наверное, даже больше, чем твой заработок». Он в ответ: «Давай к столу».

Поэтому он всё время занимает в долг. Но каким-то образом отдаёт. Не понимаю почему, но жена его всё ещё любит, да и с сыном отношения хорошие.

Другой, Саша, как учитель, хотя мой ровесник. У него всегда всё так и путём. Он никогда не опаздывает, и электронный календарь – его лучший друг. Я даже видел запись в этом календаре: «Жениться на Кате». Интересно, он поставил напоминание на 10 минут или на 10 дней? Да, я не сказал, что он бизнесмен. Причём успешный. Поэтому вторая жена – это рабочая необходимость. Он встаёт в то время, когда Паша ложится, и сразу на пробежку. Он всегда знает, что делать, как делать и как преподнести то, что сделали.

Я всё время обращаюсь к нему за советом, ибо он знает всё. Даже изменение курса акций он предсказывает правильно в двух случаях из трёх. Он вкладывает деньги в недвижимость, акции, облигации и бог знает куда ещё. Именно у него я прошу займы, и он никогда не отказывает. Правда, всегда просит сказать точно, когда я верну долг. Один раз я сказал ему: «Верну двадцать шестого января». Он посмотрел в календарь и спросил: «Утром или после обеда?»

Каково же было моё удивление – услышать разговор с невидимым абонентом, когда во время посиделок с моим первым другом-актёром кто-то позвонил ему явно с просьбой о помощи. У человека, очевидно, были проблемы в семье, и Паша, ну прямо как старший брат или психотерапевт, долго наставлял его, подробно рассказывая, что тот должен сказать жене, дочке и прочей родне, чтобы разругать критическую ситуацию. Я даже обалдел, что кто-то может вообще просить советов у непутёвого Паши. В конце концов, он отключился. «Кто это был?» – спросил я. «Это наш приятель Саша. В людских отношениях он просто как дитя малое».

Круг замкнулся.

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б.В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, Президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», Учредители – Светлана Савицкая, Александр Бухаров

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru